

- [Джеймс Оливер Кервуд](#)

- [ГЛАВА I](#)
- [ГЛАВА II](#)
- [ГЛАВА III](#)
- [ГЛАВА IV](#)
- [ГЛАВА V](#)
- [ГЛАВА VI](#)
- [ГЛАВА VII](#)
- [ГЛАВА VIII](#)
- [ГЛАВА IX](#)
- [ГЛАВА X](#)
- [ГЛАВА XI](#)
- [ГЛАВА XII](#)
- [ГЛАВА XIII](#)
- [ГЛАВА XIV](#)
- [ГЛАВА XV](#)
- [ГЛАВА XVI](#)
- [ГЛАВА XVII](#)
- [ГЛАВА XVIII](#)
- [ГЛАВА XIX](#)
- [ГЛАВА XX](#)
- [ГЛАВА XXI](#)
- [ГЛАВА XXII](#)
- [ГЛАВА XXIII](#)
- [ГЛАВА XXIV](#)
- [ГЛАВА XXV](#)

- [notes](#)

- [1](#)
-

Джеймс Оливер Кервуд
Там, где начинается река

Между Коннистоном, входящим в состав королевской северо-западной горной полиции, и аутло¹ Кейтом наблюдалось поразительное физическое сходство, что, конечно, в свое время было замечено и учтено обоими. Это сразу внушило им обоюдное доверие. Они почувствовали влечение друг к другу чуть ли не с первой минуты их встречи, влечение чисто эмоционального свойства, которое не поддавалось точному определению и все время подсказывало Коннистону, что он нарушает присягу и поступает самым изменническим образом.

Он представлял, олицетворял собой закон! В глазах всех людей он был до сих пор законом! В продолжение двадцати семи месяцев он без устали охотился на Кейта, и ни разу за это время из его головы не выходили слова, которые были сказаны ему пред отъездом: «Вы не должны возвращаться сюда до тех пор, пока не приведете к нам этого человека живым или мертвым! В противном случае...»

Мучительный кашель, который потряс все его тело, оторвал его на миг от этих мыслей. Он сидел на конце скамьи, и, как только послышался его крик боли, а на губах показалась тонкая струйка крови, Кейт поднялся с места, подошел совсем близко к нему и сильной Рукой поддержал его вздрагивающее тело.

Кейт не произнес ни слова, и спустя минуту Коннистон вытер кровь с губ и мягко улыбнулся еще до того, как последняя тень боли исчезла из его глаз. Одна рука его еще оставалась на кисти, которая хранила следы наручников, и при виде этого следа он вернулся к печальной действительности. «В конце концов, — подумал он, — судьба трагически посмеялась над нами обоими».

— Благодарю вас, — сказал он, — благодарю, дружище!

И его слабые пальцы пожали кисть со следами наручников.

Над их головами ревел и гудел арктический шторм. Бешеный, точно с цепи сорвавшийся буран рвал все, попадавшееся на его пути, и, казалось, упорно стремился к тому, чтобы смести с лица земли маленькую хижинку, которая отважилась приютиться чуть ли не на самом краю мира, на расстоянии восьмисот миль от цивилизации. Слышались страшные крики, мучительные и вместе яростные стоны, душу раздирающие визги, и, когда вьюга на миг призадумалась и сменилась болезненной, напряженной и странной тишиной, оба человека почувствовали, как плавно и гулко дрожала под их ногами насквозь промерзшая земля, подставившая свою грудь под удары ледяных громад, стремившихся к Гудзонову заливу.

Тишина была тотчас же нарушена. Откуда-то пришел глухой и густой грохот, словно отзвук титанического далекого боя. На фоне этого грохота время от времени слышались звонкие трески, вызванные распадением отдельных льдин на мельчайшие части, и трески эти были как раскаты шестидесятидюймового орудия. Бесчисленные миллионы тонн льда неслись в Гудзонов залив со стремительностью гуннских орд.

— Вам бы лучше прилечь! — предложил Кейт.

Но Коннистон в ответ медленно поднялся с места и направился к столу, на котором горела масляная лампа, питавшаяся тюленьим жиром. По дороге к столу он явно качался, едва дошел до места, и тотчас же напротив него поместился Кейт. Между ними лежала колода потрепанных карт. Коннистон пощупал карты, вдруг поднял глаза на Кейта, пристально посмотрел на него и усмехнулся.

— Ну и странная же штука, дьявольски странная! — воскликнул он. — Что скажете, Кейт, по этому поводу?

Он — англичанин, и в его голубых глазах загорелся угрюмый, холодный юмор.

— И забавная к тому же штука, страшно забавная! — прибавил он.

— Странная, но вовсе не забавная! — отчасти согласился Кейт.

— Ну а я говорю, что забавная! — продолжал настаивать англичанин. — Ровно двадцать семь месяцев назад, без трех дней, я был послан со специальной целью: во что бы то ни стало отыскать вас, Кейт. Мне было приказано привести вас живым или мертвым, и по истечении двадцати шести месяцев я действительно поймал вас. И должен вам признаться, что никто до сих пор не причинял мне таких неприятностей и затруднений, как вы. Пока я добрался до вас, я узнал все адовы муки: я и с голоду умирал, и замерзал, и тонул. Словом, всякое бывало! Вы подумайте только: я в продолжение восемнадцати месяцев не видел ни одной белой женщины! Это ужасно. Я из-за вас черт знает что пережил! Но в конце концов я поймал вас! В этом последнем факте заключается положительная сторона моего предприятия: я поймал вас, и следы наручников на ваших кистях подтверждают успешное заключение моего дела. Я выиграл! Вы не можете не согласиться с этим! Вы должны быть честным человеком по отношению ко мне, должны правильно играть со мной, потому что вы прекрасно знаете: это моя последняя игра на белом свете!

На этих словах его голос пресекся, и в нем послышалась жалобная до слез нотка.

Кейт утвердительно кивнул головой.

— Да, вы выиграли! — согласился он. — Вы выиграли настолько верно, что, если бы подлый мороз не куснул вашего легкого...

— Об этом не будем долго говорить! — прервал его Коннистон. — Вот именно тут начинается забавная сторона дела. Я уже готов был связать вас по ногам и рукам и отдать в полное распоряжение палача, как вдруг — бац! — мороз, как вы выражаетесь, куснул мое легкое, и все карты нашей игры перемешались. И вот, вместо того, чтобы поступить со мной точно так же, как я лично поступил с вами, вместо того, чтобы убить меня или же просто бросить на произвол судьбы и, воспользовавшись моей беспомощностью, убраться подальше от сих зланных мест, вы, Кейт, поступили как настоящий человек, как верный товарищ и приложили все силы и приняли все меры к тому, чтобы поддержать мою угасающую жизнь. Так разве же это не забавно? Найдите мне что-нибудь более забавное! Попробуйте! Мне просто интересно взглянуть на эту более забавную вещь!

Он протянул через стол руку и крепко пожал руку Кейта. И тотчас же на несколько мгновений опустил голову, потому что все его тело снова потряс приступ мучительного кашля. Кейт догадался о страданиях Коннистона по его судорожному пожатию руки. Когда тот снова поднял голову, губы его были окрашены алой кровью.

— Надо вам знать, — сказал он, вытерев кровь платком, который немедленно покраснел, — надо вам знать, что я точно высчитал день, когда мы навеки распрощаемся с вами! Это произойдет в четверг! Мне не дожить уже до ближайшего воскресенья. Может быть, дотяну еще до пятницы. Мало шансов на субботу. Мне неоднократно приходилось видеть людей, пострадавших точно таким же образом, как и я, то есть людей с отмороженными легкими. Вы поняли: мне это не впервые! В моем распоряжении остается два дня, максимум три. После этого вам придется вырыть для меня уютную ямочку и должным образом похоронить мои останки. А похоронив меня, вы освобождаетесь от слова, которое дали мне, когда я снял с вас наручники.

Он помолчал, а затем сказал:

— Теперь же позвольте задать вам один вопрос: что вы намерены делать после моей смерти?

На лице Кейта показались глубокие борозды, вызванные душевными муками. Еще только вчера они говорили о своих годах. Ему минуло тридцать восемь лет, и он был немногим моложе человека, который так настойчиво гнался за ним и который умирал в тот самый момент, когда

блестяще достиг своей цели. Никогда до сих пор им не приходилось так ясно и определенно касаться этого горестного факта. И вот почему так смутился сейчас Кейт, которому в иные минуты было гораздо легче убить человека, чем сказать тому же человеку, что он доживает свой последний час на земле.

Он чувствовал себя несколько легче оттого, что сам Коннистон со свойственным ему холодным юмором точно определил свое тяжелое положение. Своим диагнозом он снял гору с плеч Кейта.

Они снова поглядели через стол друг на друга. В мрачном свете масляной лампочки они, как родные братья, обменялись теплыми взглядами.

— Итак, что вы намерены делать после моей смерти? — повторил Коннистон свой вопрос.

Под упорным взглядом умирающего англичанина Кейт, казалось, сразу постарел.

— Я думаю... — медленно и нерешительно начал он, — я думаю, что мне придется вернуться назад.

— Вы хотите сказать, что вам придется вернуться в Корнейшн Гэльф? Вы, значит, опять пристанете к эскимосам? Если вы это сделаете, то вам место в сумасшедшем доме!

— Я сам прекрасно понимаю это, — возразил Кейт, — но, к сожалению, никакого другого выхода у меня не остается! И вы прекрасно знаете, что это так! Вы лучше кого бы то ни было знаете, как повсюду охотятся на меня! Если я двинусь на юг...

Теперь наступила очередь Коннистона задумчиво опустить голову.

— Да, конечно, вы правы! — согласился он. — Они здорово охотятся на вас! А вы в свою очередь не так-то легко пожелаете отдаться им в руки! Но в конце концов они все-таки поймут вас, я нисколько не сомневаюсь в этом! И скажу вам всю правду: меня это очень огорчает!

Их руки разжались.

Коннистон набил трубку и зажег ее, причем Кейт обратил внимание на то, что его рука, державшая спичку, почти не дрожала. Сила воли этого человека была поразительна.

— Меня это огорчает! — повторил Коннистон. — Вы мне очень нравитесь! Сказать вам правду, Кейт, мне очень хотелось бы, с одной стороны, чтобы мы были с вами братьями и чтобы, с другой — вы никогда не убивали человека. В тот самый вечер, как я надел на вас наручники, я отвратительно чувствовал себя. И вовсе не потому, что я в тот день отморозил себе легкое! Нет, я понял тогда и понимаю теперь, что не имею морального права отправить на виселицу человека, того самого человека, за которым я, как собака, бегал чуть ли не целых три года. По отношению к вам я должен поступить совершенно иначе. Я чувствую и понимаю это. Но вот что... и я очень прошу вас не смотреть на меня как на следователя! Уверяю вас, дорогой друг, что во все эти «факты», которые хранятся в нашей штаб-квартире, я не верю ни вот настолечко! Мало того, я готов заложить любую сумму в свидетельство того, что вы вовсе не такой человек, каким все считают вас! Но я прошу вас совершенно искренне рассказать мне это!

Кулаки Кейта тяжело упали на середину стола.

Коннистон заметил, как в его голубых глазах на миг загорелся мрачный огонь. Странная, подавляющая тишина воцарилась в хижине и вокруг нее, и в тишине этой поднялся душераздирающий и томительный плач маленьких белых лисиц, которые покрыли своими голосами глухой рев и треск далеких льдин...

— Почему я убил судью Киркстона?

Кейт очень медленно повторил эти слова. Его стиснутые кулаки разжались, но в глазах все еще горел мрачный огонь.

— А что говорят по этому поводу «факты» вашей штаб-квартиры?

— Они говорят, что вы совершили убийство вполне сознательно и хладнокровно и что честь нашего полицейского отряда находится в полной зависимости от того, как скоро вас повесят!

— Конечно, все это зависит от той точки зрения, на которую каждый из нас станет. Не правда ли? Ну а что будет, если я заявлю, что я вовсе не убивал судью Киркстона?

Коннистон с видимым возбуждением подался вперед. Пароксизм кашля судорогой пробежал по его телу, и, когда он опять получил возможность дышать, казалось, что воздух из его легких пробивается сквозь частую сетку.

— Нет, дорогой мой, — прохрипел он, — это случится не в воскресенье и не в субботу, а завтра! Это — факт, в котором у меня нет уже никаких сомнений.

— Нет, нет, вы ошибаетесь! — закричал Кейт, желая подавить что-то мучительное, что остановилось в его горле. — Вы ошибаетесь! Сколько раз я говорил вам, что вам лучше бы лечь в постель!

Коннистон собрал последние силы.

— О, только не это! — вскричал он. — Вы хотите, чтобы я умер, как подстреленный кролик. Этого не будет! Благодарю вас покорно, дружище, но на это я не согласен.

Он помолчал и прибавил:

— Но вернемся к нашему делу! Послушайте, Кейт, я не могу себе представить, чтобы вы лгали умирающему человеку! Так вот скажите мне вполне откровенно и искренне: вы убили судью Киркстона?

— Я сам не знаю... — медленно ответил Кейт, напряженно глядя на товарища. — Мне кажется, что я убил его, и вместе с тем я не вполне уверен в этом. Знаю одно: в тот вечер я явился в его дом с определенным намерением: либо добиться от него справедливости, либо убить его на месте! Я очень хотел бы, Коннистон, чтобы вы глядели на все это дело моими собственными глазами! Вы могли бы это сделать, если бы знали моего отца. Надо вам знать, что моя мать умерла, когда я был совсем крохотным мальчиком, и с тех пор мы жили с отцом как два товарища-сверстника. Не думаю, чтобы в то время я смотрел на него только как на отца. Отцы. — народ банальный и всегда и повсюду одинаковый! Для меня лично мой отец был больше, чем отец. Начиная с десятилетнего возраста мы почти не расставались с ним. Кажется, мне было лет двадцать, когда он впервые посвятил меня в ту смертельную вражду, которая издавна существовала между ним и судьей Киркстоном. Впервые я понял силу этой вражды, когда Киркстон все-таки добился своего, добился того, к чему стремился чуть ли не всю свою жизнь! Это была подлая, ядовитая змея, которая знала, когда всего удобнее и безопаснее укусить. Он так ловко все подстроил, что мой отец чуть ли не до самого конца не знал, кто это так возмутительно подвел его, и первое время думал, что во всем виноваты его политические враги, а не Киркстон, действительный главарь всего! Мы, однако, довольно скоро узнали всю правду. Мой отец получил десять лет тюремного заключения, а между тем все знали, что он совершенно невиновен! И единственный человек, который мог бы с фактами в руках подтвердить его невиновность и непричастность к делу, был Киркстон, подобно Шейлоку, терпеливо поджидавший своего фунта мяса. Теперь, Коннистон, скажите мне следующее: если

бы вы знали всю подкладку дела и находились бы в моей шкуре, что бы вы сделали? Только всю правду скажите мне!

Коннистон зажег над лампой другую спичку, несколько помедлил и, наконец, произнес следующее:

— Правду сказать, друг мой, я не знаю, что сказать вам! Ну, а что вы сделали?

— Я начал с того, что упал на колени перед этим мерзавцем! — воскликнул Кейт. — Я не знаю, молил ли когда-нибудь и кто-нибудь так, как я молил за моего отца! Я умолял Киркстона произнести те несколько слов, которые могли бы вернуть свободу моему бедному, невинно страдающему отцу. Я предлагал ему все, что только было в моих возможностях, даже мою жизнь и душу. А он сидел, толстый, жирный, спокойный, с двумя огромными кольцами на вздутых, грубых пальцах, и казался мне похожим на противную жабу в человеческом образе. Он усмехался, радовался и издевался, глядя на меня как на паяца, который ломает комедию только для того, чтобы позабавить его, а ведь моя душа сочилась кровью, когда я жалобно смотрел в его глаза!

Он помолчал.

— А тут еще вошел его сын, такой же жирный, гладкий, противный, весь маслянистый, как и отец, и оба начали смеяться надо мной. До этого момента я не имел понятия о том, что такая ненависть может существовать на свете и что такая жажда мести может принести столько радости! О, это было чисто дьявольское наслаждение! Мне казалось, что всю ночь меня будет преследовать их подлый, сатанинский смех. Он неотступно гнался за мной, когда я вышел из комнаты судьи Киркстона. Он срывался на меня со всех деревьев, мимо которых я проходил. Я слышал его в ветре. Весь мой мозг, все мое существо были полны им. И я вдруг, даже как-то бессознательно для самого себя, повернул назад и снова очутился лицом к лицу с этими двумя негодьями. Да, Коннистон, я ясно понимал, что вернулся я туда с той же целью, что и раньше: либо добиться справедливости, либо убить! Но не подумайте, ради Бога, что это было предумышленное убийство: ведь я пришел туда с голыми руками! Но я вдруг увидел большой ключ в замке и схватил его. И, вооружившись им, я снова заявил им о своем требовании, причем решил не тратить лишних слов, а прямо приступить к делу.

Он встал с места и начал расхаживать взад и вперед по комнате. Ветер замер, и снова стали доноситься завывания и рыдания белых лисиц и басовый грохот далеких льдов.

Кейт продолжал свой рассказ:

— Собственно говоря, драку начал сын судьи Киркстона. Он первый наскочил на меня. Я отбросил его назад, и тогда зверь ринулся на меня с каким-то оружием в руках. Я не мог определить, что он схватил, но понял, что у него в руках тяжелая вещь, потому что с первого же удара он расшиб мне плечо. Во время схватки я вырвал из его рук оружие и увидел, что это была длинная, четырехугольная медная линейка, которая употреблялась в качестве пресса для бумаги. В тот же момент я заметил еще, что мой враг схватил со стола вторую, такую же линейку и нечаянно сбросил лампу на пол.

Он с трудом перевел дыхание.

— Мы продолжали бороться во тьме. Все время мне чудилось, что со мной дерутся не люди, а подлые, противные, ползучие змеи, которые окружили меня со всех сторон. Это было ужасно противное ощущение, но я ни на миг не прекращал боя и с каждой минутой наносил все более и более сильные удары. В таком же духе продолжал и сын судьи, но вдруг я услышал, что под одним моим ударом судья Киркстон с криком свалился на землю. А затем вы сами знаете, что случилось после этого! На следующее утро в комнате была обнаружена только одна медная линейка. Сын унес с собой вторую. А найденная линейка была покрыта кровью и волосами судьи Киркстона. Я прекрасно понимал создавшееся положение, учел то обстоятельство, что

мне не на что и не на кого надеяться, и бежал. Мой бедный отец умер через несколько месяцев в тюрьме, а что касается меня, то за мной охотились целых три года точно так же, как собаки охотятся на лисиц. Вот и все, Коннистон! А теперь вам самому остается сказать: убил я судью Киркстона или нет? Если даже и убил его, то должен ли я жалеть об этом, хотя бы мне и угрожала виселица? Скажите мне всю правду!

— Сядьте!

Голос англичанина звучал повелительно.

Кейт, с трудом переводя дыхание, опустился на стул и в ту же минуту заметил какой-то странный огонь в синих, как сталь, глазах Коннистона.

— Дело вот в чем, Кейт! — начал англичанин. — Человек, которому еще много лет остается жить на свете, связан множеством вещей. Но совсем иначе обстоит дело с человеком, который прекрасно знает, что его дни сочтены. Если бы вы то же самое рассказали мне месяц назад, то я, нисколько не сомневаясь, связал бы вас и передал бы в распоряжение нашего палача. В этом заключалась бы моя прямая обязанность, и я мог бы настаивать на том, что вы даете ложные показания. Но теперь мне вы не можете лгать! И вот почему я говорю вам прямо: да, Киркстон должен был умереть! Все во мне говорит: да, вы поступили правильно!

Он помолчал и продолжал:

— И все же вам не следует возвращаться в Корнейшн Гэльф. Вы должны спуститься к югу и снова вернуться в страну, где живут люди, признающие суд совести. Но... тут я должен поставить одно условие: вы вернетесь туда не как Джон Кейт, убийца, а как Дервент Коннистон, входящий в состав королевской северо-западной горной полиции. Вы поняли меня, Кейт? Я спрашиваю вас: вы поняли меня или же нет?

Кейт буквально остолбенел.

Англичанин с бравым видом покрутил свой ус, и полуюмористический огонек загорелся в его глазах. Он давно уже задумал свой план и заранее представлял себе, как его слова подействуют на свидетеля его последних дней.

— А ведь недурной план, дружище, а? — воскликнул он. — Что скажете? Еще раз повторяю вам: вы мне нравитесь! Кроме того, я не вижу в моем предложении никакого морального проступка. Ни один человек на свете теперь не думает обо мне и не заботится и не волнуется из-за того, живу я на белом свете или же умер. Я в нашей семье последний, и поэтому все плевать хотели на меня. Когда мне пришлось выбирать между Африкой и Канадой, я выбрал Канаду. Гордость самая глупая штука на свете, и вот теперь, доживая свои последние дни, я очень часто думаю об этом. Родные мои мысленно похоронили меня. Они не слышали обо мне уже целых шесть-семь лет и просто-напросто забыли о моем существовании. Но самая главная штука во всей этой истории — то, что мы дьявольски похожи друг на друга! Вам надо будет только немного подстричь ваши усы и бороду и несколько удлинить шрам над правым глазом, и тогда вы можете преспокойнейшим образом явиться к старику Мак-Довелю, и я готов заложить последнее, что у меня имеется, что при виде вас он вскочит с места и крикнет на весь дом: «Черт меня побери совсем, если это не Коннистон собственной мордой!» Вот все, милый Кейт, что я могу оставить вам в наследство: мое старое тряпье и имя! Воспользуйтесь этим добром, потому что через пару дней оно мне будет не нужно!

— Но это невозможно! — возбужденно закричал Кейт. — Думаете ли вы, Коннистон, о том, что вы предлагаете мне?

— Конечно, дорогой мой, думаю! Я считаю каждое слово, выходящее из моего рта, потому что оно болезненно отзывается в моей груди. Неужели же вы не хотите воспользоваться моим предложением? Я лично нахожу, что это будет самая остроумная вещь, которую я когда-либо сделал! Я умираю, и обо мне не стоит больше говорить. Вы похороните меня здесь, под этим

полом, и, следовательно, лисицы никоим образом не доберутся до моих жалких останков. Но мое имя должно продолжать свое существование. Оно будет жить в вас, в человеке, который наденет мое платье и вернется в цивилизованный мир и расскажет старичине Мак-Довелю, как он все-таки добился своего, нагнал преступника, но... Но преступник в последнюю минуту отморозил себе легкое и преблагополучно отправился на тот свет. А в доказательство правдивости ваших слов вы покажете ему ваши собственные вещи, которые уложите в чемодан с некоторыми другими вещественными доказательствами. За это вы получите повышение по службе, потому что Мак-Довель обещал дать мне сержанта, если я поймаю вас. Поняли теперь, как обстоит дело? Имейте в виду, что Мак-Довель не видел меня уже в продолжение двух лет и трех месяцев, так что я, так сказать, имею право на некоторое внешнее преобразование. Ведь мы с вами находимся сейчас чуть ли не на самом конце света! Повторяю, самая замечательная штука заключается в нашем необыкновенном внешнем сходстве! Говорю вам: это — блестящая идея!

Коннистон настолько увлекся задуманной игрой, что совершенно забыл о своем приближающемся конце. А Кейт, сердце которого колотилось, как нервно сжимающийся и разжимающийся кулак, словно в свете молнии видел картину, нарисованную Коннистоном, и на минуту подумал, что все это гораздо возможнее, чем ему показалось в первый момент. Побольше только отваги.

Ведь там никто не признает в нем Джона Кейта былых дней, того Джона Кейта, которым он был четыре года назад! Тогда он был гладко выбритым, аккуратным молодым человеком, с несколько неуверенной походкой, низко опущенными плечами и довольно слабым телом. А теперь условия жизни превратили его в животное! За четыре года борьбы с могучими стихиями он настолько окреп, что уже мог померяться силами с кем угодно.

Он посмотрел на Коннистона, сидевшего против него, и снова подумал, что каждый посторонний человек легко примет их за двух близнецов. Ему показалось, что он прочел ту же мысль в глазах друга.

Молниеносная усмешка скользнула по лицу Коннистона.

— Волосы на лице могут еще больше помочь нам! — сказал он. — Ведь вы знаете, что борода может скрыть множество знаков и различий! Я отрастил себе бороду за два года до того, как пустился в погоню за вами, очень тщательно следил за ней и думаю теперь, что вам лучше бы временно не пользоваться бритвой. Но мало того! Вам придется заняться еще одной вещью. В продолжение ближайших двадцати четырех часов вам надо будет самым тщательным образом усвоить себе всю историю жизни Дервента Коннистона с тех пор, как он вступил в отряд северо-западной горной полиции. Дальше этого периода мы не пойдем, потому что история моей жизни до того не представляет для вас ни малейшего интереса. Главная опасность для вас заключается во встречах с Мак-Довелем, начальником «Ф» — дивизиона имени принца Альберта. Это — лиса в образе человека, типичный образчик старой школы, с вот такими усами и так далее. Он в состоянии видеть сквозь стенку, и провести его почти невозможно. Но, в сущности говоря, у него добрейшее сердце. Мы были с ним большими друзьями, так что, выслушивая историю жизни Коннистона, вы тем самым познакомитесь и с жизнью Мак-Довеля. Да, рассказать придется немало... О, Бог мой!..

Он трепетно поднес руку к груди. Смертельный ужас воцарился в хижине в то время, как англичанин весь трясся от мучительного кашля. И вдруг снова примчался ветер и захватил в свою ненасытную пасть и плач лисиц, и грохот льдов...

Жестокая борьба происходила в эту ночь в желтоватых отсветах масляной лампочки. Двое угрюмых людей напряженно размышляли над придуманным «забавным» проектом. Один из них почувствовал, как смерть медленно, но верно надвигается на него, и прилагал все старания к тому, чтобы отодвинуть критический момент. А другой мысленно молил время остановиться. И

этот другой был Кейт, который до сих пор за всю свою жизнь любил только одного человека — отца. Во время этой борьбы он почувствовал любовь еще к одному человеку — к Коннистону. И однажды его внутренняя борьба дошла до того, что, не в силах сдержать свое волнение, он закричал, что это несправедливо и что Коннистон должен жить, а он — умереть! Но умирающий Коннистон только улыбнулся в ответ и протянул руку Кейту, который почувствовал, что рука эта совсем влажная...

Прошло несколько томительных часов, во время которых Кейт напряженно следил за тем, как отважно борется Коннистон за свои последние минуты. Моментами Кейт чувствовал себя как бы частью этого человека, настолько он сам страдал за него.

Борьба была героическая. Коннистон, вполне понимая свое состояние, держал себя великолепно. И, глядя на него, Кейт чувствовал, как постепенно оживает его собственная душа, как в нем растет и ширится голос, подсказывающий, что он должен жить и в будущем чем-нибудь отметить высокий подвиг Коннистона.

Конечно, из всех важных вещей, которые он должен был узнать, самой важной была история жизни Коннистона. Англичанин начал рассказ со знакомства с Мак-Довелем и между отдельными пароксизмами кашля, сопровождавшегося кровохарканьем, сообщил множество чрезвычайно характерных инцидентов. Он с бледной улыбкой на устах рассказал о том, как Мак-Довель чуть ли не со слезами на глазах заклинал его не рассказывать в полицейских казармах об одной любовной аванюре, в которой они вместе участвовали.

— О! — воскликнул он. — В некоторых случаях жизни Мак-Довель страшно забавный и впечатлительный субъект!

Покончив с этим рассказом, Коннистон вручил Кейту свой старый, потертый Устав службы и приказал ему самым основательным образом познакомиться со всеми параграфами и примечаниями.

Кейт помог ему добраться до своего ложа и после того в продолжение некоторого времени старался вникнуть в смысл устава, но у него рябило в глазах, и мозг абсолютно отказывался работать. Затрудненное дыхание агонизирующего англичанина причиняло ему лично чисто физическое страдание. Ему стало до того тяжело, что он встал из-за стола и вышел из хижины в серые, призрачные вечерние сумерки.

Снаружи он стал всей грудью вдыхать студень воздух, пронзенный ледяными стрелками. Но не было холодно. Явно давала себя чувствовать перемена, kwaske-hoo. Все вокруг было полно трепетных шумов, которые так характерны для последней схватки зимы с упорно надвигающейся весной. Силы зимы раскололись и стали разбредаться в разные стороны. Под ногами Кейта в муках перерождения дрожала земля. Ему казалось, что он яснее и отчетливее прежнего слышит гром, грохот и треск льдин, стремившихся к Гудзонову заливу.

Над ним, в вышине, повисла странная, причудливая ночь. Она не была черна, но вся светилась какими-то колдовскими, химеричными серыми огнями, и из этого кладбищенского хаоса то и дело вырывались тревожные, кошмарные звуки и заунывные стоны.

Кейту вдруг почудилось, что если он еще несколько минут останется в таком душевном состоянии, то он тут же на месте сойдет с ума. Звезд не было видно, и почему-то казалось, что за ними и под ними застыли таинственные источники визжащих, скрипящих и режущих голосов, которые были до того страшны, что захватывало дыхание. О, это случилось с ним не впервые, ибо неоднократно до сих пор, а в особенности в последние месяцы, он слышал в этом могильном молчании рыдание маленьких детей, стоны убивающихся женщин и какие-то чудовищные голоса, кричавшие не то о победе, не то о нестерпимых муках... Больше, чем когда бы то ни было, он видел за последние месяцы эскимосов, которые родились в этих краях, привыкли ко всем сверхъестественным особенностям полярных стран и все же доходили до

того, что в минуты безумия срывали с себя платье и совершенно голые бросались в безжалостную пучину тумана, стужи и отчаяния.

Коннистон никогда не узнает о том страшном душевном состоянии, в котором находился он, Кейт, в день его ареста! Кейт никогда ничего не расскажет ему об этой странице своей жизни! «Охотник за людьми» спас его в тот памятный день от верного безумия... Все мысли, все чувства и переживания, связанные с этим днем, Кейт хранил глубоко в себе.

И теперь еще он моментами содрогался, чувствуя всю давящую силу хаоса, повисшего над ним. Вдруг, во власти минутного безумия, он ринулся к хижине и издал крик, полный мучительной и невыразимой тоски. Но он тотчас же овладел собой, выпрямил плечи, усмехнулся, и хохот белых лисиц уже не казался ему таким страшным...

За всем тем, что сейчас окружало его, он увидел родной край, свой старый родной очаг! Благословенная страна! Зеленые леса и воды, затканые золотыми блестками солнца. Господи, как давно он лишен всего этого. Так давно, что даже забыл об их существовании! Точно так же он забыл и про существование белолицых женщин...

И с мыслью об этих женщинах он вдруг услышал язык своего народа и пение птиц и почувствовал под ногами бархатистое прикосновение земли, купающейся в ароматах душистых цветов.

Да, да, он забыл про все это! Еще только вчера эти образы казались ему бесплотными, разваливающимися скелетами, фантасмагорическими видениями, вызванными больным воображением, которое находилось на последней грани безумия, а теперь они реальны, живы, наделены плотью и кровью, и он, Кейт, идет к ним на юг...

Он протянул вперед руки, и из горла его вырвался непроизвольный крик, в котором прогремел триумф, прозвенела экзальтация. Прошло целых три года такой жизни, но он осилил ее. Три года он жил как крот, перебегая из одной норы в другую, преследуемый, по выражению Коннистона, как лисица... Три года он издыхал с голоду, мерз, как собака, и был так мучительно одинок, что сердце его не выдержало и разбилось, а теперь он идет домой!

Он вернулся в хижину и прежде всего остального ему бросилось в глаза бледное лицо умирающего англичанина, который старался приветливо улыбнуться ему в желтых тенях масляной лампочки. Коннистон прижал руку к груди, и улыбка его была до того мучительна и страшна, что Кейт чуть не закричал от ужаса. Открытые карманные часы на столе показывали как раз тот полночный час, когда должен был начаться повторительный урок.

Через некоторое время Кейт вставил дуло своего револьвера в пламя лампы.

— Я понимаю, — с трудом произнес Коннистон, — что вам будет очень больно, когда вы приставите раскаленное дуло к глазу, но это необходимо. Ничего не поделаешь! Ну и сыграем же мы шутку со старичиной Мак-Довелем!

Ясно улыбаясь, он несколько раз подряд повторил:

— Ну и сыграем же мы с ним шутку!

И не отрывал взора от лица Кейта.

Когда стал заниматься день, Кейт поднял свое удрученное лицо, все время склоненное над ложем Коннистона, и чисто женское всхлипывание сорвалось с его губ.

Англичанин умер именно в тот час, который он сам назначил. В страшных мучениях, задыхаясь, он кончил дни свои на земле. А с последним дыханием он произнес и последние слова, которые до того повторил раз десять подряд.

— Не забудьте, дорогой мой, что все дальнейшее зависит от той минуты, как Мак-Довель увидит вас!

И затем со странным хрипом в груди он скончался, и глаза Кейта были на миг ослеплены чудесной, горячей волной слез и горделивым сознанием, что он носит теперь имя Дервента Коннистона.

Теперь это было его собственное имя. Джон Кейт только что умер. Остался в живых Дервент Коннистон! Когда он смотрел на застывшее, спокойное лицо героя-англичанина, это не казалось ему уж столь странным и невозможным, как раньше. В конце концов, вовсе не так трудно будет носить имя Дервента Коннистона. Всего труднее жить так, как жил Коннистон!

В эту ночь грохот льдин слышался яснее, потому что ветер не подавлял шума их дыхания. Небо было совершенно безоблачно, и звезды походили на дивно мерцающие, желтые глаза, пронизывающие падающую на землю черную завесу.

Кейт, вышедший наружу для того, чтобы подышать вольным воздухом, глядел на чарующие красоты полярной ночи, и время от времени дрожь пробегала по его телу. Звезды были как живые существа и не отрывали от него разумных взоров. Под их таинственным мерцанием лисицы начали свой мрачный карнавал. Кейту вдруг показалось, что они ближе и теснее обычного подошли к его хижине и что в их голосах слышались более тревожные, настойчивые и страшные ноты.

Коннистон предвидел наступление маленьких белых зверьков и заранее дал свои распоряжения. Кейт, вернувшись теперь в хижину, немедленно приступил к выполнению обещания, данного покойному. С наступлением утра он закончил свое дело.

А спустя полчаса он стоял уже на краю редкого леска, окружавшего полянку, и в последний раз глядел на маленькую хижину, под полом которой был похоронен англичанин. Кругом царило давящее, мучительное одиночество, но хижина бесстрашно застыла на своем месте, похожая на горделивый памятник, воздвигнутый в честь человеческой доблести и величия человеческой души. Меж четырьмя стенами ее хранилось нечто, что дало ему, Кейту, дальнейший импульс к жизни, что снабдило его новыми силами, чтобы бороться с этой жизнью до тех пор, пока он сможет держаться на ногах.

Дух Коннистона превратился в нечто живое, подвижное, осязаемое, и белые лисицы могли теперь лаять и беситься, и ветер мог выть и злиться, и зима сменяться зимой, и долгие, бесконечные ночи следовать без конца за такими же долгими, бесконечными ночами, а хижина будет стоять на том же самом месте, всегда готовая к бою, всегда устойчивая, будет стоять как вечный памятник Дервенту Коннистону, англичанину.

В последний раз поглядев на хижину, Кейт обнажил голову, и в ранних утренних сумерках прозвучали его тихие слова:

— Мир вашему праху, Коннистон!

После этого он медленно повернулся и взял направление на юг.

Впереди него лежало восемьсот миль самой дикой на свете пустыни. Восемьсот миль отделяло его от крохотного городка на Саскачеване, где Мак-Довель командовал «Ф»—

дивизионом горной полиции, но мысль о столь большом расстоянии нисколько не печалила его. Четыре года жизни на краю света приучили его к мысли о безграничности, и за этот период он привык к лишениям.

В последнюю зиму англичанин с упорством хорька, гонялся за ним на протяжении нескольких тысяч миль, и надо было считать чудом то обстоятельство, что Кейт не убил своего преследователя. Сколько раз у него имелась возможность прекратить эту возмутительную травлю так, что он даже не замарал бы собственных рук! Сколько раз его друзья-эскимосы могли бы покончить с Коннистоном по единому мановению его руки! Но что-то удерживало его от такого шага, и теперь, как бы в благодарность, мертвый Коннистон помогал ему пробраться домой.

В конце концов, восемьсот миль было такой мелочью, с которой не стоило серьезно считаться.

Правда, у него не было ни собак, ни саней. Его собственная запряжка давным-давно покончила все счета с жизнью, и вероломный Когмоллок украл собак англичанина во время последнего переезда из Фуллертон. За исключением ружья, палки и шапки, все, что унес с собой Кейт, принадлежало Коннистону. Он унес с собой даже часы покойного.

Его ноша была очень легка и, главным образом, заключала немного муки, палатку весом в три фунта, спальные принадлежности и некоторые вещественные доказательства смерти «аутло» Джона Кейта.

Час сменялся часом, и монотонное «зип-зип-зип» его лыж мертвяще действовало на его мозг. Временами случалось, что он ровно ни о чем не думал. Большею частью он пробирался между жалкими, чахлыми сосенками, которые непонятный каприз природы рассыпал вдоль всей равнины.

В полдень он заметил темную полосу на южном горизонте и тотчас же понял, что там залег лес, настоящий лес, первый лес, который он должен был увидеть с того дня, как восемнадцать месяцев назад он оставил чудесные леса на берегу Макензи.

Наконец-то он увидел впереди себя что-то осязаемое, за что мог бы ухватиться! Это была знакомая ему вещь, близкая, понятная, какая-то живая стена, за которой начинался другой мир! Восемьсот миль значили теперь меньше, чем небольшое пространство, отделявшее его сейчас от темной полосы на горизонте.

Он достиг леса, когда слабый свет полярного дня потонул в глубоких сумерках вечера, и разбил свой лагерь на старом буреломе. Отдохнув немного, он собрал дрова и зажег костер. Он теперь не считал уже поленьев, как делал это в продолжение последних лет. Нет, теперь он стал расточительным и жег дрова без всякого сожаления.

С утра он сделал около сорока миль, но не чувствовал ни малейшей усталости. Он продолжал собирать сучья до тех пор, пока не устал, и огонь поднялся так высоко, что он слышал, как затрещали сосновые шишки над его головой. Он вскипятил воду, заварил слабый чай и приготовил себе суп из мяса карibu. После этого он прислонился спиной к дереву и загляделся на огонь.

Трещавший и уносившийся ввысь огонь действовал на него как самое сильное снадобье и пробуждал в его памяти вещи, которые, казалось, давным-давно уснули или даже умерли. Он без остатка сжигал весь тот тяжелый, затхлый груз, который скопился за четыре года отчаянных мытарств и страданий, и оживлял все события вчерашнего дня, который моментами как будто бы отодвигался в вечность.

Снова и снова ему чудилось, что силой волшебства он сбросил с себя тяжелые цепи, которые пригибали его к земле и доводили до безумия. Каждый фибр его тела бился и дрожал и трепетал в унисон славному и победному треску огня. Словно что-то разорвалось в мозгу, в

голове Кейта, освободилось от давящих пут, и в сердце костра он увидел дом, и надежду, и жизнь — вещи, все знакомые и очень дорогие еще так недавно, но выжженные северным морозом из его памяти.

Он увидел широкий Саскачеван, прокладывающий путь свой среди желтых равнин, отороченных причудливыми холмами, залитыми сиянием утренней зари.

Вот родной дом его, одним краем припавший к берегу, а другим повернувшийся к пурпурным далям. Он слышит ритмический, бархатный «шуг-шуг-шуг» старой золотой драги, слышит звон ее цепей и любит ее тем, как она поглощает тонны песка для того, чтобы выплюнуть несколько зерен драгоценного металла. Высоко в небе застыли кружевные облака, и он смотрит на них и слышит голоса, топот шагов, смех — жизнь... Жизнь!

Перерождается вся душа его. Он стремительно вскакивает на ноги и вытягивает вперед руки так далеко, что трещат мускулы.

О нет! Теперь он ни за что на свете не вернется назад! Они все там никоим образом не узнают его. Он мягко усмехнулся при воспоминании о том Джоне Кейте, каким он был когда-то и над которым смеялись все товарищи и Ридди Мак-Табб в первую голову.

Он мысленно оглянулся назад и к собственному изумлению отметил про себя, что у него нет ненависти к прошлому, что эта ненависть как будто бы перегорела. Он вдруг заинтересовался вопросом: стоит ли старый киркстоновский дом на прежнем месте, на краешке холма, и вернулась ли на родину Мириам Киркстон после той страшной ночи, как он отомстил ее отцу?

Четыре года...

В сущности, это не так уж много, несмотря на то, что ему они кажутся целой вечностью. Вряд ли за это время у него на родине произошло много перемен! Пожалуй, все осталось совсем без перемен и на старом месте, все, за исключением его собственного, родного дома. Он вспомнил, как они с отцом разрабатывали проект и все детали этого дома, хотели построить его в виде деревянного коттеджа, на значительном расстоянии от города, чуть ли не по соседству со Саскачеваном и так, чтобы лес заглядывал во все окна и двери. Этот новый дом они не успели построить, а старый за отсутствием хозяев и присмотра, наверно, развалился.

Пошарив в кармане, он нащупал часы Коннистона. Он вынул их и при свете кострового огня посмотрел на циферблат. Было десять часов вечера...

На внутренней стороне задней крышки Коннистон когда-то вклеил портрет. Очевидно, он сделал это очень давно, потому что лицо выцвело так, что трудно было распознать его черты. Только глаза сохранили свое выражение, и, взглядевшись в них при отблесках костра, Кейт как будто уловил в них живой трепетный луч, который мигом пропал. Это было личико девочки, школьницы, которой можно было дать десять-двенадцать лет. Глаза выглядели старше, и в них застыла какая-то невысказанная жалоба, какая-то просьба, мигом зародившаяся в душе девочки и тотчас же замершая во взгляде.

Кейт закрыл часы. Их «тик-так, тик-так» продолжало громко звучать в его ушах. Он сунул их в карман, но бой их с прежней ясностью звучал и оттуда.

Вдруг с отчаянной силой, словно бомба, разорвалась смолистая шишка, и Кейту показалось, что от этого взрыва затрясся весь его мозг.

Кейт почувствовал себя во власти того страшного состояния, которое уже неоднократно овладевало им. Уже прошло несколько дней с тех пор, как он спал настоящим, здоровым сном. И все же он не был сейчас сонным и даже не чувствовал усталости. Только повинаясь инстинкту самосохранения, он развернул свою постель на ложе из сосновых сучьев, которые внес в палатку, и лег спать.

Но и теперь он не мог совладать с бессонницей, которая продолжала мучить его. Он закрыл

глаза, но не был в силах долго держать их закрытыми. С дьявольской ясностью доносились до него все шумы и звуки ночи: треск огня, змеиное шипенье лопающихся шишек, шепот деревьев и упорное тиканье часов Коннистона. И вместе с тем сквозь гущу леса к нему рвались стоны и визг ветра, который жаловался на свое одиночество.

Кейт плотно сжал кулаки и напряжил веки, пытаясь заставить себя ни о чем не думать, ни из-за чего не волноваться, но все его усилия были тщетны.

Он не хотел сдаваться и продолжал мучительные усилия над собой, пытаясь забыть.

Наконец он впал в забытие, которое было скорее похоже на летаргию.

Едва только занялось утро, он вышел из палатки и усилил огонь костра, в котором еще тлели поленья, прибавив к ним новых. Он еще не забыл перенесенных ночью мук, но внутреннее содержание их как-то улетучилось. Он рассмеялся, вспомнив про свое ночное безумие, и задался вопросом: что сказал бы Коннистон об его нервозности? Впервые за несколько лет он подумал о тех старых, давно минувших днях пребывания в колледже, где он всегда очень тщательно следил за своими психическими переживаниями. Он даже дошел тогда до того, что считал себя большим знатоком и экспертом в подобных делах и принимал самое горячее участие во всех дискуссиях, затрагивающих мозговые явления. За отсутствием практики его способность следить за собой значительно ослабела, но и теперь он не мог отделаться от иронической улыбки при воспоминании о том, что творилось минувшей ночью в его мозгу.

Собственно говоря, во всем этом не было ничего странного. Его мозг, утомленный четырьмя годами совершенно ненормальной жизни, теперь трепетно и напряженно искал равновесия. Не найдя еще этого равновесия, Кейт чувствовал себя, однако, гораздо лучше. Его мысли как будто прояснились. Он прислушивался к тиканью часов и ничего неестественного не находил в нем. Он сделал над собой еще одно усилие и, приступив к приготовлению завтрака, начал насвистывать.

Позавтракав, он укрепил свою поклажу на спине и двинулся к югу. По пути он заинтересовался вопросом: знал ли сам Коннистон устав так хорошо, как он теперь? В конце шестого дня он выучил всю книжку наизусть и помнил, где какая строка находится. Тем не менее он продолжал работать над собой и часто останавливался перед деревьями и отдавал им честь. Теперь он уже не боялся Мак-Довеля, зная, что он не спасует перед будущим начальником.

«Я — Дервент Коннистон! — без конца твердил он себе. — Джон Кейт умер, умер навсегда и никогда не воскреснет! Я лично похоронил его в хижине, той самой хижине, которую в тысяча девятьсот восьмом году построил сержант Тросси и его патруль. Меня зовут Дервент Коннистон!»

За годы абсолютного одиночества он мало-помалу привык к тому, чтобы беседовать с собой, как с посторонним человеком. Нередко подобные беседы придавали ему мужество и как-то оздоравлиюще действовали на его психику.

«Ничего, братишка! — говаривал он себе. — Надо это дело обмозговать, и все сойдет как нельзя лучше! Только побольше твердости, и все образуется!»

Теперь он уже иначе беседовал с собой: «Послушай, Коннистон, надо иметь в виду следующее: борьба идет серьезная, не на живот, а на смерть! От тебя самого зависит, выиграешь ты или же проиграешь!»

Уже по истечении трех дней он думал и говорил о Джоне Кейте только как о мертвом, счета которого с жизнью покончены раз и навсегда. Покойного Кейта он похоронил и уже не принимал его в расчет.

«Да, сэр! — обращался он к Мак-Довелю, которого олицетворял чуть ли не в каждом дереве. — Джон Кейт скончался, и не будем больше говорить о нем. Должен только добавить,

что это был самый порядочный и честный человек, какого я когда-либо встречал на белом свете! Мир его праху».

На шестой день его пути случилось чудо.

Впервые за несколько последних месяцев Джон Кейт узрел солнце. Еще за пару дней до того он видел, как слабые, трепетные лучи делали невероятные усилия для того, чтобы пробиться сквозь густую завесу тумана и испарений, но теперь солнце преодолело все преграды и на короткое время осветило своей лучезарной улыбкой северные равнины. А после того оно с каждым днем становилось ближе и теплее, пока наконец совсем не укрепилось в небе.

Кейт не торопился. У него было такое впечатление, что он только-только вышел из тюрьмы, и он хотел теперь полностью насладиться драгоценной свободой, испытать ее до дна. Но больше и сильнее всего в нем говорило сознание того, что он идет навстречу большой опасности, к которой надо было подготовиться.

Теперь, когда ясное солнце и голубое небо прочистили его мысли, он видел сотни скрытых ям на своем пути, тысячи извилин, в которых мог заблудиться, миллионы ловушек, которые ждали его на каждом шагу.

В сущности, он добровольно шел в лапы палача, с которым ему предстояло сталкиваться чуть ли не ежедневно, ежечасно; он сознавал теперь, что все время будет находиться под угрозой дамоклова меча и близость смерти будет отмечать все его шаги и поступки. Ему придется денно и ночью следить за собой, управлять своими инстинктами, контролировать свои мысли, свой язык, свои поступки, желания, стремления и, несмотря на все это, никогда не чувствовать уверенности ни в себе, ни в других. В любой день с него могут сорвать маску и открыть преступника.

Иногда полное осознание создающегося положения определенно страшило его, и тогда его мысль трепетно искала других путей спасения. Но неизменно вслед затем он слышал холодный, спокойный голос Коннистона, и тогда снова буйным потоком устремлялась кровь по его жилам, и снова он поворачивался лицом к родным местам.

Он был Дервент Коннистон!

Он понимал это, и не было такого часа, когда бы он не задавался мучительным вопросом: а кто такой был этот Дервент Коннистон? Как он жил? Откуда явился и что делал в своей жизни? Мало-помалу, по осколочкам, по отдельным воспоминаниям он старался сложить целостный образ покойного, но все его старания неизменно заканчивались одним и тем же. Несомненно, англичанин был самым честным, отважным и благородным человеком из всех тех, кого он когда-либо знал, но, в сущности говоря, что он представлял собой? Может быть, отщепенца? Может быть, позорное пятно в роду своем?

В поисках ответа Кейт переживал такие моменты, которых никогда до тех пор не знал. Коннистон со свойственным ему упорством унес в могилу свою тайну. А ему, Джону Кейту, который теперь был уже Дервентом Коннистоном, он оставил в наследство глубокую тайну и тяжелую миссию, которая заключалась в том, чтобы раскрыть: кто он был, откуда пришел и зачем жил на свете.

Очень часто Кейт заглядывался на портрет, который красовался на задней крышке часов, и при виде детских глаз он неизменно вспоминал англичанина на смертном одре.

«Несомненно, — думал он, — эта девочка уже успела превратиться во взрослую женщину!»

Дни сменялись днями и превращались в недели, а под ногами Джона Кейта влажная, сладко пахнущая земля все яснее и шире проступала из-под покровов тающего снега. В начале мая он находился уже в районе Райндирского озера, которое залегало на расстоянии трехсот миль от Баррена. В продолжение недели он оставался в хижине траппера в Бертвуде, а после этого

тронулся на Кумберленд-Хауз. На десятый день он подошел к ближайшему посту, а в вечерних сумерках одиннадцатого дня разложил свой костер на берегу желтого Саскачевана.

Могучая река, дорогая с далеких дней юности, снова пропела ему про все то, что время и горе заглушили в его сердце.

Далеко в небо уходила луна. С юга плыл теплый, мягкий ветер, и Кейт, куря трубку, долго сидел так и томительно и со сладкой печалью прислушивался к тихому рокоту, который доносился со всех сторон, воскрешая былое и милое.

Саскачеван всегда был для него чем-то большим, чем рекой. Он вырос с ним и сроднился, сделался как, бы частью его. Волны Саскачевана издавна баюкали все его юношеские мечтания и грезы, и на них разыгрались его первые приключения. Река эта была его товарищем, другом, единомышленником, и ему чудилось теперь, что река так же рада видеть его, как он рад ей. Он улавливал в шепоте вод ее ликование, приветствие, восторг...

Он глядел на серебристые берега, сверкающие в лунном свете, и на него нахлынули бурные волны воспоминаний. В конце концов, тридцать лет — не такой долгий срок, чтобы забыть те чудесные, волшебные сказки, которые возлюбленная мать рассказывала ему, как только садилось солнце и приближался час сна. И он вдруг так явственно вспомнил сказку про реку Кисташивун, где подробно излагалось о том, где и как эта река родилась, как впервые показалась около одного склона западных гор, незнакомых ни с глазом, ни со стопой человека, как спустилась с гор в холмы, а с холмов в равнины, расширяясь и углубляясь с каждой новой милей, как добежала до дверей их домика и в виде подарка принесла на волнах своих золотые песчинки, обогащающие людей.

А отец, со своей стороны, часто рассказывал ему про индейцев и про страну до того, как явились белые люди, и таким образом у него постепенно создалось впечатление, что река эта течет между его отцом и матерью. Она была его первой книжкой сказок и басен, его чудесной страной, неиссякаемым источником волшебных приключений...

В эту ночь Саскачеван был для него единственной вещью, сохранившейся из прошлого. Это был единственный друг, к которому он мог воззвать, единственный товарищ, к которому он мог протянуть руки свои, не боясь ни обмана, ни предательства. И во власти вещей, которые некогда жили, а теперь покоились в вечном сне, он почувствовал могучий прилив странного блаженства, и ему показалось, что дух реки подошел сейчас совсем близко к нему, чтобы приласкать и успокоить.

Протянув вперед руки, он закричал:

— Старая река моя, это — я... я... Джонни Кейт! Я вернулся к тебе! Ты видишь, что я вернулся к тебе?

А древний Саскачеван тихим шепотом ответил ему:

— Да, да, это — Джонни Кейт! Он вернулся сюда! Он вернулся ко мне!

В течение целой недели Джон Кейт пробирался вдоль берегов Саскачевана.

От Кумберленд-Хауз до поста Принца Альберта было около ста сорока миль по воздушной линии, но Кейт предпочитал пользоваться иным путем и лишь время от времени выходил на широкую проезжую дорогу. Держась неизменно берега, он удлинил свой путь на целых шестьдесят миль, но чувствуя приближение критической минуты, в которой был повинен Коннистон, он старался держаться как можно ближе к могучему, безмолвному другу, сыгравшему такую великую роль в его жизни.

Саскачеван, как живое существо, придавал ему бодрость и веру в самого себя, и при виде его волн Кейт держался тверже, и мысли его были яснее. Ночью он устраивался на золотисто-желтых берегах, и сон его сторожили звезды, повисшие в небе. Слух его упивался родными, знакомыми звуками, по которым он так тосковал в изгнании, что временами был близок к безумию: мягкими голосами птичек, которые охотились и спаривались в лунном сиянии, дружественными «тит-тит-тит» песчанников, которые летали совсем низко над землей, хохотом сов и сонными взвизгиваниями хищных птиц, возвращавшихся с юга.

С юга же, с тех мест, где равнины подгоняли лес к самому берегу, Кейт временами слышал лай койотов, с которым сливался мрачный вой волков, засевших в лесах по другую сторону реки.

Собственно говоря, его путь пролегал по узкой тропинке, разделявшей два совершенно различных мира. По одну сторону сравнительно недалеко лежали безграничные прерии, зеленеющие поля, селения, города и человеческие жилища. По другую же сторону вод застыла пустыня, гостеприимно раскрывающая перед ним все свои двери.

На седьмой день, на заре, его ухо уловило новый звук: это был свисток паровоза, подходившего к посту Принца Альберта. Свисток этот был точно такой же, как и четыре года назад, но, услышав его, Кейт содрогнулся так, что задрожал каждый фибр его существа в отдельности. Это был первый звук, который приветствовал его возвращение на родину, и все сомнения мгновенно оставили Кейта, сменившись целым потоком воспоминаний.

Он точно знал, где находится в данное время, и отдавал себе полный отчет в том, что найдет и увидит за первым поворотом реки.

Минут через пять он услышал хлюпающие звуки «шуг-шуг-шуг» старой драги и уже знал, что эти звуки издает «Бетти М», на которой, конечно, работает старичина Энди Дюгган, с черной трубкой в зубах, черпающий песок точно так же, как он черпал его в продолжение целых двадцати лет. Он уже видел Энди на своем посту в облаках табачного дыма — рыжебородого, косматого гиганта, которого весь город дружески называл «речным пиратом». Всю жизнь свою Дюгган провел в том, что извлекал золото из прибрежных холмов и с утра до позднего вечера упорно, как смерть, сидел, склонившись над берегами Саскачевана.

Кейт вдруг вспомнил про страсть старого товарища к ветчине и усмехнулся про себя. Люди говорили, что Энди всегда пахнет ветчиной и салом и что запах этот преследовал его даже и тогда, когда он отправлялся по делам в город.

Кейт решил теперь оставить береговые тропы и выйти на дорогу. Несмотря на отчаянные усилия подавить то, что Коннистон называл «психологическим моментом», он чувствовал себя очень нехорошо. Какое-то нездоровое возбуждение давало себя знать во всем теле и в мозгу.

Наконец-то он подошел совсем близко к игорному столу! Через какую-нибудь пару часов ему придется бросить на стол первую карту. Если он выиграет, его ждет впереди жизнь. Если проиграет, он обречен на верную смерть. Старый вопрос, с которым он давно боролся, встал

теперь перед ним во всей своей непреодолимой силе: стоит ли воевать за свое счастье? Какой смысл в борьбе?

И тотчас же встал в нем другой вопрос: какое безумие овладело им и Коннистоном в тот час, когда они придумали эту смертельно опасную авантюру?

Не бросить ли попытку? Лес стоит за ним и за него и скроет его в любую минуту. Он может еще вернуться назад! Еще не поздно! Игра не зашла еще так далеко, чтобы он не мог опустить поднятую руку. И на короткое мгновение им овладел, казалось, совершенно непобедимый импульс, но в эту минуту он вышел на край опушки, увидел на самом берегу драгу и почти у воды Энди Дюггана собственной персоной... А в следующий момент Кейт уже сделал решительный шаг вперед и поднял руку, желая поздороваться с бывшим приятелем.

Он чувствовал, как сильно заколотилось его сердце, когда Энди взглянул в его сторону. Мыслимо ли, чтоб старый золотоискатель не признал его сразу? Он забыл про свою бороду, забыл про те перемены, которые совершили в нем последние годы. Он помнил теперь только одно, а именно, что Дюгган был когда-то его товарищем, что сотни, тысячи раз они сидели в спокойной тиши вечеров и рассказывали друг другу сказки об этой великой реке, которую одинаково крепко любили. Дюгган неизменно возвращался мыслью и словами к тому таинственному раю, который был скрыт в западных горах, там, где начиналась река. Там, среди высочайших, терявшихся в небе гор, брал свое начало — или кончался там? — Саскачеван и там же, по словам Дюггана, хранились несметные богатства, на поиски которых он однажды отправился уже много-много лет назад...

Четыре года нисколько не изменили Энди. Пожалуй, борода его еще больше порьжелала, и волосы больше прежнего рассыпались во все стороны. Как только золотоискатель отошел от своей «Бетти М», Кейт немедленно почувствовал запах ветчины, и запах этот был ему теперь приятнее всего остального на свете. Он жадно стал вдыхать его и забыл про то время, когда он так опротивел ему, что он избегал Энди.

Когда Энди подошел еще ближе, Кейт с большим трудом сдержал естественное желание броситься вперед, протянуть руку и воскликнуть: «Ведь это я — Джонни Кейт! Неужели же вы меня не узнаете, Дюгган? Да взгляните лучше!»

Вместо этого он подавил свое желание и спокойно промолвил:

— Какое прекрасное утро!

Дюгган как-то неопределенно мотнул головой. Очевидно, он был смущен, не зная, как принять человека, который неведомо откуда явился.

— У нас тут всегда прекрасные утра, независимо от того, солнце ли сияет, дождь ли идет! А кто станет отрицать это, того я назову лгуном, и ничего больше!

Он произнес эти слова совершенно спокойно, но видно было, что он готов до последней капли крови биться за честь своей дорогой реки. Кейтом овладело безумное желание броситься к нему на шею, но он только снял свою поклажу и произнес:

— Я целую неделю спал вот с этой самой штукой, моим единственным товарищем от Кумберленд-Хауз. А хорошо все-таки вернуться на родину!

Он снял шляпу и посмотрел Дюггану прямо в глаза.

— Не знаете ли вы, случайно, Мак-Довель находится теперь в казармах?

— Да, он в казармах, — ответил Дюгган.

И это было все!

Энди ответил Кейту таким же прямым взглядом, в котором, однако, было что-то странное. Кейт готов был отдать все на свете, только бы узнать, что творится за черепной коробкой золотоискателя. Какие-то жестковатые ноты звучали в его голосе, — почему? Это смутило пришельца. К тому же он сразу обратил внимание на суровый огонь в глазах Энди, когда он

спросил о Мак-Довеле.

— Инспектор здесь здорово засел! — прибавил Энди и, к непередаваемому смущению Кейта, исчез в кустах, не прибавив больше ни слова.

«Нет, — решил про себя Кейт, — это далеко не тот Энди, каким он был четыре года тому назад. Совсем другой человек!»

Кейт снова надел шляпу и пошел дальше. На противоположном краю лужайки он оглянулся и посмотрел назад. Энди стоял на прогалинке, засунув руки в карманы и пристально глядя ему вслед. Кейт помахал рукой, но тот не ответил ему. Он стоял как сфинкс. Его огромная красная борода горела на раннем утреннем солнце, и он напряженно следил за Кейтом до тех пор, пока тот не повернулся и не пошел своей дорогой.

Первый опыт удостоверения его новой личности принес Кейту определенное разочарование. Мало того, он даже испугал его! Совершенно верно, Энди Дюгган не признал в нем Джона Кейта, но в то же время он не признал в нем и Дервента Коннистона! А Дюгган был не такой человек, чтобы забыть кого-нибудь за промежуток в три-четыре года! Он был способен и несколько десятков лет и полжизни помнить человека, с которым когда-то жил бок о бок...

Создавалось новое и совершенно непредвиденное положение вещей... Ну, а что будет, если и Мак-Довель, подобно Дюггану, увидит в нем только неизвестного чужака, который бог весть откуда явился?

Последние предсмертные слова трепетно звучали в его ушах и колотились в его мозгу: «Не забудьте, дорогой мой, что все дальнейшее зависит от той минуты, как Мак-Довель впервые увидит вас!»

Эти слова вдруг приобрели в его глазах новое и смертельное значение. Впервые за все время он понял истинный смысл этих вещей слов. Вся опасность заключалась не только в том, что в нем могли бы признать Джона Кейта. Не менее опасно было и то, что в нем могли не признать Дервента Коннистона.

Если им вдруг овладела мысль немедленно повернуть назад, если голос страха и неминуемой смертельной опасности подсказал ему, что он должен искать спасение в другом направлении, то эти импульсы внезапно растворились в возбуждении нового рода, о котором до сих пор он не имел никакого представления. Ему вдруг почудилось, что третья рука приняла участие в игре, в которой Коннистон уже потерял свою жизнь и от которой теперь зависела его личная новая жизнь. И, почувствовав присутствие неведомой силы, Кейт возмел непреодолимое желание узнать: чем же все-таки кончится эта страшная игра? Его вдруг перестала давить и тревожить мысль о собственной судьбе. Чисто физиологический инстинкт, жажда борьбы и стремление узнать, кто и что возьмет верх, зажгли его кровь и заставили сильнее обычного биться сердце.

Он уже горел желанием как можно скорее очутиться с глазу на глаз с Мак-Довелем. Настоящая борьба только с этого момента и должна была начаться! Впервые он подумал о том, что Коннистон глубоко ошибался, предполагая, что всю его дальнейшую судьбу решит первая встреча с инспектором. Ничего подобного! В этот момент действительно могло случиться что-то очень критическое для него: Мак-Довель был настолько опытным сыщиком, что мог немедленно открыть правду! Но все зависело от дальнейшего. Вся игра была в будущем и требовала невероятных усилий и напряжения! В первый день он может потерпеть поражение, но из этого, однако, никак не следует, что проиграна вся кампания!

Он вдруг возомнил себя воином, крепко связанным в то время, как кругом гремят уже вражеские орудия и чувствуется упоительный запах пороха. Ему почудилось, что весь старый, прежний мир — его личный враг. Цивилизация олицетворяла в его глазах народ, а народ — закон, а закон требовал его жизни! И никогда до сих пор он так не возмущался нелепым,

безнравственным требованием: око за око и зуб за зуб! Только теперь, когда он глядел вниз и видел старый дым, подымавшийся над крышами его родного города, он понял, как глубоко ошибались те, кто применял этот варварский принцип мести.

В глубине души он никогда не считал себя преступником. Напротив, он находил, что, убив Киркстона, он избавил мир от подлой змеи, которая во имя блага всего человечества должна была умереть как можно скорее, и тысячи раз он повторял себе, что его подвиг был бы еще прекраснее, еще целостнее, если бы вслед за отцом он отправил на тот свет и сына. Это было необходимо с точки зрения общественной гигиены! Он избавил город от человека, который не имел никакого права на существование, а в ответ на это тот же город требовал его смерти! И вот почему мужчины и женщины, с которыми он жил с детства, сделались его врагами, несмотря на то, что он всегда любил их и продолжал любить поныне. И для того, чтобы найти новых друзей в родном городе, ему пришлось прибегнуть к этому подлому, хоть и ловкому маскарладу!

Он вспомнил про маленькую дорожку, которая вела к городу с той его стороны, где в конце незаметной маленькой улочки находилась лавочка цирюльника. Прежде всего ему необходимо было попасть туда, и он радовался теперь, что в столь ранний час улицы были почти пусты. Улица, по которой он проходил сейчас, претерпела значительные изменения. Большие, открытые участки теперь были заняты новыми домами, и он задался вопросом: оправдались ли все надежды, которые казались висящими в воздухе четыре года назад?

Он угрюмо усмехнулся при мысли о том трагическом положении, в которое попал сейчас. Он, равно как и его отец, строили свои будущие проекты на том, чтобы закупить как можно больше загородной земли, и к этой цели они шли неуклонно. Но за четыре года возникли такие перемены и город так разросся, что «загородная» территория теперь вошла уже в черту города, а это сулило Кейту огромные богатства. Население города за этот период утроилось, цена на землю естественно поднялась, и он имел некоторые основания считать себя богатым человеком.

Богатый человек! И в то же время мертвый человек! По крайней мере, он с минуты на минуту должен лично доложить об этом Мак-Довелю! Можно представить себе, какие ссоры начнутся между всеми теми, кто считает себя прямыми наследниками Джона Кейта!

Старая лавочка цирюльника все еще стояла на углу, который теперь считался торговым и деловым центром. Но в ней воцарился уже новый владелец. Он был один, и Кейт дал ему все необходимые инструкции, показав предварительно портрет Коннистона, приложенный к удостоверению личности. Усы и борода должны быть подстрижены именно так, очень аккуратно, на английский манер. Волосы следует подстричь не слишком коротко, а затем зачесать их назад, предварительно смочив.

Когда операция была закончена, он поздравил парикмахера и... себя лично. Загорев, как настоящий индеец, и побронзовев от непрерывного дыма и ветра, стройный как стрела, крепкий и мускулистый, он улыбнулся самому себе в зеркало и провел мысленную параллель между прежним Джоном Кейтом и нынешним Дервентом Коннистоном. До того как выйти из парикмахерской, он ту же на одно колечко стянул свой пояс, а после того решительным шагом направился к баракам королевской северо-западной горной верховой полиции.

Теперь его путь лежал через главную улицу, позади ряда лавок, которые красовались здесь четыре года назад, мимо «Саскачеванского отеля» и здания торговой биржи, которая, наподобие старой цирюльни, стояла на своем прежнем месте, на стрелке высокого берега, стремительно спускавшегося к реке.

И тут-то он увидел Персивала Клэри, маленького секретаря английского представительства. Не могло быть никаких сомнений в том, что это был именно Персивал Клэри, несмотря на то, что он изменился до неузнаваемости. Во-первых, он вырос, возмужал и пополнил. Затем отрастил усы, на которых имелась теперь немалая доза фиксатуара. Складка на брюках была

безупречна, ботинки сверкали, и он горделиво стоял на пороге своей новой конторы, небрежно опираясь на легонькую палочку.

Кейт усмехнулся, отметив про себя, что Персивал пошел в гору параллельно с ростом города. Пробираясь вдоль улицы, он напряженно искал теперь знакомые лица. Время от времени он находил то или, вернее, тех, кого искал, но главным образом ему встречались незнакомые люди, которые страшно торопились, словно их ждало спешное и неотложное дело. На каждом шагу ему улыбались новенькие, блестящие вывески, с которых он переводил взор свой на автомобили, мчавшиеся вдоль берега. Их было теперь двадцать — тридцать там, где еще не так давно редко-редко попадался один.

Он поймал себя на том, что ему стоит больших усилий смотреть прямо перед собой при встрече с девушкой или женщиной. Никогда до сих пор женщина не представлялась ему таким ангелоподобным существом, как сейчас. До барачков он повстречался с десятью-двенадцатью женщинами, и ему надо было призвать на помощь всю силу воли для того, чтобы не остановиться перед каждой из них и не воззрится на нее.

Он еще не любил до сих пор. Он преклонялся перед женщинами, считал их гораздо выше мужчин, обожал свою мать, но сердце его еще ни разу не содрогнулось от любовной бури.

А теперь в глубине души он почувствовал, что равно обожает всех тех женщин, которых только что встретил на своем пути. Некоторые из них были грубоваты на вид, другие ничем особенно не выделялись, а третьи были определенно миловидны, но Кейт не обращал никакого внимания на их физическое различие. Он видел в них белых женщин, и поэтому все они и каждая из них в отдельности казались ему прекрасными. Самая незаметная из них представлялась ему необыкновенно интересной. Он готов был поднять в воздух шляпу и кричать от неизбывной, невыразимой радости, которая охватила все его существо. Четыре года миновали, и снова он очутился в стране, где обитают ангелы. На некоторое время он даже забыл про существование на белом свете Мак-Довеля.

У него дико кружилась голова, когда он подошел к казармам. Ах, до чего же, в конце концов, прекрасна жизнь! О, она, конечно, стоила того, чтобы бороться за нее, и он готов был бороться!

Он пошел прямо по направлению к канцелярии Мак-Довеля. Через пару минут, в ответ на его стук в дверь, на пороге показался секретарь инспектора.

— Инспектор очень занят сейчас! — ответил секретарь на вопрос Кейта, может ли он видеть Мак-Довеля. — Я доложу ему, что...

— Доложите ему, что я явился сюда по весьма важному делу, — перебил его посетитель. — Он немедленно примет меня, как только вы сообщите ему, что я пришел по делу известного ему Джона Кейта.

Секретарь провалился через какую-то внутреннюю дверь.

Казалось, не прошло и десяти секунд, как он снова появился и заявил самым любезным образом:

— Инспектор желает говорить с вами.

Кейт глубоко перевел дыхание для того, чтобы несколько успокоить тревожно бьющееся сердце. Несмотря на все свое мужество, он почувствовал, как чья-то цепкая, холодная и предупреждающая рука схватила его за плечо и, казалось, хотела отбросить назад... Но в тот же миг он услышал замирающий голос Коннистона, который шептал ему: «Не забудьте, дорогой мой, что все дальнейшее зависит от первой минуты, как вас увидит Мак-Довель».,

Был ли прав Коннистон?

Выиграет он или проиграет? — ничего заранее нельзя сказать, но во всяком случае игру свою он поведет точно так же, как ее вел бы покойный англичанин.

Выпрямив плечи, он решительно вошел в комнату Мак-Довеля, который почитался самым удачливым охотником на людей на всем северо-западе.

Первый человек, которого увидел Кейт, войдя в канцелярию инспектора полиции, был не сам Мак-Довель, а девушка.

Она сидела как раз напротив той двери, на пороге которой он на минуту замер, причем свет, падающий через окно, удивительно рельефно выделял черты ее лица и волосы. Первое впечатление было неотразимое. Девушка околдовала его своей красотой. Солнце, заливавшее всю комнату мягким, колеблющимся мерцанием, бросало на нее потоки плавкого, смеющегося золота. Кейт сразу заметил и глаза ее — лучистые и необыкновенно серые. Она не отрывала взора от пришельца, и все тело ее и черты лица говорили о большом напряжении, овладевшем ее существом.

Все это Кейт уловил в мгновение ока, словно в блеске молнии, и лишь после того повернулся к Мак-Довелю.

Инспектор сидел за столом, заваленным географическими картами и бумагами. Кейт немедленно почувствовал всю пронизывающую силу его взгляда, и в эту секунду он пережил состояние, знакомое настоящему преступнику. Но эта секунда миновала, и он прямо посмотрел инспектору в глаза. Да, Коннистон, был прав: эти глаза легко могли видеть сквозь стену. Неопределенного цвета и изумительной глубины, далеко посаженные под седыми, растрепанными бровями, они с первого же взгляда пронизывали насквозь. Кейт обратил также внимание на тщательно завитые седые усы, на коротко подстриженные волосы и ясно очерченные мускулы лица — и поклонился.

По его телу пробежала мгновенная ледяная дрожь. В этом суровом лице он не прочел приветствия. Он не мог судить, признал его инспектор или нет. И только тогда, когда солнце бросило новый капризный луч на чудесные волосы девушки, иное выражение пробежало по лицу человека, который одновременно был и большим другом и начальником Дервента Коннистона.

Инспектор поднялся со своего кресла, склонился над столом и голосом, в котором было столько же удивления, сколько и радости, произнес:

— А мы только что говорили об этом несчастье... и вдруг, сэр, вы пожаловали к нам! Как поживаете, Коннистон?

В продолжение нескольких секунд Кейт, казалось, ничего не видел. Он выиграл! Кровь с такой жестокой силой отхлынула от его сердца, что у него смешались все чувства и мысли. Он ощутил прикосновение руки Мак-Довея, слышал его голос, но какое-то облако затянуло его глаза, и он видел только торжествующее лицо Дервента Коннистона. Он был возбужден до крайности, стоял с высоко поднятой головой, почти касался плечом плеча Мак-Довея, но, пожалуй, не сознавал этого.

Инспектор все еще не выпускал его руки, и Кейт чувствовал это, но видел только одно, что девушка поднялась со своего места, подошла поближе и глядела на него так, точно он только встал из гроба.

Вдруг послышался повелительный голос Мак-Довея:

— Коннистон, позвольте вас познакомить с мисс Мириам Киркстон, дочерью покойного судьи Киркстона.

Кейт поклонился и на секунду задержал в своей руке руку девушки, отца которой он убил. Это была какая-то безжизненная, холодная рука. Ее губы зашевелились только для того, чтобы произнести имя и фамилию. Он сам тоже стоял совершенно безмолвный. Мак-Довель произнес какие-то слова касательно высокой миссии и величия законов и их слуг.

И совершенно неожиданно его голос прозвучал, как барабанная дробь:

— Расскажите нам, Коннистон, поймали ли вы того человека, за которым отправились?

Этот вопрос привел Кейта в себя. Он медленно склонил голову и сказал:

— Я явился к вам с донесением, что Джон Кейт умер.

Он заметил, что мисс Мириам вздрогнула, точно он нанес ей жестокий, неожиданный удар. Несомненно, она сделала огромное усилие над собой, желая скрыть свое возбуждение, когда отвернулась от него и обратилась к инспектору:

— Вы были, сэр, очень внимательны и любезны. Благодарю вас от всей души. Я надеюсь, что буду иметь еще удовольствие беседовать с мистером Коннистоном... относительно Джона Кейта.

И легко кивнув головой Кейту, она удалилась.

Когда она вышла из комнаты, странный огонь пробежал в глазах Мак-Довеля.

— Вот уже полгода, как она такая, — объяснил он Кейту. — Она питает какой-то особый интерес к этому Кейту и его судьбе. Сказать вам правду, Коннистон, не думаю, чтобы я ждал вас с таким нетерпением, как она. Но удивительнее всего то обстоятельство, что этот исключительный интерес проявился только в последние шесть месяцев. Иногда у меня возникает печальное сомнение: не помешалась ли она немного под влиянием несчастья? Прелестная девушка, Коннистон! Очаровательная девушка! А брат ее — мерзавец! Вы помните его, конечно?

Он придвинул второе кресло совсем близко к своему и предложил сесть.

— А надо вам сказать, друг мой, — заявил он, — что вы все-таки сильно изменились за это время!

Слова эти произвели на Кейта впечатление неожиданно раздавшегося выстрела. Они упали так внезапно, что он почувствовал их воздействие каждым фибром своего тела. Он тотчас же понял, что хотел сказать Мак-Довель. Он был не такой, как англичанин. Ему не хватало выдержки Коннистона, его холодной, импонирующей деликатности и какого-то особого благородства движений и манер. Поймав пристальный, нервирующий взгляд инспектора, он на один миг представил себе, что сейчас на его месте находится сам Коннистон, и до боли ясно увидел, как тот непринужденно крутит свой ус между большим и указательным пальцами и улыбается так, точно вчера лишь отправился в далекий северный путь и уже сегодня вернулся.

Мак-Довель с первой же минуты отметил в нем отсутствие души Коннистона, человека, который довел пес plus ultra свою вежливость и умение держаться с людьми и который мог так же спокойно смотреть инспектору в глаза, как тот смотрел в его. Конечно, он не может позволить себе то, на что способен был англичанин: не обращая внимания на более высокое положение инспектора, обратиться к нему запросто: «Ну, старичина, как тебе нравится сегодняшняя погода?»

Размышляя обо всем этом, Кейт все же не утерял присущего ему чувства юмора и подумал: как бы расвирепел Коннистон, если бы его дух попал на секунду сюда!

Кейт усмехнулся и пожал плечами.

— Изменился? — медленно произнес он. — Надо думать, что вы по-настоящему незнакомы с непроглядной, бесконечной ночью! Приходилось ли вам когда-нибудь провести целых шесть месяцев в пустыне, претерпеть совершенно неопишуемые лишения, перемигиваться только с холодными звездами, перекликаться только с белыми лисицами и делать над собой адские усилия для того, чтобы не лишиться рассудка? Такой опыт мне пришлось проделать дважды, дважды за то время, что я гонялся за Джоном Кейтом, и мне думается, что вы совершенно правы! Да, я изменился. И еще мне думается, что никогда уже я не буду больше тем, чем был когда-то. Что-то ушло от меня. Я не могу вам в точности объяснить, что именно, но я

определенно чувствую, что я чего-то лишился. У меня иногда создается впечатление, что я вернулся сюда только с половиной моего прежнего «я». Вот что убило Джона Кейта! Если так можно выразиться, он начал гнить и действительно сгнил!

Он инстинктивно почувствовал, что начал чрезвычайно удачно для себя. Мак-Довель вытянул один из ящичков письменного стола, вынул оттуда коробку с толстыми сигарами и протянул ее Кейту.

— Закурите сигару, Коннистон, — сказал он, — и изложите мне все, что с вами случилось за это время. Я готов поклясться всем святым для меня на свете, что вы далеко не полумертвый человек. Стоит вам прожить одну недельку в своем старом, почти родном городе, и вы станете прежним человеком. Будьте уверены, что это именно так, как я говорю вам!

Он чиркнул спичкой и поднес ее к сигаре Кейта.

В продолжение целого часа Кейт рассказывал историю человека, охотившегося на человека же. Это была его собственная одиссея.

Он совершенно забыл про то, что находится в обществе человека со строгим, важным лицом, который неотрывно следит за ним и внимательно вслушивается в каждое его слово. Он рассказывал и в это время видел только долгие месяцы и годы, в которые разыгралась его личная эпическая драма; видел бесчисленные дни погони, бегства, преследования, голода и холода; видел долгие ночи, сплошь начиненные горьким одиночеством и отчаянием, близким к безумию. Дойдя до последних дней в одинокой, заброшенной на краю света хижине, Кейт с судорогой в горле произнес:

— Вот каким образом умер Джон Кейт, джентльмен и человек!

И даже в эту минуту он не переставал думать об англичане, о его спокойной и безбоязненной улыбке в предсмертные минуты, о его последних словах, о последнем дружеском пожатии руки, и Мак-Довель видел все так, точно страшная драма разыгралась на его собственных глазах. Словно желая смахнуть паутинку с лица, он провел по нему рукой. В продолжение нескольких минут после того, как Кейт кончил, он стоял, отвернувшись от человека, которого принимал за Коннистона, и уносился мыслями в зеленые равнины Саскачевана.

Но, когда он снова повернулся лицом к Кейту, это был прежний железный человек, воплощение закона, закона могучего и безжалостного, каким-то чудом принявшего форму и облик мужчины.

Он сказал следующее:

— Видите ли, Коннистон, после двух с половиной лет такой жизни даже преступник может показаться вам святым. Так или иначе, свое дело вы выполнили блестяще. Обо всем, что вы рассказали мне, я доложу в департамент, и если вы не получите повышения, то даю вам слово, что я немедленно подам в отставку. Тем не менее мы вместе с вами должны пожалеть о том, что Джон Кейт не дожил до того, чтобы быть повешенным.

— Но он понес должное возмездие! — угрюмо произнес Кейт.

— Нет, не совсем! Он умер обыкновенной смертью. А настоящее возмездие он получил бы, если бы был вздернут на веревке в воздух! Я нахожу его преступление исключительно тяжелым, ибо он дошел до кульминационных высот мести. Мы можем забыть про его имя, но я лично никогда не избавлюсь от сожаления, что его не казнят. Я готов был бы отдать год моей жизни за наслаждение видеть его в этой самой комнате. Его следовало бы должным образом покарать, и — Господи! — какую услугу вы оказали бы правосудию, если бы привели сюда живым Джона Кейта, того самого Джона Кейта, который целых четыре года скрывался от нас!

Он потирал руки и с улыбкой в глазах смотрел на Кейта.

Закон! Он стоял здесь, бездушный, бессердечный, скорбя, что человеческая жизнь избегла

его кары... Кейт на минуту почувствовал сильнейший приступ отвращения.

Вдруг послышался стук в дверь. Мак-Довель крикнул, что можно войти, дверь тихо открылась, и на пороге показался молодой секретарь канцелярии, Крюз.

— Смит ждет ваших приказаний, сэр! — произнес молодой человек.

Что-то сдавило горло Кейта. Он отвернулся в сторону, желая скрыть от посторонних выражение своего лица.

Смит!

Теперь-то он определенно знал, что именно подсказывало ему как можно скорее сойти с опасного пути... Он понял также, что силился произнести Коннистон в тот момент, когда одеревеневший язык уже отказывался служить ему.

Они забыли про Смита!

В приемной, которая непосредственно примыкала к комнате секретаря, терпеливо ждал Смит. Казалось, природа создала его лицо из какого-то особого материала, из необыкновенной ткани, которая, наподобие камня и железа, не проявляла ни страсти, ни эмоций, ни желаний. Это было абсолютно бесстрастное, ничего не выражающее, так сказать, безличное лицо.

Только сам Смит знал, что происходит в его мозгу, за его непроницаемыми глазами. Это был его личный секрет. И даже Мак-Довель раз навсегда отказался от того, чтобы анализировать или хотя бы понять его. Закон, который в данном случае потерпел полное поражение, ограничился тем, что смотрел на Смита как на колдовской, замечательный механизм, более похожий на вещь, чем на человека, и обладающий сверхъестественной силой.

Главная мощь Смита заключалась в совершенно необычной способности запоминать лицо на всю жизнь. Образ фотографировался навеки. Ни время, ни перемены не оказывали в данном случае никакого влияния, и вот почему закон решил использовать его в своих целях.

Мак-Довель, сообщая в главную квартиру, дал следующую краткую характеристику Смигу: «Либо он бывший премьер-министр в опале, либо сам дьявол. Возраст — неопределенный, прошлое — тайна. Явился в пост Принца Альберта в 1908 году, где сразу обратил на себя внимание брильянтами и лаковыми ботинками. Чужой человек тогда, чужой и теперь. Человек образованный, говорит очень тихо и мягко, производит женственное впечатление, но в то же время это — единственный мужчина, с которым я не отважился бы встретиться с глазу на глаз в темной комнате. Я стараюсь использовать его, но не доверяю ему, слежу за ним и всегда готов ко всему. Насколько нам известно, за ним ничего в прошлом как будто нет, но я имею все основания думать, что такая птица, как он, имеет весьма испорченный кондуит».

Вот что представлял собой человек, про которого Коннистон забыл и встречи с которым так страшился теперь Кейт. Смит уже довольно долго стоял у окна, глядя на залитые солнцем равнины и зеленеющие вдали поля. Он играл своими тонкими пальцами, и время от времени на его лице проступала загадочная полуулыбка. Ни один человек на свете не видел до сих пор, чтобы его лицо озарялось больше, чем полуулыбкой. Его черные волосы были коротко подстрижены и тщательно причесаны. Платье носило следы исключительной аккуратности. Как совершенно верно отметил Мак-Довель, в нем наблюдалось что-то женственное, даже девичье.

Когда Крюз вошел в приемную и сообщил Смигу, что Мак-Довель желает видеть его, Смит смотрел вниз на Мириам Киркстон, попавшую в этот миг в полосу солнца и буквально утопавшую в его лучах. Какое-то мурлыканье послышалось в его дыхании, когда он вдруг перевил свои пальцы. В тот миг, как он услышал шаги секретаря, пальцы его перестали играть, мурлыканье прекратилось и полуулыбка исчезла с лица.

Он медленно повернулся к вошедшему. Тот не произнес ни слова. Просто сделал почти незаметное движение головой, и ноги Смита бесшумно двинулись вперед. Только легчайший звук открывшейся и тотчас же закрывшейся двери подтвердил факт их появления в комнате инспектора. Только Смит мог таким образом открывать и закрывать двери. Крюз задрожал. Он всегда дрожал, когда мимо него проходил Смит, и клялся, что вслед затем неизменно чувствовал в воздухе запах острого яда.

Кейт, глядя в окно, находился в состоянии самого напряженного ожидания. В тот же миг, как открылась дверь, он почувствовал присутствие Смита. Все нервы его были натянуты до последней и невероятной степени. Мысль о том, что он теряет уверенность в себе и что волнение его вызывается исключительно Смитом, приводила его в бешенство. Он должен был как можно скорее отвернуться от окна, так как только этим мог прекратить невыносимую

пытку.

Заставив свою руку привычным коннистоновским жестом закрутить усы, он медленно повернулся и самым, казалось бы, спокойным образом поднял глаза на Смита.

К его великому изумлению, Смит почти не обратил внимания на его присутствие. Казалось, он бросил по его направлению самый незначительный, случайный взгляд. Голосом, который каждый человек, находящийся по ту сторону двери, принял бы за женский, он заявил Мак-Довелю:

— Мистер Мак-Довель, я видел того человека, к которому вы послали меня. Это — Ларсен! Он сильно изменился за эти восемь лет. Отрастил себе бороду. Потерял один глаз. Его волосы поседели. Но все-таки это — Ларсен.

Положительный тон его речи и бесстрастная, но безупречная модуляция голоса бросили Кейта, как и молодого секретаря, в дрожь. В глазах Мак-Довеля мелькнула молния ликования.

— А вы не возбудили в нем никакого сомнения, Смит? — спросил инспектор.

— Он не видел меня, а потому не может быть и речи о сомнении! — решительно заявил Смит. — Он будет здесь, как только... — он неторопливо повернулся в сторону Кейта, — как только мистер Коннистон явится к нему с приказом об аресте.

Его глаза ни на миг не отрывались теперь от лица Кейта, которому вдруг почудилось странное выражение в его лице. Какие-то новые, едва ощутимые нотки задрожали в его голосе, и уже снова заиграли его пальцы, но не так, как они играли несколько минут назад, когда он смотрел на Мириам Киркстон. И тотчас же — на одно мгновение — его глаза превратились в две узенькие щелочки, из которых выглядывали оба зрачка не шире двух кончиков заостренного карандаша. Последнее, что заметил в Смите Кейт, были эти ужасные глаза, которые, казалось, наполовину вырвали душу из его тела.

Смит низко склонил голову, когда бесшумно, как и прежде, направился к двери.

— Вот чертов паренек! — воскликнул Мак-Довель, когда дверь закрылась. — Стоит ему только выйти из комнаты, как у меня остается впечатление, точно в комнате побывала змея. Он все еще по-прежнему ненавидит вас, Коннистон. За три года в этом отношении не произошло никаких перемен. Он ненавидит вас, как отраву. Я уверен, что он убил бы вас при первой возможности, если б знал, что все сойдет для него благополучно и что он успеет вовремя скрыться. А вы... правду сказать, вы стояли как самый настоящий дурак, крутили усы и улыбались! Ну, знаете, на вашем месте я поступил бы совершенно иначе.

Кейт мысленно задал себе вопрос: почему и за что Смит возненавидел Коннистона? Мак-Довель ничего больше не прибавил и, таким образом, не разъяснил создавшегося недоразумения.

Он собрал все бумаги, разбросанные на столе, и угрюмо усмехнулся:

— Раз Смит подтвердил, то у меня нет уже никаких сомнений в том, что это действительно Ларсен.

А затем — его интересовала только эта единственная мысль — он спросил Кейта:

— Вы как решили, Коннистон: думаете немедленно приступить к исполнению своих обязанностей?

— Если не ошибаюсь, в моем распоряжении имеется еще один месяц, — ответил Кейт, — я предпочел бы вступить в должность по истечении этого срока.

— Очень хорошо! — одобрительно воскликнул инспектор. — Я надеюсь, что за этот месяц мне удастся выхлопотать вам чин сержанта. А до того вы совершенно свободны и можете делать все, что вам заблагорассудится. Между прочим, вы знаете Брэди, нашего агента? Сейчас он поднялся вверх по Макензи по делам, и у меня хранится ключ от его хаты. Я понимаю, Коннистон, что вы предпочли бы устроиться в своей собственной квартирке, но эта понравится

вам, а Брэди будет мне благодарен за то, что я сэкономил для него тридцать долларов квартирной платы за месяц. Конечно, наши казармы — к вашим услугам, но мне думается, что вам будет удобнее во время отпуска пользоваться более уютным помещением. Имейте в виду, что вы найдете там все, что нужно, начиная с ванны и кончая щипцами для орехов. К тому же у меня имеется на примете один японец, который превосходно готовит и вам очень пригодится. Что скажете, дружище, по этому поводу?

— Чудесно! — вскричал Кейт. — Ничего лучше и не придумать! — Он добавил: — Я сейчас же иду туда, и если вы будете так любезны и пришлете мне вашего японца, то я буду бесконечно благодарен вам. Вы можете сказать ему, чтобы он заодно захватил все необходимое для обеда.

Мак-Довель передал ему ключ. Спустя десять минут он уже исчез из виду и подымался по зеленому откосу, ведущему к бунгалу Брэди.

Несмотря на уверенность в том, что он не совсем блестяще сыграл первую часть своей партии, он понимал, что известную победу он все же одержал. Энди Дюгган не признал его, а золотоискатель был когда-то одним из самых близких его друзей. Мак-Довель, со своей стороны, встретил его вполне дружелюбно, хотя бы чисто внешне. А что касается Смита...

Смит смутил его более всех и всего и теперь определенно омрачал его настроение. Как он ни старался, он никак не мог прогнать стоящий в глазах образ Смита, выходящего из комнаты инспектора. Он все еще видел его глаза, страшные и острые, как кончики карандашей, и прокальвающие его насквозь. В них не было ненависти — Кейт ни минуту не сомневался в этом, но он прочел в них выражение, которое никак не мог бы описать.

Ему казалось, что это была пара искусственных, механических глаз, чрезвычайно умело вправленных в голову такого же искусственного чудовища. Когда эти глаза фиксировали его, он подумал, что в них сосредоточилась вся могучая сила X-лучей.

Но Смит был человеком, и человеком весьма ловким и одаренным. Безупречность его речи и манер заставляли предполагать все, что угодно, и в этом отношении фантазии предоставлялись неограниченные возможности. В нем было что-то раздражающее, волнующее.

Вот о чем думал Кейт, подымаясь в бунгалу Брэди. Он делал похвальные усилия сбросить с себя тяжелое душевное бремя и подавить подозрение, что он не без потерь вышел из-под обстрела тяжелой батареи Смита. Чисто физическими мерами он пытался объяснить и изменить свое моральное состояние и прежде всего закурил одну из сигар, которыми на дорогу угостил его Мак-Довель. Ему было очень приятно чувствовать сигару в зубах и вдыхать ее сладкий аромат.

Выйдя на вершину холма, на котором стоял домик Брэди, он остановился и стал озираться вокруг. Чисто инстинктивно его глаза обратились на запад. В этом направлении под его ногами лежала добрая половина города, и поросшие лесом холмы, и часть реки, и зеленые груди прерий. Его сердце забило сильнее, когда он стал смотреть вниз, где на расстоянии полумили он увидел небольшую чащу, издали похожую на парк, в глубокой тени которой находился его старый, отчий дом, припавший к реке.

Самого дома не было видно, но сквозь случайный промежуток между деревьями можно было разглядеть старую красную кирпичную трубу, озаренную солнцем и словно приветствующую его поверх леса.

Он забыл про Смита, забыл про Мак-Довеля. Забыл про то, что он, Джон Кейт, убийца — настолько поглотила его ширь и мощь раскрывшегося под ним моря великого молчания и одиночества...

Он глядел в мир, когда-то принадлежавший ему точно так же, как и всем остальным людям, но все, что он видел, была только старая красная кирпичная труба, освещенная солнцем. Он так

долго смотрел на нее, что она наконец превратилась в его глазах в надгробный камень, возвышающийся на дорогах сердцу могилах... Он повернулся к бунгалу с глухим хрипом в горле, и его глаза так сильно затагнулись набежавшим слезным туманом, что на несколько минут он потерял способность видеть то, что происходит вокруг него.

Когда он вошел в бунгалу, все комнаты были затемнены длинными шторами, висевшими на окнах. Одну за другой он поднял шторы и дал возможность солнечному свету наводнить помещение. Брэди оставил свою квартиру в полном порядке, и Кейт сразу почувствовал себя в атмосфере радостного покоя, который был так целителен для его подавленного духа. Брэди был хозяйственный человек, который выполнял все домашние обязанности без помощи женщины. Он назвал свой домик «хатой», потому что он был построен из дерева, но ни одна женщина не могла бы обставить его более комфортабельно.

Прежде всего Кейт вошел в «гостиную», в конце которой он заметил большую печь, где лежали березовые дрова и щепки, словно только того и ожидавшие, чтобы кто-нибудь поднес к ним спичку. Столик для чтения и уютное глубокое кресло стояли на месте. Бездействующие мокасины покоились подле, на низенькой скамеечке. Трубки, табак, книги, журналы раскинулись в лирическом беспорядке по столу, в центре которого высилось янтарное плечико наполовину полной бутылки «Old Rye».

Кейт вдруг поймал себя на том, что он смеется. Продолжая смеяться, он поднял голову и встретился со слепым взглядом двух стеклянных глаз, вправленных в голову старого оленя, висевшую над печью. После этого его взгляд стал рыскать по стенам, украшенным чучельными головами, всевозможными рисунками, лыжами, оружейными принадлежностями и всеми теми вещами, которые были постоянными товарищами и свидетелями далеко не банальной жизни Брэди.

Кейт заглянул в крохотную столовую, к которой непосредственно примыкала кухня, и тут он убедился, обзрев инвентарь обеих комнат, что Мак-Довель был совершенно прав. Он действительно нашел щипцы для орехов. Нашел и ванну. Она была не больше ящика для пианино, но вполне достаточных размеров даже для крупного мужчины. Кейт раскрыл окно, выглянул наружу и увидел, что ванна непосредственно соединена с очень остроумной водной системой, которая была построена достаточно высоко для правильной циркуляции и в меру низко для того, чтобы в нее вливалась вода с крыши.

Он снова радостно рассмеялся, и смех его был смехом человека, который не забавляется, а чем-то глубоко удовлетворен. А к тому времени, как он основательно познакомился с обеими спальнями бунгалу, он проникся к Брэди чувством глубокого уважения. Он решил устроиться в спальне агента. Здесь были: трубки, табак, книги, журнал и лампа для чтения, которая стояла на столике, совсем близко примыкающем к кровати. Только после более тщательного исследования он обнаружил в гостиной телефон.

Тем временем он обратил внимание на то, что солнце скрылось. Далеко на западе подымалась огромная, тяжелая масса грозовых туч. Он открыл дверь, с порога которой мог смотреть на берег и на реку, и мягкий ветер, предвещающий грозу, вздыбил его волосы и нежно охладил лицо. И вдруг снова заговорили в нем старые фантастические голоса, и снова, как в прежние годы, он почувствовал все ароматы безграничных, никем не населенных прерий, тянувшихся за линией леса, и прелестную прохладу отдаленных горных вершин.

Всегда и неизменно буря, приходившая с реки, приносила ему приветные голоса с тех мест, где начиналась эта река. Эти голоса были голосами могучих горных кряжей, которые так же любили его, как он любил их. Эти голоса были громами, в которых звучали замечательные сказки про великую мощь Скалистых гор и которые возбуждали в нем чисто детское желание следовать вдоль берегов возлюбленной реки до тех пор, пока он не достигнет таинственной

колыбели в сердце западных плоскогорий. И теперь, когда он глядел в лицо надвигающегося шторма, тот же самый могучий порыв охватил его своей властной силой.

Небо быстро почернело, и под аккомпанемент далеко громыхающего грома он увидел разящие молнии, которые, словно остро отточенные штыки, прорезывали темные груди облаков. И, заколдованный молниями, он чувствовал, как их электричество вошло в его тело и быстро разлилось по всем венам. И тогда его сердце стало выкрикивать слова, на которые до сих пор не отваживались уста.

Почему он молчит и не отвечает на призыв, который прорвался теперь к нему сквозь толщу последних лет? Вот теперь настало время — чего же он ждет? Стоит ли испытывать судьбу и отваживаться на опасную авантюру, когда он лишился не только дома и родных, но и надежды? Стоит ли?

Но в тот же момент он простер вперед руки.

Под влиянием страстного экстаза, овладевшего им, он дал волю своему голосу и закричал, что ничто еще не ушло и что не все еще умерло... Над кладбищем, где было похоронено его прошлое, пронеслось вдруг дуновение новой могучей силы, которая призывала его, но не так, как раньше, просительно и неуверенно, а страстно и непреодолимо. И он повинуется этой силе! Он сделает то, что она внушает ему! Он пойдет туда! Завтра, сегодня, может быть, ночью он разработает самый подробный и детальный план.

Он неотрывно следил за грозой, которая налетала с грохотом, стоном, визгом и с такими шквалами, что все верхушки деревьев на краю опушки склонились, точно безмерная толпа коленопреклоненных и молящихся людей. Казалось еще, что весь горный скат превратился в сплошную массу застывших на месте серых драгун. Могучий порыв ветра захватил его до того, как он успел закрыть дверь, и дождь залил его лицо. Разразилась именно такая гроза, которую он так любил. Громы в небе производили такое впечатление, точно над головой катились миллионы гигантских колес.

Внутри бунгало было темно, как вечером. Кейт опустил на колени перед печью, поправил сухие березовые поленья и чиркнул спичкой. Первую минуту дрова слабо тлели, но уже в следующую они загорелись, словно фитиль, смоченный керосином. Желтое яркое пламя со вздохом рванулось вперед и вылетело в трубу.

Кейт всегда брезгливо относился к чужим трубкам, — вот почему он вынул из кармана собственную и набил ее табаком Брэди. Это был английский табак очень высокого качества и чрезвычайно ароматный, и когда огонь в печке разгорелся еще сильнее, а аромат табака распространился по всей комнате, Кейт опустил в уютное кресло и с глубоким вздохом удовольствия вытянул усталые ноги.

Его мысли снова унеслись в те сферы, где бушевала гроза. Если бы он мог подняться, каким-то чудом перенестись в горные области, где еще никогда не ступала человеческая нога и где берет начало Саскачеван... С каким удовольствием он построил бы себе там точно такое же бунгало и с точно такой же водной системой! Если бы он там поселился, то через несколько лет все позабыли бы о том, что когда-то и где-то жил на свете человек по имени Джон Кейт...

Что-то неожиданно заставило его вскочить на ноги.

Это был телефонный звонок. После истекших четырех лет этот звук мучительным эхо отозвался в каждом фибре его тела. Очень может быть, что это звонил Мак-Довель, который хотел сообщить ему кое-что относительно японца или же осведомиться о том, как он устроился на новом месте. Скорее всего это был он... Кейт вслух повторил это предположение и положил трубку на стол. Но в тот самый момент, как он коснулся трубки телефона, внутренний голос подсказал ему, что лучше не отозваться, убежать, пользуясь временной темнотой, убежать в пустыню и проложить себе дорогу к западным горам.

Но решительным движением руки он поднес трубку к уху и отозвался.

Звонил не Мак-Довель. И не Смит...

К великому изумлению Кейта, прорвав ткань грозы, к нему донесся голос Мириам Киркстон...

Почему Мириам Киркстон решила вызвать его в такой странный час, когда небо раздиралось ослепительными молниями, а земля трещала под сатанинский хохот грома?

Вот какой вопрос заполнил все мысли Кейта, когда он прислушивался к голосу девушки, находившейся на противоположном конце провода. Мириам говорила напряженным, высоким дискантом, точно боялась, что гроза прервет ее посреди разговора. Это был чисто инстинктивный импульс, которому девушка повиновалась.

Она сообщила Кейту, что звонила в канцелярию Мак-Довеля, но, к сожалению, слишком поздно, так как он, Кейт, уже вышел и направился в бунгало Брэди.

Она много раз извинилась за то, что беспокоит его в первый же день возвращения из столь утомительного путешествия, но выразила уверенность, что он вполне поймет и ее, и ее состояние. Она просила его прийти к ней сегодня же вечером, в восемь часов.

Это слишком важно для нее! Может ли она надеяться на то, что ее просьба будет выполнена?

Еще до того, как он успел самому себе задать вопрос, как быть и что делать, он ответил положительно. Он услышал «Благодарю вас!» и «Всего хорошего!», вслед затем повесил трубку и задумался. Насколько он мог припомнить, она произнесла всего-навсего семь слов. Как странно, что молодая девушка, совершенно не считаясь с ужасной грозой, пожелала его немедленно видеть! Почему она не могла подождать, пока пройдет буря?

Стук в дверь перебил его размышления. Он тотчас же открыл дверь и увидел перед собой человека, который, несмотря на то, что промок до нитки, взглянул на него с самой приветливой улыбкой на свете. Это был Валли, японец, присланный Мак-Довелем. Он был не выше шестнадцатилетнего мальчика. С глаз его, ушей, носа и волос струились потоки воды, а широкий плащ оттопыривался от множества узлов, которые он старался защитить от дождя в то время, как подымался на холм.

Он понравился Кейту с первой же минуты. У него не хватило силы противиться обаянию чудесной улыбки, и, когда японец, словно болонка после бани, прошел в кухню, он последовал за ним и помог избавиться от узлов и пакетов. А за это время милый японец успел уверить своего будущего хозяина, что погода очаровательна, что он рад служить у него, что его зовут Валли и что он надеется получать по пяти долларов в неделю, так как готовит «по-небесному».

Кейт искренне хохотал, слушая его, а японец пришел в такой восторг, рассмотрев все вокруг, что решил немедленно приступить к делу. В продолжение часа или больше того ему была предоставлена полная свобода действий, и в самом скором времени всевозможные стуки и запахи довели до сведения хозяина, что кок не теряет золотого времени и делает все возможное для проявления своих неземных кулинарных способностей.

Кейт воспользовался приходом Валли как предлогом для того, чтобы поговорить по телефону с Мак-Довелем. В глубине души он признался самому себе, что ему искренне хочется еще раз послушать голос инспектора. Он не скрывал того, что в основе его желания лежит боязнь перед Смитом и, кроме того, некоторая надежда на то, что Мак-Довель даст ему кой-какие разъяснения касательно странной просьбы девушки немедленно явиться к ней.

Гроза несколько ослабела, и начал падать упорный, мелкий дождик, который несколько не мешал ясности и четкости разговора. Кейт с огромным удовольствием отметил про себя, что голос Мак-Довеля звучит по-прежнему приветливо и дружески, и вывел из этого естественное заключение, что если у Смита и возникли кое-какие сомнения, то до поры до времени он держит их про себя.

Кейт искренне изумился, услышав, что инспектор первый упомянул имя Мириам Киркстон.

— Насколько я могу судить, она просто горит желанием как можно скорее повидаться с вами! — сказал он. — Не скрою от вас, Коннистон, что вся эта история несколько смущает меня, и я хотел бы поговорить с вами до того, как вы побываете у нее сегодня вечером.

Кейт понюхал воздух.

— У меня такое впечатление, — сказал он в ответ, — что через полчаса Валли позвонит к обеду. Почему бы вам в таком случае не накинуть да себя непромокаемый плащ и не пожаловать ко мне на обед? По-моему, вы поступили бы чрезвычайно остроумно!

— Я иду к вам! — ответил немедленно инспектор. — Ждите меня!

Ровно через пятнадцать минут Кейт помогал ему снимать мокрый плащ. Он ждал, что Мак-Довель первым делом сделает несколько замечаний относительно уюта квартирки, теплой печки и аромата, доносящегося из кухни, но инспектор тут же на месте разочаровал его. Простояв несколько секунд спиной к печке и набивая в это время трубку, он всем своим видом не скрывал того факта, что его мозг занят вещами более серьезными, чем обед и уютная обстановка.

Вдруг его взор остановился на телефоне, и он кивнул головой по его направлению.

— Надо думать, Коннистон, что ей не терпится — так она хочет видеть вас! — воскликнул он, и в его голосе зазвучали вопросительные нотки. — Я имею в виду мисс Киркстон.

— Да, поневоле создается такое впечатление...

Мак-Довель уселся в кресле и чиркнул спичкой.

— По-моему, она чрезмерно нервничает... — заметил он между отдельными затяжками. — Вы ничего не имеете, Дерри, против того, что я вас занимаю этими делами и расспросами?

— Что же я могу иметь против этого? — воскликнул Кейт. — Правду вам сказать, я надеялся, что вы дадите мне кое-какие разъяснения по этому самому делу...

Беспокойное выражение мелькнуло в глазах Мак-Довея.

— Конечно, странно, что она позвала вас... так скоро... и к тому же в такую грозу... Не правда ли? Она полагала, что застанет вас еще в моей конторе. Мне даже по телефону передалось ее волнение, и я думаю, что она действовала под влиянием сильнейшего импульса.

— Очень может быть!

Гость помолчал некоторое время, причем внимательно смотрел на Кейта, словно желая выяснить кое-что касательно его.

— Я не стану долго рассказывать вам о том, что я далеко не безразлично отношусь к мисс Киркстон, — продолжал он. — Видите ли, в чем дело. Вы не знали этой девушки до убийства ее отца. Она находилась тогда в школе, а вернувшись домой, не застала уже вас, потому что вы отправились на поиски Кейта. Признаюсь вам, Коннистон, что никогда еще до тех пор я не увлекался так женщиной, но Мириам была самой прекрасной девушкой, какую мне когда-либо приходилось видеть. Я готов отдать все, лишь бы точно установить день и час, когда с ней произошла такая поразительная перемена. Если бы я знал эту дату, возможно, я вспомнил бы какое-нибудь событие, повлиявшее на нее. Приблизительно месяцев шесть назад она начала проявлять какой-то совершенно непонятный интерес к судьбе Джона Кейта. Вот именно с тех пор, Коннистон, меня и стала беспокоить явная перемена в ней. Я ничего не понимал, так как она ничем особенным не выдавала своего состояния, но я не мог не заметить, что она увядала буквально на моих глазах. По сравнению с тем, чем она была раньше, теперь она — увядший, бледный и больной цветок. В то же время я уверен, что это — не болезнь, разве только душевного характера. У меня имеется кое-какое подозрение, но почти невозможно передать его словами. Но вот что, друг мой... Вы будете сегодня у нее. Вы останетесь наедине с ней, будете

говорить с ней, узнаете, вероятно, довольно много, и весьма возможно, что вам удастся выяснить то, что, как рак, терзает мой мозг. Хотите ли вы помочь мне разгадать эту странную тайну?

Он подался ближе к Кейту. Это не был уже больше тот железный человек, каким он представлялся Кейту. На лице его замерло подлинно человеческое выражение.

— Нет на свете другого человека, которому я мог бы доверить это дело! — сказал он проникновенно и очень медленно. — Я должен обратиться только к джентльмену, только к такому человеку, который мог бы забыть про мои слова, если мои предположения неправильны, и мог бы понять меня, если я прав в своих опасениях. Это — слишком деликатное дело. Вот почему я волнуюсь так. И все же, Коннистон, я жду! Должен ли я просить вас о соблюдении всего этого в полной тайне?

Кейт протянул ему руку, которую Мак-Довель крепко пожал.

— Тут замешан еще Смит, — продолжал он с каким-то странным шипением. — Смит и Мириам Киркстон! Ну, можете себе представить, Коннистон? Отдаете ли себе полный отчет в этом ужасном сопоставлении? Могу ли я убедить вас в том, что это возможно? Я схожу с ума от одного сознания, что подобная мысль угнездилась в моем мозгу! Смит — Мириам Киркстон! И имейте в виду, что она сама понимает, что стоит на краю пропасти и что это несомненно погубит ее!

Кейт чувствовал, как стынет его кровь. Он пристально глядел в лицо инспектора и читал на нем ту мысль, которая не поддавалась словесному выражению. Он был потрясен и почти грубо вырвал свою руку из руки Мак-Довеля.

— Невозможно! — закричал он. — Невозможно, немыслимо то, что вы говорите. Вы с ума сошли! Это была бы непостижимая вещь!

— Да, да, да! — в свою очередь вскричал Мак-Довель. — И вместе с тем я должен сказать, что это вполне возможно!

Его лицо уже снова казалось покрытым железной маской. Он обеими руками схватился за ручки кресла и воззрился на Кейта так, точно сквозь него видел какое-то другое существо, к которому обратился очень тихо, взвешивая и измеряя каждое слово в отдельности до того, как оно сорвалось с его губ.

— Я не принадлежу к числу суеверных людей. Я никогда не верил в необыкновенные вещи до тех пор, пока не убеждался, что имею дело с чем-то, стоящим выше моего разума. В этом отношении я сделал исключение только для Смита. Но на него я никогда не глядел как на человека подобного вам или мне, а как на какую-то сверхъестественную человеческую машину, наделенную психологической мощью подчас смертельного характера. Начинаете ли вы понимать меня? Я думаю, что он использовал всю свою силу для преступного воздействия на мисс Мириам Киркстон и что она поддалась этой силе. Я уверен в этом и вместе с тем продолжаю сомневаться до сих пор!

— Вы следили за ними в продолжение всех последних шести месяцев?

— Нет! Подозрение мое возникло приблизительно с месяц назад. Не думаю, чтобы в нашем городе нашелся такой человек, который мог бы проникнуть в частную жизнь Смита! Все то, что творится за его кафе, покрыто мраком неизвестности. Я полагаю, что в квартиру Смита можно проникнуть либо через кафе, либо по маленькой лесенке, находящейся позади дома. Однажды ночью — и довольно поздно! — я видел Мириам Киркстон спускающейся по этой лесенке. Дважды за этот месяц она посетила Смита, причем оба посещения состоялись весьма поздно. Я знаю о двух визитах, а сколько их было в действительности, один Бог может сказать. Или же они сами!

Кейт видел, как напряглись жилы на сжатых кулаках Мак-Довеля, и понял, что тот говорит

в состоянии крайнего возбуждения.

— Скажу вам больше. Я лично следил за домом Киркстонов и три раза за этот месяц видел, как туда проходил Смит. На третий раз у меня хватило смелости проникнуть туда под предлогом того, что я должен сообщить мисс Киркстон что-то очень важное. Я оставался у девушки около часа. За это время я не видел ничего подозрительного, равно как не видел и самого Смита. Либо он был спрятан, либо успел уйти незаметно для меня.

Кейт мысленно увидел Мириам Киркстон такой, какой она предстала перед ним в первую минуту их знакомства, в конторе инспектора. Он живо припомнил ее нежную, золотую красоту, изумительные серые глаза и волосы, струящиеся в потоках света, падающего из окна. И против воли он рядом с ней поставил Смита, женственного, узкоглазого, с цепкими, вибрирующими пальцами, и предположение, высказанное Мак-Довелем, показалось ему кощунственным намеком.

— А почему вы не попросите объяснения у мисс Киркстон? — спросил он.

— Я сделал это, но она все отрицает самым решительным образом, признает только, что Смит был у них однажды по делу в присутствии ее брата, но категорически отказывается от того, что будто бы подымалась когда-либо по лесенке, находящейся позади дома Смита.

— И вы все-таки не верите ей?

— Определенно не верю! Как я могу верить ей, когда я лично, собственными глазами, видел, как она входила к Смиуту? Правду сказать, Коннистон, она лжет самым блестящим образом, желая скрыть то, чего не должен знать ни один человек на свете!

Кейт вдруг подался вперед.

— А какое отношение ко всему этому может иметь Джон Кейт? — спросил он. — Интересно знать, почему этот самый повышенный интерес к Джону Кейту появился как раз в то время, когда вы стали подозревать в чем-то Смита?

Мак-Довель покачал головой.

— Весьма возможно, что ее интерес к Джону Кейту не так велик, как интерес к вам лично, Коннистон! Вот это самое и надлежит вам выяснить сегодня вечером. В общем, создалась чрезвычайно интересная ситуация, чреватая трагическими последствиями. С того самого момента, как вы подтвердите мои подозрения, нам придется иметь дело непосредственно со Смитом. Но... — и он указал пальцем вперед, — я вижу Валли, который улыбается, как кошка. Надо думать, что обед ему удался на славу.

Маленький японец бесшумно открыл дверь в столовую, где стол был накрыт на двоих.

Кейт усмехнулся про себя, усевшись против человека, который немедленно послал бы его на казнь, если бы узнал всю правду. В конце концов он понял, что находится на узенькой ступеньке, которая так часто отделяет комедию от трагедии. Только теперь он по-настоящему оценил адский юмор своего положения.

Гроза почти совсем прошла, когда Мак-Довель ушел от Кейта. Это было в два часа дня.

Кейт со странным волнением следил за этим железным человеком до тех пор, пока его высокая серая фигура не растаяла в мгlistой дали, у подножия холма. До прихода к нему инспектора в качестве гостя, он как будто выработал определенный план своих будущих действий. Он решил воспользоваться своим отпуском и отправиться на запад, написать оттуда Мак-Довелю, что он по многим причинам не может снова вступить в должность, в ожидании ответа зарыться где-нибудь в горах Британской Колумбии и таким образом оставить впечатление, что он направился в Австралию или Японию.

Теперь же он находился в нерешительности. Он, казалось, заглядывал в ближайший вечер, когда должен был встретиться с Мириам Киркстон, и уже не боялся Смита так, как боялся еще несколько часов назад. Мак-Довель лично дал ему новое оружие в руки. Неофициально ему было поручено следить за Смитом, и создавалось впечатление, как будто судьба Мириам Киркстон передана в его руки.

Он с нетерпением ждал вечера. Валли завернулся в огромный дождевой плащ и отправился в город отчасти за продуктами, а отчасти за платьем Коннистона. Без четверти восемь Кейт оставил свой дом и направился к Мириам Киркстон.

Несмотря на ранний вечер, кругом стояла темная, тяжелая ночь, насквозь пропитанная туманом. С вершины своего холма он не мог уже видеть долины Саскачевана. Ему казалось, что он сходит в глубокую яму, в которой сгрудившиеся огни домов горели как далекие звезды. В начале девятого он подошел к дому Киркстонов, который спрятался за железной оградой, среди деревьев и ягодных кустов. Занавеси на окнах были спущены, но сквозь них на улицу струился мягкий свет.

Он был уверен, что Мириам Киркстон услышала шум его шагов по гравию, потому что едва только он прикоснулся рукой к старомодному молоточку у входа, как дверь немедленно раскрылась. И тут же он увидел улыбающуюся ему Мириам и снова почувствовал прикосновение ее руки к своей.

Ее ручка не была так холодна, как в конторе Мак-Довеля. Напротив, она была лихорадочно горяча, а зрачки девушки были неестественно велики, темны и вместе с тем блестящи. Кейт мог подумать, что он испугал ее своим резким появлением из вечернего уличного мрака, но не в этом заключалась причина ее возбужденного состояния. Ясно было, что она взволнована чем-то, имевшим место до его прихода.

Он не мог ручаться, но ему показалось, что он услышал почти бесшумное движение дверей и что его ноздри уловили едва ощутимый странный аромат. Кроме того, ему почудилась легкая, едва-едва заметная дымовая завеса вокруг света, и он понял, что она вызвана сигаретой. Голос Мириам Киркстон неестественно дрожал, когда она предложила гостю повесить пальто на старинной вешалке около двери. Кейт воспользовался краткой паузой для того, чтобы припомнить, где недавно он вдыхал точно такой же запах. Он вздрогнул, вспомнив... Это было в конторе инспектора тотчас же следом за тем, как Смит удалился.

Девушка улыбнулась, когда он повернулся лицом к ней, и извинилась за причиненное беспокойство.

— Я понимаю, что это просто... неприлично, — начала она. — Но, мистер Коннистон, я почему-то была уверена, что вы поймете меня и мое состояние. Мне даже кажется, что я недолго раздумывала над всем этим и немедленно подчинилась инстинкту. Я очень боялась грозы и молнии, но мне так хотелось видеть вас, что я и передать не могу. У меня не хватило

силы ждать до завтра. Я хочу сегодня же все знать, все услышать... Не правда ли, все это больше чем странно?

Он никак не мог впоследствии припомнить, что ответил на этот вопрос. Девушка повернулась, и он последовал за ней через большую квадратную дверь, которая вела в холл. Это была та самая дверь с высокой накладной панелью, которую он открыл четыре года назад, когда вступил в смертельный бой с отцом и братом Мириам Киркстон.

На один миг в раме дверей в сиянии света удивительно четко вырисовалась фигурка девушки.

«Вероятно, ее мать была замечательно красива!»

Вот какая мысль занимала его, когда он очутился в этой комнате и мгновенно вспомнил все то, что здесь когда-то произошло. Память так быстро и проворно развернула перед его взором все детали события, что, находясь сейчас здесь, он поразился, до чего все вокруг осталось почти без перемен. Тут все еще стояло старое кожаное кресло, с кожаными же ручками, в котором тогда сидело жирное, огромное существо, именовавшееся судьей Киркстоном. Он увидел тот же стол и тот же камин, и те же безделушки на нем. Та же Мадонна висела между двумя окнами. Подобно хозяину дома, она была слишком жирна и пухла для того, чтобы претендовать на красоту. Кейт вспомнил, что в ту проклятую ночь сын, полная копия своего гнусного отца, стоял спиной к Мадонне, которая словно возложила на его плечи свои пухлые, грузные руки.

Как отчетливо сохранила все его память!..

Повернувшись к девушке, Кейт обратил внимание на напряженное выражение ее глаз. Он тщательно осматривал комнату, причем нисколько не скрывая своего интереса. Мириам Киркстон дышала неровно, судорожно, а волосы ее дивно мерцали в колеблющемся свете. Она села и жестом предложила Кейту занять место против нее, по ту сторону стола, с которого он когда-то схватил медную линейку и нанес смертельный удар судье Киркстону. Казалось, никогда до сих пор он не видел ничего более напряженного, ничего более прекрасного, чем ее глаза, которые, не отрываясь ни на миг, глядели на него. Он подумал о подозрениях Мак-Довеля, снова вспомнил о Смите, и у него захватило дыхание. Станный аромат продолжал висеть в воздухе. На маленьком серебряном подносыке у его локтя лежали три свежих окурка.

— Вы, конечно, припоминаете эту комнату? — спросила девушка.

Он кивнул головой.

— Да, конечно! Тогда я был здесь тоже вечером. А на следующий день отправился по следам Джона Кейта.

Она стремительно подалась в его сторону, и голова ее упала на руки, лежавшие на столе.

— Вы расскажете мне всю правду относительно Джона Кейта? — спросила она тихо и взволнованно. — Можете поклясться мне в том, что я услышу из ваших уст только правду, одну правду?

— Я не упущу ни слова из того, что я уже рассказал сегодня инспектору! — ответил он, стараясь избежать ее напряженного взора. — Я даже думаю, что вам я смогу рассказать еще больше.

— В таком случае... скажите мне следующее: вы были вполне правдивы в разговоре с инспектором Мак-Довелем? Действительно ли Джон Кейт умер?

Кейт тут же на месте задался вопросом: приходилось ли когда-нибудь Смиту встречаться с таким же взглядом? Приходилось ли ему так смотреть на девушку и своим взглядом победить ее взгляд? Неужели правда то, на что намекал Мак-Довель?

Мак-Довелю он лгал совершенно легко, и казалось, что лживые слова сами собой срываются с его языка. Теперь же слова застревают в его горле. Не дав ему возможности подготовиться к ответу, девушка подошла к нему вплотную и поставила ребром вопрос, от

которого зависела его жизнь или смерть, и в первый момент он не знал, что и как ответить.

Очевидно, у нее имелись какие-то подозрения, и вряд ли она руководствовалась чисто интуитивными импульсами. Неожиданность ее вопросов поразила его, а затем взволновала, но в волнении своем он оказался большим господином положения, чем сам вначале мог думать.

— Вам, значит, угодно знать, действительно ли умер Джон Кейт и как он умер? — спросил он.

— Да! Вот что мне необходимо знать самым точным образом!

Он заметил, что она сжала руки и что ее изящные пальчики напряглись.

— Я только что помедлил, мисс, исключительно потому, что обещал вам рассказать больше, чем узнал инспектор Мак-Довель. Хочу вам сказать, что вряд ли мой рассказ доставит вам удовольствие. Ведь Джон Кейт убил вашего отца! Уж только поэтому вы не можете питать к нему симпатии. И вам определенно будет неприятно слышать, что я почти любил этого человека и что я был очень огорчен его смертью.

— Дальше, дальше... прошу вас!

Ее руки разжались. Пальцы ослабели. Что-то медленно угасало в ее лице. Создавалось впечатление, точно она еще надеялась на что-то и что надежда умирала. Возможно ли, что она надеялась на то, что Джон Кейт все-таки жив?

— Знали ли вы этого человека? — спросил он. — Вы были знакомы с Джоном Кейтом?

Она отрицательно покачала головой.

— Нет! Я несколько лет провела в закрытом учебном заведении. Я не припоминаю его.

— Но он знал вас... То есть я хочу сказать, что он видел вас, — заметил Кейт. — Он неоднократно беседовал со мной о вас в те дни, когда положение его стало совсем безнадежно. Он говорил мне, что ему очень больно за вас и что только из-за вас он искренне жалеет о том акте справедливости, который совершил по отношению к вашему отцу. Имейте в виду, что я говорю почти его словами. Он называл это справедливостью. В этом отношении он ни разу не испытывал сомнений. Вы, может быть, никогда не слышали этой части его истории?

— Нет!

Это единственное слово чуть ли не против воли сорвалось с ее губ. Она ждала, что он будет продолжать, жаждала этого, и глаза ее ни на миг не отрывались от его лица.

Он не повторил своего рассказа в таких же точно выражениях, в каких изложил его Мак-Довелю. Факты были, конечно, те же, но его живая симпатия к слушательнице и собственные убеждения придали совершенно иной характер его словам. Обо всем он рассказывал с точки зрения самого Джона Кейта, и лицо Мириам Киркстон бледнело, и пальцы ее все больше напрягались по мере того, как она вслушивалась в новую версию трагедии, разыгравшейся в той же комнате, где они сейчас сидели.

А затем он углубился в страну вечного льда, вечных снегов, в царство эскимосов, и с этого момента он уже не был Кейтом, а говорил устами Коннистона. Он подробно описывал бессолнечные дни, недели и месяцы, с утра до вечера насыщенные безумием, и когда наконец дошел до событий в маленькой хижине, где умирал Коннистон, он снова превратился в Джона Кейта. Тут он говорил не столько о себе, сколько об англичанине. Сухой, надорванный стон огласил комнату, когда он кончил описание того, как он похоронил друга под полом избышки, приютившейся на самом краю света... Но не было слез в глазах девушки... Будь слезы, они скрыли бы от него выражение этих глаз. Девушка не плакала, хотя в горле ее забурлило что-то, до того давящее и мучительное, что она сделала над собой усилие, желая перевести дыхание.

Наконец она промолвила:

— И это, значит... был Джон Кейт?

В подтверждение лжи он опустил голову и, думая о Коннистоне, сказал:

— Это был самый благородный человек на свете; подобных ему я никогда не встречал. Я очень огорчен его смертью...

— И я... Я тоже огорчена его смертью...

Он взял ее руку, и на один миг ее пальцы крепко обвили вокруг его пальцев, а затем сила напряжения в них ослабела, и она опустила руку. И в тот же момент он заметил, как резко изменилось ее лицо. Она глядела поверх него, через его правое плечо. Глаза ее расширились, зрачки под его напряженным взглядом приняли совершенно неестественные размеры, и она на миг задержала дыхание. Быстро и инстинктивно, как человек, за которым долго охотились, он повернулся в ту сторону, куда смотрела Мириам Киркстон. Позади него комната была абсолютно пуста. У окна он не заметил ничего подозрительного. По-прежнему сыпал частый дождик, и на некоторое подозрение, пожалуй, наводило то обстоятельство, что на одном окне штора не была так спущена, как на остальных. Он еще не отвел взора, как девушка подошла к нему. Он прекрасно понимал, что она заметила что-то, что заставило ее вздрогнуть, но он ни о чем не расспрашивал ее. Вместо этого, делая вид, что ничто особенное не поразило его, он попросил позволения закурить.

— Я вижу здесь несколько окурков, — сказал он и в виде извинения указал на подносик.

Он пристально глядел на нее и с нетерпением ждал ответа. Несомненно, она попалась. Брат ее был в отсутствии. А в комнате чувствовался запах неамериканской сигареты, которую совсем недавно здесь кто-то курил. Он видел, как струя ярко-красной крови поднялась вдоль ее горла к щекам, и ему стало стыдно за нее. Как бы он ни старался, он уже никоим образом не мог бы не верить предположениям Мак-Довеля. Тут до него был Смит. И несомненно, что Смит оставил эту комнату за миг до того, как он, Кейт, вошел сюда. И возможно, что лицо Смита мелькнуло только что в окне.

Его рассмешило то, что она сказала ему:

— Да, мистер Коннистон, у меня завелась очень некрасивая привычка курить! Этому я научилась на Востоке. Это очень некрасиво, не правда ли?

Он с трудом сдержал себя. Ему хотелось воскликнуть: «Ах вы очаровательная маленькая лгунья! Я мог бы тут же на месте пристыдить вас, но мне это очень неприятно».

Вместо этого он откусил кончик своей сигары и сказал:

— Нет, почему! Надо вам знать, что в Англии женщины курят очень много и часто. Я лично не поклонник этого нововведения. Но в то же время не настаиваю на ходячем мнении, что это грешно, некрасиво и так далее...

Но тут уж он потерял власть над собой. Он посмотрел ей прямо и открыто в глаза и решительно заявил:

— Я не верю тому, что вы курите!

Он поднялся с места, продолжая улыбаться, глядя на нее, как старший брат, и ожидая признания. Она была не слишком поражена той прямоотой, с какой он сказал правду. Казалось, последние остатки ее смущения куда-то исчезли. В ее глазах загорелось смутное, но сильное желание, и глаза эти словно хотели проникнуть до самой глубины его души. Он увидел, как новая судорога пробежала вдоль ее горла, и искренне пожалел девушку, отца которой он убил.

Несмотря на сильное волнение, он продолжал владеть собой. Он и так зашел слишком далеко!

Она проводила его до дверей, снова протянула ему руку и пожелала доброй ночи. Она выглядела до того беспомощной и измученной, что Кейт пожалел, что нет поблизости человека, который имел бы право взять ее за руку и оказал бы ей моральную поддержку.

— Вы еще придете ко мне? — прошептала она.

— Да, конечно, я еще приду к вам! — ответил, он. — Спокойной ночи!

Он вышел на улицу под моросивший дождик. Дверь быстро захлопнулась за ним, но тем не менее он еще раз услышал стон, вырвавшийся из горла мисс Мириам Киркстон.

Кейт не спускал руки с рукоятки револьвера, когда пробирался вдоль непроглядно-черных аллей. Он не видел земли под ногами, а только чувствовал ее. Что-то более сильное, чем предположение, говорило ему, что Смит находится совсем близко. Если это было предчувствие, то он удивлялся, каким образом оно пришло к нему. Чисто собачий нюх предупреждал его о неминуемой опасности. Он прошел через калитку и стал спускаться вниз по склону, направляясь к городу. Ему удалось кое-как соединить отдельные части воедино и заняться тщательным анализом своих мыслей. Еще так недавно ему казалось, что все они приведены в абсолютный порядок, но теперь в них царил хаос. Он не мог уже оставить пост Принца Альберта, как «он предполагал несколько часов назад. Мак-Довель дал ему определенное поручение. Мириам Киркстон усилила в нем желание выполнить это поручение. Смит — тоже! У него было сейчас точно такое же состояние, как у человека, пробирающегося по тонкому льду и не дающего себе отчета в том, где лед тоньше всего.

» Что за глупость! — начал он убеждать себя. — Какого черта я вдруг вмешиваюсь в дела какого-то Смита и красивой девушки, причем делаю это в момент наиболее тяжелого своего собственного состояния? Если бы, впрочем, не Мак-Довель...«

И тут его мысль прервалась.

Ему слишком много пришлось претерпеть и бороться на своем веку для того, чтобы самого же себя обманывать или тешить иллюзиями. И он признался себе, что, конечно, делает все это только для Джона Кейта, только для Джона Кейта, который неведомыми и таинственными путями, несмотря на свою официальную смерть и такие же официальные похороны, принимает непосредственное участие в деле Смита и мисс Мириам Киркстон, являющихся главными действующими лицами драмы. Конечно, никто не знал, что он — Джон Кейт; все принимали его за Дервента Коннистона, и поэтому он мог в любой момент сняться с места и отправиться на поиски неведомых гор, где берет начало река. Если продолжать метафору, которая так понравилась ему, то можно было бы сказать, что только в этом направлении он мог найти лед достаточно крепкий и прочный для того, чтобы привести его в безопасное место. В конце концов, вовсе не обязательно, чтобы он выполнил поручение инспектора. Он легко может забыть про существование на свете мисс Киркстон и в кратчайший срок укрыться от пронизывающего насквозь взора Смита. Он повторил себе в тысячный раз, что официально Джон Кейт умер, а раз он умер, то закон и представители его потеряли к нему всякий интерес.

Об этом он все время думал, когда во мраке ночи прокладывал себе дорогу в город. Но в то же время он неотступно видел перед собой золотую головку Мириам Киркстон. Тайна, бросившая свою чудовищную тень на большой дом на холме, возбуждала в нем все инстинкты прирожденного охотника. И он определенно чувствовал, что желание схватиться со Смитом росло в нем с каждой минутой. Но, конечно, он не мог предвидеть, что все так случится. Не предвидел этого и Коннистон. Оба они думали только о том, чтобы спасти от веревки драгоценную голову Джона Кейта. На одну минуту он забыл было про существование на свете палача. Но действительность вдруг придавила его всей своей непомерной тяжестью, и против воли мысль его снова обратилась в сторону таинственных и чудесных гор...

Городские улицы были пустынные. Сквозь вечерний мрак пробивался свет многочисленных огней. Время от времени то там, то здесь с шумом распахивалась дверь. Внизу, поближе к реке, отчаянно лаяла собака.

Кейту стало грустно. Казалось, все восстало против него. Он уже больше не видел вокруг себя домов, из которых к нему донесся бы приветливый голос:» Добрый вечер, милый Кейт! Как

дела? Страшно рад видеть вас! Забегите ко мне, пока пройдет дождик». Он даже не смел заглянуть к Энди Дюггану, к своему старому и закадычному другу. Он ясно понимал теперь, что больше всего он должен избегать именно старых друзей, в присутствии которых он всегда может выдать себя с головой. Для него не существовало больше дружбы. Город превратился в пустыню без малейшего оазиса, где он мог бы подобрать утерянные некогда вещи. Воспоминания, которые он всегда так бережно лелеял, сменились горестными размышлениями. Весь город, со всеми его жителями, предстал пред его умственным взором самым злейшим врагом на свете, и ему стало так страшно от полного одиночества, что на минуту он задержал дыхание, словно погрузился в какую-то яму.

Он заглянул в открытую лавчонку, желая купить ящик сигар. За исключением хозяина, в лавке никого не было. Кейт случайно наткнулся локтем на телефон, и ему захотелось позвонить Валли и приказать ему жарко истопить печь. Он надеялся, что, сидя у уютной печки, он разгонит свои мрачные мысли и, несколько успокоенный, поговорит по телефону с Мак-Довелем, которому сообщит о своих впечатлениях.

На звонок отозвался не Валли, и Кейт подумал было, что ему дали неправильный номер, как вдруг до него донесся знакомый голос:

— Это вы, Коннистон?

Кейт узнал голос Мак-Довеля. И вздрогнул от неожиданности. Каким образом инспектор попал в хату во время его отсутствия? К тому же он сейчас же обратил внимание на повелительные нотки, которые звучали в вопросе Мак-Довеля.

— Да, это я! — нетвердо ответил он по телефону. — Я сейчас в городе, покупаю сигары. В чем дело? Что случилось?

— Не спрашивайте долго, а поскорее приходите сюда! — приказал инспектор. — Дело слишком важное, и я с нетерпением жду вас!

Кейт слышал, как на противоположном конце повесили трубку. Ясно, что случилось что-то очень серьезное и что Мак-Довель взволнован. Кейт в сильном возбуждении вышел на улицу. Он понимал, что ему нечего торопиться домой, и стал раздумывать над тем, какой сюрприз ожидает его на вершине холма. Но этих сюрпризов могло быть так много, что трудно было остановиться мыслью на чем-нибудь определенном. Вдруг под наплывом мыслей он почувствовал, что кто-то плотно и дружески сжимает его руку повыше локтя. Это была коробка с сигарами, которую он торопливо сунул под мышку. Чувство юмора никогда не оставляло его, и он подумал, что дела действительно печальны, если ему доставляет отраду плотно прижатый к телу ящик с сигарами.

Подымаясь по холму, он сразу же заметил, что освещены все окна его временного жилья. Но шторы повсюду были спущены. Он не знал — опустил шторы Валли или же об этом, ввиду предосторожности, позаботился Мак-Довель.

И вдруг случилось нечто, от чего сердце Кейта на миг остановилось. Он подошел совсем близко к двери дома и прижался ухом к ее створке. Ему послышался новый, незнакомый голос, который никоим образом не мог принадлежать Валли. Это был голос женщины или же девушки.

Он открыл дверь и быстро поднялся по трем ступенькам, которые отделяли переднюю от большой комнаты. Его появление было до того стремительно и неожиданно, что находившиеся в комнате замерли на мгновение. В печке горели большие березовые поленья. В кресле сидел Мак-Довель, полуповернувшись к двери, с сигарой в зубах. На скамеечке перед ним, опустив подбородок на руки, сидела девушка.

В первую минуту, ослепленный довольно ярким светом, Кейт принял ее за девочку, прелестную, милую девочку, с громадными, широко раскрытыми глазами и изумительной шапкой блестящих темных волос, на которых кое-где переливались капли дождя. Он снял шляпу

и вытер мокрые глаза. Мак-Довель не трогался с места. Девушка медленно поднялась на ноги, и только тогда Кейт понял, что она — не ребенок. Возможно, что ей было лет восемнадцать. Она была худенькая, усталая, очаровательная, и, глядя на нее, Кейт не знал, собирается она засмеяться или же закричать от страшной тоски. Возможно также, что она была близка и к тому и к другому. Удивление его еще усилилось при виде того, как она со странным и изумленным выражением лица стала приближаться к нему.

Его сердце отчаянно забилося, но у него не было времени разбираться в причинах своего волнения. В широко раскрытых, сияющих глазах девушки он прочел всю трагедию — свою собственную... А затем незнакомка протянула к нему руки, и в голосе ее задрожали ноты, в которых одновременно были и рыдания и ликующий смех.

— Дерри... Дерри, неужели вы не узнаете меня? Не узнаете, нет?

Он стоял как человек, у которого внезапно, по колдовству, отнялся язык. Она находилась на расстоянии полуметра, была бледна, как камешек, глаза ее сверкали, как только что зажегшиеся звезды, тоненькая шейка вздрагивала, и она протягивала к нему руки...

Что делать?

— Дерри, вы не узнаете меня? Вы не узнаете меня?

Это был крик. Это был стон. Мак-Довель поднялся с кресла. Бессознательно для самого себя Кейт поддался импульсу, который всколыхнул до дна его душу. Он раскрыл свои объятия, и через мгновение девушка трепетно прижалась к его груди, смеясь, визжа и рыдая... Он почувствовал, как ее нежные, мягкие волосы коснулись его лица, как ручки обвились вокруг его шеи, как она склонила его голову и прижалась губами к его губам и поцеловала его не раз и не два, а много-много раз, и без всякого смущения. Невольно он прижимал ее все сильнее и сильнее к себе. Он слышал голос Мак-Довеля, но казалось, что он доносится из неведомых страшных глубин и звучит неестественно, нежизненно. Он как-то отдаленно понял слова инспектора, сводящиеся к тому, что лучше всего будет, если он оставит их наедине, а завтра утром придет сюда снова. Он слышал также, как дверь открылась и закрылась. Мак-Довель ушел. Ее нежные, маленькие ручки все еще тесно обнимали его шею. Рассыпающиеся волосы ласкали его лицо, и он чувствовал, как с чисто детскими взвизгиваньями она все любовнее прижималась к его груди. В ответ он тоже сильнее прижал ее к себе. Им овладел дикий восторг, и каждый фибр задрожал так, как дрожит тончайшая медная проволока, когда вдоль нее проносится электрическая волна.

Но это состояние быстро прошло, само собой перегорело, и сердце его упало. Он услышал звук, изданный Валли на кухне. И сразу же узнал стены комнаты, кресло, в котором только что сидел инспектор, и яркий огонь в печке. Его руки разжались. Девушка подняла голову, прижала обе руки к его лицу и посмотрела на него глазами, которых он не мог уже не признать. Это были те самые глаза, которые смотрели на него недавно с задней крышки часов Коннистона.

— Поцелуй меня, Дерри.

Он не был в состоянии отказать ей в столь законной просьбе. Ее губки прижались к его губам, и в поцелуе этом он мог найти все: любовь, обожание, трепет...

А затем она снова закричала и снова припала к его груди, зарывшись головкой в его платье, и он поднял ее так, как поднял бы ребенка, и понес к креслу, которое стояло у печки. Усадив ее в кресло, он остановился перед ней и попытался улыбнуться. Ее волосы совсем рассыпались и блестящими прядями легли вдоль щек и плеч. В эту минуту она больше, чем когда-либо, походила на маленькую девочку. Она не спускала с него взора, полного обожания. Ее губки старались улыбаться, и одной рукой она провела по глазам платочком, насквозь мокрым и скомканным.

— Дерри, мне кажется, что вы не очень рады тому, что видите меня! — прошептала она.

— Нет, я просто... поражен! — сказал он с некоторым усилием. — Я так неожиданно увидел вас...

— Да, да, я понимаю, это был такой страшный сюрприз, Дерри. Я знала раньше, что именно так будет. Ведь я думала над этим планом годы, годы, годы! Шутка ли сказать! Но, ради Бога, снимите... нет, снимите свое пальто. Ведь оно насквозь мокрое. И садись здесь, совсем близко ко мне.

Он снова повинился и уселся на скамеечке, для которой был слишком велик.

— Ну, а сейчас, Дерри, скажи правду: ты очень рад, что видишь меня?

Она сидела теперь на самом кончике кресла, и одна рука ее коснулась влажных волос Кейта и отбросила их назад. Это было чудесное прикосновение, подобного которому он никогда до сих пор не испытывал. И невольно он подался несколько вперед и склонил голову в сторону девушки. В следующий момент она привлекла его еще ближе к себе.

— Значит, Дерри, ты очень рад? Скажи «да»! Скажи так, чтобы я ясно слышала!

Ему казалось, что он слышит сильное, учащенное биение ее сердца.

— И имей в виду, что я никогда больше не вернусь туда, к ним! — сказала она, и он услышал какие-то новые, жесткие нотки в ее голосе. — Я решила теперь раз навсегда остаться с тобой! Навсегда! Ты слышишь, Дерри, что я говорю?

Она подняла губки совсем близко к его уху, и он услышал ее таинственный шепот:

— Они не имеют никакого представления о том, где я сейчас нахожусь. Очень может быть, они думают, что я умерла. Но полковник Реппингтон знает все. Я сказала ему, что не останюсь перед тем, чтобы объехать весь свет, лишь бы мне добраться сюда. Он обещал держать все это дело в страшном секрете и дал мне массу писем к очень милым и влиятельным людям, которые живут здесь. Я уже свыше шести месяцев нахожусь в пути, и, когда я увидела наконец твое имя в этих сухих синих книгах, которые выпускает ваша верховая полиция, я упала на колени и вознесла хвалу Господу Богу. Я несколько не сомневалась, Дерри, что рано или поздно найду тебя. А знаешь, дорогой, ведь с тех самых пор, как я оставила Монрил, я не сомкнула глаз. А если бы ты знал, как я испугалась, когда очутилась с глазу на глаз с этим высоким инспектором с громадными усами, когда вкатилась к нему, совершенно мокрая и страшная, и закричала: «Я — мисс Мэри-Джозефина Коннистон, и я хочу видеть моего родного брата!» Он так глядел на меня, и глаза его так расширились, что я думала, они вот-вот выскочат из орбит. И вдруг он как раскричится: «Черт побери, я понятия не имел о том, что у него есть сестренка!»

Кейт сам точно не знал, что у него происходит с сердцем. Итак, значит, это прелестное маленькое создание — сестра Дервента Коннистона! И она признала его! Она принимает его за своего родного брата.

— Но он так внимательно и хорошо принял меня, что я полюбила его с первой же минуты, — продолжала она. — Он чуть-чуть не раздавил меня в своих объятиях, и я думаю, что он вряд ли дает мне восемнадцать лет и принимает за ребеночка. Затем он набросил на меня громадный непромокаемый плащ и приволок сюда.

Она вдруг закричала:

— Но, Дерри, Дерри, почему ты такой? Что с тобой? Неужели ты недоволен тем, что я приехала сюда?

Он слушал ее, но мыслью перенесся в маленькую хижину, прикорнувшую на дальнем севере, на краю Баррена, где лежал мертвый Дервент Коннистон.

Он, казалось, слышал, как ветер воеет и злится и плачет точно так же, как он делал это в ночь смерти англичанина. И снова он увидел последнее и невыраженное словами желание в глазах умирающего.

Он снова прижал к себе девушку, прижал сильнее прежнего, и голосом, который совершенно не походил на голос Джона Кейта, произнес:

— Да, я хочу, чтобы ты осталась со мной... Я хочу этого...

В продолжение нескольких секунд он не подымал головы. Девушка продолжала крепко обнимать его, и он чувствовал теплое прикосновение ее щеки к своим волосам. Сознание совершаемого им преступления давило на его душу, как тяжелый свинцовый груз, и тем не менее только что душа эта издала крик: «Да, я хочу, чтобы ты осталась со мной»... Казалось, душа повторяла эти слова и тогда, когда он уже плотно сжал губы и совершенно определенно мысленно назвал себя преступником.

У него создалось такое впечатление, точно это странное, прекрасное и недавно абсолютно чужое и чуждое дитя пришло к нему из другого мира и губами своими, руками своими, ласками своими вырвало его из того своего мира, в котором он до сих пор находился, и бросило в бурный мальстрем, поглотивший его целиком. Во всяком случае, он никак не мог нащупать дна этого мальстрема.

Она признала его в присутствии Мак-Довеля. И в присутствии Мак-Довеля он признал в ней свою сестру. Он произнес величайшую ложь в своей жизни, так требовал его инстинкт самосохранения — и он победил... Но победа эта не доставляла ему ожидаемой радости. В его мозгу загорелся всепожирающий огонь, завихрилось неудержимое желание заявить всю правду, открыться всем, рассказать девушке, что он не Дервент Коннистон, ее брат, а Джон Кейт, преступник и убийца! Он хотел этого, но что-то сильнее этого желания, властнее и повелительнее его удерживало от рискованного шага. И Кейт понимал, что в нем говорит тот же инстинкт самосохранения, который так силен в самом отважном борце.

Сделав легкое усилие, он освободился из объятий девушки. Она осталась на прежнем месте, в большом кресле, и улыбалась ему, и, не в силах совладать с собой, он ответил ей такой же ласковой, искренней улыбкой.

— Ну, Мэри-Джозефина, теперь я должен уложить тебя, — сказал он, — а завтра утром потолкуем обо всем остальном. Ты, вероятно, так устала, что можешь уснуть в любую минуту, как только очутишься в постели.

На ее прелестном лобике показались мелкие морщинки, и Кейт с первого же раза полюбил эту ее особенность.

— А все-таки, Дерри, я должна сказать тебе, что ты сильно изменился за это время, — ответила она. — Ведь ты всегда называл меня «Джудди». Я понимаю, что за истекший промежуток я сильно выросла, изменилась; я понимаю, что теперь больше подходит называть меня Мэри-Джозефина, но все же я прошу тебя не очень злоупотреблять этим именем. Дерри, скажи мне всю правду и безо всяких стеснений: ты боишься меня?

— Боюсь тебя?

— Ну да, боишься меня потому, что я сильно выросла! Ты уже не любишь меня так, как любил год, два, три, семь лет назад? Если бы ты любил меня по-прежнему, ты ни за что не сказал бы, что я должна идти спать так рано, спустя несколько минут после нашей встречи... Дерри, Дерри, я сейчас заплачу... ей-богу, заплачу. Я такое...

— Нет, нет, не надо ничего такого! — взмолился он. — Ради всего святого, не надо плакать!

Он чувствовал себя так, как строгий вол в крохотной китайской лавчонке, и не знал, что ему делать, куда повернуться. К счастью, Мэри пришла к нему на помощь, стремительно поднялась с большого кресла, усадила на него своего мнимого брата и живо уселась к нему на колени.

— Сиди! — повелительно крикнула она и взглянула на маленькие часики на своей руке. —

Сиди, и так мы будем сидеть всего только два часа, после чего отправимся спать. Мы поговорим сейчас о том, что, как ты сам, Дерри, понимаешь, не может ждать до завтра. Ведь ты прекрасно знаешь, что я хочу сказать. Я не смогу уснуть до тех пор, пока ты все не расскажешь мне. И ты должен, ты обязан рассказать мне всю правду. Что бы ты ни рассказал мне, моя любовь к тебе останется той же самой, что была всегда. Той же самой, — ты слышишь, что я говорю тебе? Дерри, Дерри, почему ты сделал это?

— Что? — с тупым выражением в глазах спросил он.

Казалось, очаровательная мягкость оставила нежное существо, которое сидело на его коленях. Девушка как будто сжалась и напряжилась. Она с безнадежным выражением смотрела в огонь, и, не глядя, Кейт видел, читал страстный вопрос в ее глазах. Он почувствовал ту быструю перемену, которая произошла в Мэри. Она с трудом дышала, и ясно было, что вопрос Кейта прозвучал по меньшей мере смешно. Как он ни старался, но до сих пор он все еще не мог войти целиком в роль Дервента Коннистона. Наконец он взглянул на нее. Яркие, нежные краски сбежали с ее лица. Она как-то сразу поблекла. Рука, которая минуту назад нежно и крепко обнимала его шею, бессильно свисла с его плеча.

— Мне кажется, Дерри, — начала она, — мне кажется, что ты предпочел бы, чтобы я совсем не приезжала сюда. — Она сделала невероятное усилие для того, чтобы говорить более или менее спокойно. — И я скажу тебе следующее: если тебе почему-либо неудобно или же просто неудобно, я вернусь. Это будет нелегко! Ведь я всегда неустанно мечтала о твоём обещании: что когда-нибудь придет прекрасный день, когда ты пришлешь за мной или же приедешь сам. И мне хотелось бы сейчас знать, почему раньше ты был совсем другим. Ты, значит, все эти годы скрывал что-то от меня? Иначе ты не оставил бы меня в обществе людей, которые так же ненавидели меня, как ненавидели и ненавидят тебя самого! Может быть, все это объясняется вообще невниманием ко мне. Или же имеется другая причина, и причина эта заключается в том... — Она склонила голову и как-то странно произнесла: — может быть она заключается в том, что ты все-таки боишься меня?

— Боюсь? — медленно повторил он за ней, устремив взор в огонь. — Я боюсь?

Он хотел добавить: «Но чего же я боюсь?», но вовремя сдержал свое волнение и ничего больше не сказал.

Девушка напряженно ждала его ответа. Ее губы сомкнулись сильнее прежнего. Его неуверенность, медлительность, отсутствие горячности в приеме ее, сестры, которую он так давно не видел, определенное нежелание его коснуться той тайны, которая так много значила для нее — все это, вместе взятое, вызвало выражение тяжелой боли в ее глазах. Кейт подумал, что точно такое же страдание он часто читал в глазах животных, которым люди причиняли физическую боль.

Он протянул вперед руки и отбросил густые, мягкие пряди волос с ее лица. Его пальцы глубоко погрузились в шелковистый хаос, и с минуту он пристально смотрел прямо в глаза девушки. Он медлил начать свою речь.

— Милая девочка, — произнес он наконец, — можете ли, хотите ли вы сказать мне всю правду? Вы находите, что я действительно похож на Дервента Коннистона? На вашего брата Дервента Коннистона? Как ты думаешь? — снова перешел он на «ты».

Ее голос прозвучал очень слабо и тревожно, но боль угасала в ее глазах по мере того, как все сладостнее становилось прикосновение его пальцев к ее волосам.

— Нет! — ответила она. — Ты сильно изменился!

— Да, это верно: я сильно, страшно изменился. Значительная часть Дервента Коннистона умерла семь лет назад. Затем другая часть его умерла в ту самую минуту, как он сегодня вечером зашел в эту комнату и увидел тебя. Затем он снова воскрес к жизни, но воскресение

шло так медленно, так медленно, что и передать в точности нельзя. То, что казалось умершим, вдруг начало воскресать, подыматься с прежней силой и питаться соками того, что когда-то было но прошло. Теперь, дорогая Мэри-Джозефина, ты понимаешь, что происходит со мной? Вот посмотри еще на это!

Он поднес руку ко лбу и пальцем прикоснулся к шраму над глазом.

— Этот шрам был нанесен семь лет назад. И он убил половину Дервента Коннистона, а другая половина продолжала жить. Ты понимаешь, что я говорю?

Ее глаза приковались к нему и сделались такими большими, темными и сверкающими, что казались живыми огнями ужаса. Ему очень трудно было продолжать свою ложь, но пришлось сделать над собой еще одно усилие.

— В продолжение нескольких недель я был как мертвый. Когда же я вернулся к физической жизни, я позабыл многое из того, что было со мной в прошлом. Я знал мое имя, знал, что я — Дервент Коннистон, но почти все остальное и пережитое затянулось непроглядной завесой. Я помнил о твоём существовании, но и ты представлялась мне как во сне, как призрак, и призрак этот почти не разлучался со мной. Мне часто казалось, что я целую вечность искал какое-то лицо, какой-то голос, который я когда-то любил больше всего на свете, который был совсем близко и который в то же время никак нельзя было ни найти, ни уловить. И это лицо, и этот голос принадлежали тебе, Мэри-Джозефина! Только тебе!

Неужели все эти слова произносил Дервент Коннистон? То, что началось со лжи, мало-помалу превращалось в самую доподлинную правду. Теперь он, Кейт, допрашивал, допытывался, жаждал слышать, знать и надеяться... Это был Джон Кейт, а не Дервент Коннистон! И это он вернулся в мир, который казался юдолью отчаяния и полного, мучительного одиночества, и это ему судьба послала очаровательное существо, послала в тот час, когда, казалось, горе его достигло крайней степени...

Нет, теперь он не лгал. Теперь он боролся! Боролся за то, чтобы удержать подле себя единственный человеческий атом, который значил для него гораздо больше, чем все остальное человечество! Боролся за великую любовь, явившуюся ему из мира, где не было для него больше ни друга, ни родного очага, ни привета! Боролся так, как только может бороться утопающий, вдруг увидевший на поверхности безбрежного моря спасательный пояс...

Когда рука девушки снова коснулась его лица и когда он услышал, как жалобно и горестно она произносит его имя, он уже перестал отдавать себе отчет в словах, которые произносил. Он не хотел ни о чем думать, только теснее и теснее прижимал девушку к своей груди, целовал ее рот, целовал ее глаза и волосы и снова, и снова, и без конца повторял, что теперь, после того как он наконец нашел ее, он никому не отдаст ее и никуда больше не отпустит.

Утопая в его объятиях; она ничего другого и слышать не хотела. Они были как двое детей, которые после долгой и злой разлуки опять встретились, и только теперь Джон Кейт понял, как должен был любить свою сестренку Дервент Коннистон! Его ложь спасла его лично и вместе с тем Коннистона. Теперь было не время разбираться в том, почему он встретил девушку, пришедшую к нему из-за моря, не так радостно и душевно, как можно и надо было ожидать. На сегодня вполне достаточно сознания, что он — Коннистон и что девушка досталась ему как драгоценное наследство.

Они уже стояли рядом, но Кейт отодвинулся немного и таким образом мог глядеть на мокрое от слез личико девушка и в ее сияющие счастьем глаза. Она протянула вперед руку и коснулась его шрама, и в глазах ее было столько нежности, так много жалости и любви и готовности отдать все, что никаких слов не хватило бы для того, чтобы описать, что прочел Кейт в ее взоре. Она очень осторожно и ласково притронулась к шраму, и тотчас из-под ног Кейта плавно уплыл весь старый мир, и он почувствовал бесконечную благодарность к тому

невыразимому и не совсем понятному, что пришло как раз вовремя и принесло ему новые силы и новую отвагу для дальнейшей лжи... Ибо она верила ему, верила без малейшей тени какого бы то ни было подозрения.

— Завтра, — сказал он, — ты напомнишь мне о бесконечном множестве самых разнообразных вещей, а теперь, уважаемая Мэри-Джозефина, извольте лечь в постель.

Она снова взглянула на его шрам.

— А я в продолжение всех истекших лет не имела об этом никакого представления! — сказала она. — Я ничего не знала. Они все уверяли меня, что ты умер, но я прекрасно знала и чувствовала, что это — отчаянная ложь. И только полковник Реппингтон...

Она увидела что-то в его лице, что заставило ее замолчать на минутку.

— Дерри, ты не припоминаешь?

— Надеюсь, что завтра я все вспомню, но сегодня я не способен на это, я не способен вообще о чем-либо думать сейчас. Завтра... Вот завтра...

Она подняла головку и быстро поцеловала ожог, произведенный раскаленным дулом револьвера.

— Да, да, Дерри, это правда! Нам надо теперь лечь спать! — закричала она. — Ты теперь ни о чем не должен думать. Сегодня мы говорили только обо мне, а завтра мы спокойно все припомним и все обсудим. Теперь можешь уложить меня спать, если хочешь. А помнишь ли?..

Она спохватилась, закусил губу и проглотила слово, которое готово было сорваться.

— Ну, в чем дело? — спросил он. — Скажи мне, не бойся. Что надо мне еще припомнить?

— Ты помнишь, как ты всегда приходил ко мне совсем-совсем поздно, Дерри? И как мы долго-долго шептались в ночной тишине? И как, наконец, ты уходил, поцеловав меня и пожелав спокойной ночи? Я хорошо засыпала только после твоего поцелуя.

Он утвердительно кивнул головой.

— Да, да, девочка, я все помню! — сказал он.

Он повел ее в маленькую, скромно обставленную комнату, принес два старых изношенных дорожных мешка и зажег свет. Это была чисто мужская спальня, но Мэри минуту глядела на нее с нескрываемым восторгом.

— Это как дома, Дерри... — прошептала она. — Я чувствую себя совсем как дома.

Он не считал нужным тут же на месте объяснить ей, что он «снимает» этот дом и сегодня проводит в нем первую ночь. Все эти второстепенные и не столь важные детали можно было оставить и на завтра. Он показал Мэри ванну и всю водопроводную систему и после этого объяснил Валли, что его сестра будет ночевать здесь, а поэтому он лично хочет устроиться в другом месте. Он не изменил себе до конца, зная, что ему надлежит делать, и сделал это по всем правилам. Он поцеловал Мэри-Джозефину на ночь. Даже два раза поцеловал. И Мэри-Джозефина в свою очередь поцеловала его и подарила ему такое объятие, какого никогда до этой ночи он не знал. Это объятие зажгло в нем всю кровь, которая забурлила и заплясала в нем, словно у пьяного...

Он погасил свет и около часа сидел подле умирающего огня в печке. Впервые с тех пор, как он вернулся от Мириам Киркстон, он получил возможность остаться наедине с самим собой и подумать. И мысли его теперь были холодные и ясные, бесстрастные. Он увидел ложь свою во всем ее голом, неприкрашенном виде, но, однако, нисколько не жалел о том, что прибегнул к ней. Он спас Коннистона. Он спас самого себя. И он спас еще сестру Коннистона — девушку, которую хотел полюбить, за которую хотел бороться, для которой хотел выйти победителем из тяжкого боя. В свою ложь он вложил все сердце, всю душу, все свое мужество. Рассказав правду, он, во-первых, казнил бы самого себя, выдал бы с головой мертвого англичанина, который подарил ему имя и все добро свое, и жестоко, безжалостно огорчил бы молодую девушку, для

которой солнце все еще сияло в небе.

Нет, никакого сожаления он не чувствовал! Не чувствовал и стыда. Им владела теперь только одна мысль, обуревало только одно желание: бороться! Он видел впереди себя только борьбу, которую желал вести так, как ее вел бы сам Коннистон. Им снова завладела та вдохновенная мысль, которая захватила его в тот миг, когда он стоял лицом к грозе и прислушивался к голосам, доносившимся к нему с западных гор. Да, он дойдет до того места, где речка берет свое начало, и выполнит все планы, намеченные до того, как Мак-Довель рассказал ему о Смите и Мириам Киркстон... Но теперь он пойдет не один — с ним пойдет Мэри-Джозефина!

Ровно в полночь он поднялся с огромного кресла и пошел к себе.

Дверь была закрыта. Он открыл ее и вошел. И почти одновременно рука его рванулась к стене, на которой висело оружие, и ноздри его уловили запах, которому, казалось, тут не было места. Запах этот наполнял комнату точно так же, как он недавно наполнял всю приемную в доме Киркстонов, и являлся таинственным ароматом какой-то сигареты. Он стлался в воздухе как тяжелый, удушливый фимиам.

Кейт зажег свет, пристально и тщательно оглядел всю комнату и вполне приготовился к тому, чтобы обнаружить присутствие Смита.

Но комната была пуста.

Кейт направил взор свой к двум окнам. На одном штора была спущена, а на другом поднята, причем само окно было приподнято на два-три дюйма от подоконника. Кейт схватил револьвер и подошел ко второму окну. После этого он вернулся к столу, на котором находилась лампа, трубки, табак и журналы Брэди.

Он тотчас же увидел в пепельнице окурочек недавно притушенной сигареты. Смит явился сюда тайно, но не сделал ни малейшего усилия для того, чтобы скрыть следы своего пребывания.

Кейт открыл на столе еще кое-что, чего раньше там не было. Это была узенькая прямоугольная деревянная шкатулочка, не шире половины его ладони. Он вспомнил, что нервные пальцы Мириам Киркстон играли с такой же точно шкатулкой, когда он был у нее. С первого же взгляда можно было установить полное сходство. Обе шкатулочки были покрыты искуснейшей резьбой, а дерево было отполировано и натерто так, что отливало всеми нюансами драгоценного черного дерева.

На одну минуту Кейту почудилось, что это была та же коробочка, которую он давеча видел в руках Мириам. Она послала ему этот подарок, а Смит просто выполнил роль курьера. Эта абсурдная мысль крепко держалась в его голове до тех пор, пока он не заметил на крышке шкатулки узенькую белую карточку, на наружной стороне которой ничего не было написано. На другой стороне почерком, столь же искусным, как и резьба на дереве, были нанизаны следующие слова:

«С приветом от Смита».

Кейт мгновенно раскрыл ящик и увидел внутри его тщательно сложенный листок бумаги, на котором имелась лишь одна писаная строка. У него застыло сердце и остановилась кровь в жилах, когда он прочел послание судьбы в следующих восьми словах, начертанных Смитом:

«Что случилось с Дервентом Коннистоном? Вы убили его?»

Пораженный неожиданным ударом, который на несколько секунд парализовал все нервы его тела, Кейт неподвижно стоял с клочком белой бумаги в руках.

Он был опознан!

Это была единственная мысль, которая тяжелым молотом колотилась в его мозгу.

Он был опознан в тот самый час, когда, казалось, достиг вершины успеха, в час, когда мир раскрыл пред ним все свои двери, суля радость и надежду, и когда жизнь после нескольких лет адского существования вновь предстала перед ним во всей своей красе.

Если бы этот удар был нанесен на несколько часов раньше, Кейт реагировал бы на него совершенно иначе. Тогда он ждал его и мог бы встретить во всеоружии. Он ждал удара в тот момент, когда входил в канцелярию Мак-Довеля. Был готов к нему и несколько позже. Неудача, проигрыш, раскрытие его тайны и смерть были вполне возможным результатом той отчаянной игры, которую он затеял, и он не боялся этого потому, что в самом крайнем случае рисковал только собственной жизнью, которой, в конце концов, он не так уж дорожил.

Но теперь все обстояло совершенно иначе.

Мэри-Джозефина явилась к нему словно редкостный и гениальный алхимик, который обладает чудодейственной силой превращать свинец в золото. В продолжение нескольких минут она совершенно изменила тот мир, в котором он жил до сих пор, и залила все вокруг волнами великой любви и еще более великого желания.

Прошло столько времени, а он все еще чувствовал на губах своих ее поцелуи, а на шее след ее крепкого объятия... Очень может быть, что она еще не спит! Может быть, она сидит по ту сторону двери и думает... думает о нем, точно так же, как он думает о ней, с огромной любовью! Может быть, она стоит теперь на коленях и в тот момент, как он держит в руках таинственное предостережение Смита, молится за него!

Первым импульсом, властно заговорившим в нем, было — бежать, бежать немедленно и тем спасти свою жизнь. Он сможет бежать! Ночь проглотит его совершенно незаметно для других. Но уже в следующую минуту он назвал себя подлым изменником по отношению к Мэри. Его возбужденные нервы начали мало-помалу успокаиваться.

Во-первых: чего ради Смит счел нужным сделать подобное предостережение?

Почему не отправился непосредственно к инспектору Мак-Довелю и не раскрыл ему того очевидного факта, что человек, выдающий себя за Дервента Коннистона, на самом деле не Дервент Коннистон, а Джон Кейт, убийца отца Мириам Киркстон?

Этот вопрос снова взбудоражил все его нервы. Он еще и еще раз прочел записку. Это было определенное утверждение и ни в коем случае не предположение. Смит не выстрелил на авось, на всякий случай. Он знал, что делает, на что идет, он был уверен, что обращается не к Дервенту Коннистону, а к Джону Кейту. И почти не сомневался в том, что Джон Кейт убил англичанина с единственной целью завладеть его бумагами.

И при всем том он не направился к Мак-Довелю!

Глаза Кейта снова обратились к белой карточке.

«С приветом от Смита».

Что должны обозначать эти загадочные слова? Ведь несомненно следующее: написав свое приветствие, Смит хотел предостеречь его и дать ему полную возможность спастись, пока не поздно.

Его первая тревога несколько улеглась. Чем дальше он разглядывал белую бумажку, которую держал в руке, тем более убеждался в том, что Смит меньше всего думает разыгрывать

мелодраму, а действует на основании личных мотивов. Смит вел свою собственную игру, и если избрал столь странный способ предупреждения, так сделал это только потому, что сложившиеся условия требовали таких мер, а не иных. Ясно было еще и то, что Смит всячески остерегается непосредственного участия в этом деле, личной ответственности. Таково, по крайней мере, было впечатление Кейта.

Он повернулся к окну, желая тщательнее прежнего осмотреть его. Не было никакого сомнения, что китаец пришел этим путем. На подоконнике, равно как и на шторе, хранились следы грязи; большое грязное пятно было и на полу. Впервые, быть может, в жизни безупречный Смит не обратил внимания на свои ноги. Кейт легко обнаружил то место возле двери, ведущей в большую комнату, на котором Смит стоял и прислушивался к разговору Мэри-Джозефины и Мак-Довеля, дожидавшихся возвращения мнимого Дервента Коннистона.

Совершенно неожиданно для самого себя Кейт впился взором в среднюю филенку двери. Стены комнаты были выкрашены белой краской, а дверь — желтоватой, под слоновою кость. И на филенке резко выделялась отметка, сделанная свинцовым карандашом: «10 час. 45 мин. веч.» Смит таким образом отметил время своего ухода.

Изумление Кейта нашло выход в тихом восклицании. Он взглянул на часы: четверть первого! Он вернулся домой раньше десяти часов вечера, и проницательный Смит таким таинственным образом давал ему знать, что в продолжение трех четвертей часа (с лишним даже) он стоял у двери и прислушивался к его разговору с Мэри-Джозефиной и в замочную скважину следил за всеми их действиями...

Кейт подумал было о том, что в этом деле замешан маленький Валли, но он не надолго остановился на этом предположении и, к большому своему изумлению, поймал себя на том, что почти спокойно реагировал на откровенное признание Смита в подслушивании и подглядывании. Комната, в которой он сейчас находился, раскрывала ему странную, загадочную, замысловатую повесть, и он прислушивался к ней с нарастающим интересом, прекрасно понимая, что все свои знаки Смит оставил не из бравады, а с определенным, сознательным намерением.

Кейт всегда очень остро и четко откликался на всевозможные психологические явления и в большинстве случаев без труда раскрывал их истинную сущность. Точно так же, как уверенность в духовной близости Дервента Коннистона заставила его недавно лгать Мэри, и теперь какое-то чувство подсказывало ему, что комната может и должна поведать многое, что имеет решающее значение для его жизни.

Для разъяснения создавшегося положения Кейт решил прибегнуть к старому испытанному способу, основанному на дедукции. Он сел, снова зажег свою трубку и постарался всеми мыслями сосредоточиться на Смите, отделив от него то, что имело какое-либо касательство к этой комнате и к событиям истекшего вечера.

Анализируя этого человека, Кейт принял во внимание четыре фактора чисто эмоционального свойства: страх, сомнение, ненависть и личную вражду. Он снова удивился, установив довольно странный и, во всяком случае, неожиданный ход своих мыслей. В первый же миг, как он увидел Смита у Мак-Довеля, он почувствовал в нем главного врага своей свободы, самого яростного своего противника, самую страшную угрозу своей жизни. Теперь же он чувствовал, что Смит не питает к нему ни личной вражды, ни ненависти. Таким образом, оставались страх и сомнение, но страх носил безличный характер, а сомнение неизбежно в тех случаях, когда человек следит за ловким противником, с которым затеял очень ответственную игру.

Его отношение к Смитам как-то сразу и радикально изменилось. Он почти видел, как его мысль бежит рядом, бок о бок, с мыслью Смита, причем берет такие препятствия, на которые

никогда раньше не отважилась бы. И тут-то он нашел ключ, который он так тщательно искал.

Он понял, что его первый импульс при встрече со Смитом был абсолютно неправильным. Понял он и то, что Смит вовсе не предлагает ему искать спасения в бегстве. Он, так сказать, авансом поверил в то, что Кейт окажется более дальновидным. Очевидно, наибольшее и наисильнейшее желание его заключалось в следующем: довести до сведения Джона Кейта, что не только он, Джон Кейт, затеял крупную игру, выбросив такую козырную карту, как Дервент Коннистон, но и что он сам, Смит, играет на того же подставного англичанина и все свои надежды строит на том, удачно или неудачно кончится эта азартная партия.

Для того, чтобы вразумить Кейта, он прежде всего довел до его сведения, что обман им лично раскрыт: он прекрасно знает, что имеет дело с Джоном Кейтом, а не Дервентом Коннистоном. Точно так же он дал понять, что верит в возможность убийства англичанина: при создавшихся обстоятельствах иначе, пожалуй, нельзя было поступить, и это было почти логично. При всем том он изложил свои подозрения не в форме запугивания. Напротив, оставив свою карточку, он как бы выразил вежливое сочувствие. Отметка карандашом на филенке двери имела лишь одну цель: сделать корректный и чуть ли не дружеский намек. Он хотел уведомить Кейта, что вполне входит в его очень тяжелое положение и не скрывает того, что слышал, а частью и видел сцену, разыгранную им и Мэри-Джозефиной. Слегка раскрытое окно, грязь и вода на подоконнике, шторах и полу, окурки сигарет в пепельнице — все это должно было привлечь внимание Кейта к шкатулке на столе.

Поняв все это, Кейт не мог не проникнуться известным чувством уважения к китайцу. Ему оставалось теперь ответить самому себе на два вопроса: какую игру ведет Смит и чего ждет Смит от него лично?

Перед его мысленным взором тотчас же пронеслась Мириам Киркстон как вполне возможный мотив визита Смита. Он тут же вспомнил ее странный и неожиданный вопрос, который она задала вчера и в котором явно сквозило сомнение в смерти Джона Кейта.

Он пришел к Мириам в восемь часов вечера. Это, должно быть, случилось вскоре после его прихода. Девушка бросила мгновенный взгляд на лицо, мелькнувшее в окне, и Смит немедленно отправился в «хату» Брэди.

Медленно, но верно, как бы сами собой, распутывались сложные и перевившиеся нити всего того, что произошло за истекший вечер. Во всяком случае, хаос предположений и теорий рассеялся, и Кейт очутился лицом к лицу с основным фактом. Ясно было одно: если бы в большом доме на холме не было девушки по имени Мириам Киркстон, Смит незамедлительно отправился бы к Мак-Довелю, и он, Джон Кейт, в настоящий момент сидел бы в кандалах. В конце концов, инспектор поступил бы именно так, как он обязан был поступить.

Ясно было также следующее: Мириам Киркстон боролась за что-то, что было важнее ее собственной жизни. И мысль об этом «что-то» искривила лицо Кейта и напряжила его кулаки. Да, Смит торжествовал победу, но не окончательную! Часть плода победы была вне пределов досягаемости... Два человека — прекрасная Мириам Киркстон и страшный Смит — сцепились в последней, решительной схватке за обладание им, Кейтом, который должен был достаться победившей стороне. Каким образом и когда это должно было случиться, он не знал, но одна мысль не возбуждала в нем ни малейших сомнений: в надежде на козырную карту Смит подарил ему жизнь.

Завтра должно разъясниться многое!

А завтрашний день уже начал заниматься. Был час ночи, когда Джон Кейт снова взглянул на часы. Ровно двадцать часов назад он почувал запах ветчины, которым был пропитан Энди Дюгган, и приблизительно столько же прошло с того момента, как он вышел из маленькой парикмахерской на углу и задался вопросом: что даст ему первая встреча с Мак-Довелем?

Ему казалось совершенно невозможным и невероятным, что с минуты этой встречи прошло 15 часов! Но если в нем возникли по этому поводу сомнения, то достаточно было взглянуть на кровать для того, чтобы они испарились. Он увидел самую настоящую кровать, на которой не спал вот уже в продолжение нескольких лет.

Валли приготовил постель по всем правилам. Простыни манили своей белоснежной чистотой. Кейт увидел чудесное стеганое одеяло с бахромой, а также подушки, взбитые так замечательно, что они покрылись рядом волн, готовых, казалось, взвиться в воздух. Но если бы даже они улетучились на его глазах, то подобный редкостный феномен не произвел бы на него особого впечатления. После всего того, что случилось с ним за последние 15 часов, летучие подушки показались бы ему весьма ординарным явлением!

Но подушки, маня своими грудями, не улетучивались, продолжали оставаться на своих местах и просто говорили Кейту, что все вокруг него обстояло и обстоит самым естественным образом.

Во-первых, никуда он сегодня ночью не уйдет!

Во-вторых, нет никакого смысла в том, чтобы до утра оставаться в таком положении!

А раз так, почему бы ему не поспать?

В призыве кровати и подушек он уловил что-то личное, индивидуальное. Постель звала не кого-либо вообще, а именно его, Джона Кейта. И Джон Кейт дал должный ответ на этот призыв.

Он снова посмотрел на часы, которые показали половину второго ночи, наметил себе, что может спать только четыре часа, так как необходимо было подняться с зарей, и лег спать.

Превратность судьбы сделала из Джона Кейта прекрасный хронометр в человеческом образе. На второй год его исчезновения из мира он потерял часы. Первое время он ходил так, точно остался без руки или части мозга, или лучшего друга, который вчера жил, а сегодня неожиданно умер. И с этого периода вплоть до встречи с Коннистоном он был для себя собственным циферблатом и собственным будильником.

Кровать Брэди и подушка с грудями Цирцеи, на которых покоилась голова Кейта, нарушили годами установленный порядок. На следующее утро после посещения Смита Кейт проснулся лишь тогда, когда разыгравшееся солнце с нескрываемым любопытством заглянуло в восточные окна его комнаты. Дневное светило швыряло в его лицо весь свой жар, слепило глаза и грозно заявляло, что уже поздно.

Он решил, что, должно быть, уже восемь часов, и, взглянув на часы, которые лежали под подушкой, увидел, что ошибся на четверть часа.

Часы показывали четверть девятого.

Он быстро вскочил на ноги, и так же быстро мысль его охватила все события вчерашнего дня. Укладываясь спать, он раскрыл на ночь окна и теперь полной грудью вдыхал свежий, бодрящий воздух.

Он чувствовал себя готовым ко всему тому, что ждало его сегодня. Был готов к любой встрече со Смитом и Мак-Довелем. Но помимо этой чисто физической готовности, он испытывал какое-то сладостное чувство, предвкушение чего-то и искренне смутился, почувствовав, что его мысль остановилась на Мэри-Джозефине и что он желает увидеть ее как можно скорее.

Он задался вопросом, встала ли она, и тут же ответил себе, что вряд ли она уже поднялась с постели, несмотря на девятый час утра. Бедняжка, ведь она так устала с дороги, что вряд ли проснется до девяти!

Увидев себя в зеркале, висевшем по другую сторону стола, он стал улыбаться своему изображению, как вдруг услышал звуки двух голосов. Это настолько заинтересовало его, что он немедленно подошел к двери. Говорили вполголоса, он с трудом разобрал слова, но сердце его готово было вырваться из груди, когда он определил, что беседуют между собой Валли и Мэри-Джозефина.

Его самого позабавила та поспешность, с которой он стал одеваться. Это было совершенно новое, неведомое ощущение.

Валли приготовил все необходимое вплоть до губки и успел выгладить и почистить наиболее важные принадлежности коннистоновского гардероба. Трудно было сказать, когда он успел это сделать.

Одновременно с платьем Коннистона Валли принес из казарм небольшой сундучок, запертый на крепкий замок. Он был величиной с половину среднего чемодана, не походил на какую-либо определенную принадлежность и был стянут четырьмя медными поперечинами, причем все восемь углов его были закреплены таким же металлом. Кейт сразу заметил, что без ключа замок не откроется. Несколько повыше замочной скважины находилась медная табличка с надписью: «Дервент Коннистон».

По мере того как Кейт смотрел на сундучок, его волнение росло. В его распоряжении находилась вещь далеко не заурядного значения. Возможно, что в нем хранились большие сокровища. Она была немой и безличным стражем столь важных секретов, что от них, быть может, зависела его дальнейшая судьба, вся его жизнь.

Он вдруг отчетливо вспомнил слова Коннистона, как-то вскользь произнесенные в маленькой хижине на краю света: «Очень может быть, что среди моих вещей вы найдете кое-что, что принесет вам большую пользу и поможет ориентироваться...»

Только теперь Кейт понял истинное значение этих слов. Не намекал ли покойный именно на этот сундучок? Не заключает ли он разгадку тайны, которая воплотилась в образе Мэри-Джозефины?

Им начала овладевать уверенность, что дело обстоит именно так. Тогда он внимательнее прежнего пригляделся к замку и решил, что его можно будет открыть каким-нибудь слесарным инструментом, не прибегая к помощи специального ключа.

Он оделся и закончил туалет тем, что тщательно расчесал бороду. Он с отвращением смотрел на эту «волосатую трагедию», несмотря на то, что она придавала ему очень приличный и воинственный вид. Он с удовольствием тут же на месте избавился бы от нее. Хуже всего было то, что она старила его. К тому же она кое-где была рыжеватой. И, вероятно, страшно щекотала и кололась, когда...

Он ядовито усмехнулся и оборвал свою неприличную мысль.

При всем том он был доволен.

Он открыл дверь так тихо, что Мэри в первую минуту ничего не слышала и не видела. Склонившись над обеденным столом, она стояла к нему спиной. Ее тоненькую, маленькую фигуру облегалo какое-то мягкое платье, сильно измявшееся в дороге. Темные, гладкие волосы двумя переливающимися на свете жгутами лежали на ее затылке.

Кейт не мог совладать с собой и окинул взглядом всю девушку от блестящих жгутов на голове до маленьких высоких каблучков на полу.

У нее были прелестные маленькие ножки с очаровательными щиколотками! Долго он так стоял и смотрел на нее, пока наконец она не повернулась и не заметила его.

За прошедшую ночь она, казалось, сильно изменилась. Во-первых, она выглядела старше, и Кейт счел теперь просто неприличным, что он баюкал ее в громадном кресле, словно маленького ребенка. Было ли это в действительности?

Мэри рассеяла все его сомнения. С коротким счастливым криком она бросилась к нему, и Кейт снова нашел ее руку на своей шее, а ее очаровательные губки против своего рта. И губы эти просили поцелуя. Он колебался, быть может, одну десятую секунды, если только возможно колебаться столь малый срок, затем обвил руками ее шею и поцеловал ее. Он почувствовал, как по-вчерашнему она всем лицом прижалась к его груди и как ее мягкие нежные волосы защекотали его губы и щеки. Она поцеловала его второй раз без приглашения. И не успел кончиться этот поцелуй, как он поцеловал Мэри в третий раз.

Тогда она коснулась руками его лица, и он снова встретил ее взгляд, этот глубокий, тоскливый, вопрошающий взгляд, который скрывался за любовным мерцанием, — этот почти материнский, немой, понимающий взгляд, полный мольбы. Если бы Кейт знал, что за проступок свой он будет предан смертной казни, он все же сделал бы то, что он сделал сейчас: поцеловал ее в четвертый раз.

Если накануне Мэри-Джозефина уснула с какими-либо сомнениями относительно братских чувств Кейта, то теперь она окончательно, успокоилась.

Ее щеки пылали. Глаза сияли, и в непрерывном восторге она шептала:

— Да, Дерри, дорогой, это ты! Именно такой, каким ты всегда был!

Она схватила его за руку и потащила к столу. Валли просунул голову из кухоньки и улыбнулся, но Мэри многозначительной улыбкой отправила его на место. Кейт в мгновение ока дал себе полный отчет в том, что японец на время отвернулся от своих богов, так как нашел на земле более прекрасный объект для поклонения. Всего показательнее было то, что он не

обращался уже к Кейту за теми или иными инструкциями.

Мэри села напротив Кейта по ту сторону стола. Она рассказала ему с ясным смехом и со счастливым выражением в глазах про то, как солнце разбудило ее и как она помогала Валли готовить завтрак. Ее гладкий лоб покрылся маленькими морщинками, когда Кейт начал объяснять, что он лег вчера во втором часу ночи и вот почему так поздно встал. Ее возмущение привело Кейта в восторг. Она ругала его вплоть до того времени, когда Валли принес завтрак, и внутренне Кейт не мог не порадоваться тому, что судьба послала ему такое сокровище. Он испытывал даже своеобразное чувство собственника. Никто до сих пор подобным образом не ругал его. Но в том, как пробирала его Мэри, тоже чувствовались известные нотки хозяина, и Кейт спрашивал самого себя: не сделала ли его радость таким же глупым и смешным, как Валли?

Все его планы куда-то провалились. Он решил было разыгрывать полуидиота, который лишился памяти вследствие перенесенных испытаний, но в продолжение всего завтрака он говорил и вел себя как абсолютно нормальный человек. Мэри заметила, конечно, эту резкую перемену со вчерашнего дня, и неподдельное счастье светилось в ее глазах. Но в то же время Кейт обратил внимание на то, что девушка все время держится настороже и всячески старается не произнести ничего такого, что могло бы снова бросить на их разговор тень недоразумения. И она начала свою игру, но она вела ее так прекрасно и любовно, что Кейт с трудом подавил желание подбежать к ней, броситься к ее ногам, погрузить голову в складки ее платья и чистосердечно рассказать всю правду.

Как раз в тот момент, когда соблазнительная мысль достигла наибольшей силы, она пристальнее прежнего заглянула в его глаза, и он снова увидел крохотные морщинки на ее лбу. Она уловила взгляд загнанного зверя, увидела обнаженную душу человека, доблестно боровшегося с самим собой и подавлявшего в себе желание, сущность которого она никак и никогда не могла узнать. Как-то невольно она снова подумала о его шраме над глазом, на том самом месте, где начинались волосы. Моментально его взгляд нашел отклик в ее сердце. И он почувствовал это, увидел это, воспринял это до самых потайных глубин своей души, и в то же время в нем возмутилась, гордо восстала вера в самого себя. Она верила ему абсолютно, а он... он оказался лгуном. Да, но так надо было! И так он будет продолжать!

— ...он вызвал меня к телефону, и, когда я сказала ему, что все обстоит совершенно благополучно и что ты еще спишь, мне показалось, что он выругался. Я не слышала его слов, но голос звучал довольно грозно и, так сказать, ругательно! А затем он заревел сильнее прежнего, приказал мне разбудить тебя и передать, что ты абсолютно не достоин такой прелестной сестренки, как я! Как ты находишь: это очень мило с его стороны?

— Ты, собственно о ком говоришь? О Мак-Довеле?

— Будь уверен, что я говорю именно о нем, о мистере Мак-Довеле! И когда я сказала ему, что твоя рана причиняет тебе на сей раз больше страданий, чем обычно, и что я рада твоему долгому и крепкому сну, мне показалось, что он очень смутился. Знаешь, Дерри, он страшно много думает о тебе. Он спросил меня, о какой ране я говорю, и я, конечно, сказала ему про твой шрам. Что он, собственно говоря, думал? Разве, Дерри, у тебя есть еще одна рана?

Кейт решил, очевидно, последовать примеру Мак-Довеля и тоже смутился.

— Не будем говорить об этом, — поспешно заявил он, — видишь ли, Мэри-Джозефина, я приготовил тебе замечательный сюрприз, но расскажу о нем при условии, что это не подействует на твой аппетит. Минувшая ночь была первой за три года, что я спал на настоящей, всамделишной постели.

И вслед за этим, не дожидаясь ее расспросов, он стал рассказывать ей эпическую историю Джона Кейта. Она сидела против него, широко раскрыв свои необыкновенно красивые серые

глаза, смотрела на него с возрастающим возбуждением и внутренне удивлялась тому, при каких чудесных условиях состоялось их свидание после нескольких лет разлуки. А он рассказывал ей так, как не рассказывал ни Мак-Довелю, ни Мириам Киркстон...

Он совершенно забыл про свой завтрак, и лицо Валли, бросившего мгновенный взгляд на стол, выразило страшнейшее разочарование при виде остывших гренок и кофе. Мэри-Джозефина подалась вперед и слегка облокотилась на стол. За все время она ни разу не перебила рассказчика. Никогда Кейт не мог представить себе, что его рассказ может вызвать такой трепетный свет, какой он увидел в глазах девушки.

Когда он повествовал ей про невероятные северные бури, про безумную колдовскую силу долгих черных ночей, про нестерпимый голод и холод, про бегство и преследование и беспощадную борьбу, окончившуюся арестом Джона Кейта; когда в слова свои он вкладывал ту самую жизнь, которая нервно пульсировала в его собственном сердце, он видел, как моментами эти прекрасные серые глаза застывали от ужаса, или пылали горячей симпатией, или мягко, лучисто светились любовью и гордостью.

И все эти чувства она отдавала ему. Ему казалось, что вместе с ним, рядом с ним, около него она присутствует в маленькой хижине, затерявшейся в огромном Баррене.

Когда же он дошел до последнего периода своей эпопеи и рассказал про дни и ночи, полные безнадежного отчаяния, про мучительный непрерывный кашель, надвигающуюся смерть, чисто братскую дружбу, соединившую под конец того, кто охотился, с тем, на кого охотились, — он понял, он почувствовал, что его слова дошли до дна ее души и что она все поняла и что мысленно вместе с ними обоими пережила страшные, незабвенные часы и дни на Дальнем Севере. И в ее таинственно-прекрасных серых глазах он прочел столько глубокой, страстной и неизмеримой нежности, что начиная с этого момента глаза ее он полюбил больше всего на свете...

— И из этого ада ты вернулся в тот же самый день, что я приехала сюда? — произнесла она тихо. — Ах, Господи, из такого ада!

Он вдруг вспомнил про свою роль.

— Да, целых три года я провел в таких условиях! Если бы я мог так ясно... хоть вполовину меньше... припомнить все события, которые случились до этого... — И он поднял руку и прикоснулся к шраму.

— Ты должен вспомнить, — быстро произнесла она, — во что бы то ни стало должен все припомнить. Я очень прошу тебя об этом, Дерри, дорогой мой.

Валли снова просунул голову и, бросив взгляд, полный обожания, на Мэри-Джозефину, доложил, что у него имеются горячие гренок и кофе, которые он может подать по первому требованию.

Кейт как-то сразу почувствовал облегчение, и, уплетая ветчину и яйца, художественно поджаренные маленьким японцем, он рассказал Мэри о некоторых замечательных меню, которые подносил ему угрюмый и малогостеприимный Север.

Он находил, что котиковое мясо не лишено приятного вкуса, но страшно скоро приедается, и только эскимосы могут есть его когда и сколько угодно. Очень питателен полярный медведь, но жилист и почти не прожаривается. Недурно китовое мясо, в особенности некоторые части хвоста. Но он лично за отсутствием топлива очень редко пользовался этими лакомствами. Эскимосы питают страсть к птичьим яйцам, которые они собирают летом целыми тоннами, дают им насквозь прогнить осенью, а зимой едят в мороженом виде, как кусочки льда. В продолжение трехнедельной голодовки он питался такими же тухлыми яйцами, причем сосал их в сыром виде точно так же, как иной человек сосет твердую, как камень, конфету.

Лоб Мэри-Джозефины снова покрылся морщинками, когда она слушала эти детали, но он

тотчас же прояснился, как только Кейт начал самым юмористическим образом описывать ей чудесное состояние человека, питающегося исключительно свежим воздухом. Он добавил, что люди, умеющие хорошо голодать, умеют также хорошо и покушать. В виде примера он указал на крайне обжорливых эскимосов, которые во время национальных праздников наедаются так, что не в состоянии уже ни стоять, ни сидеть, но продолжают все же есть. Они ложатся на спину, и женщины кормят их маленькими кусочками мяса, которые в конце концов застревают в их горле, как зерно в зобу у птицы.

В общем, завтрак прошел на славу. Покончив с ним, Кейт почувствовал себя так, точно совершил большое дело. Но прежде чем подняться из-за стола, он поразил Мэри тем, что приказал Валли принести долото и молоток из кладовой Брэди.

— Видишь ли, девочка, — объяснил он ей, — я потерял ключ от моего сундука, и мне придется теперь сломать замок.

— После того как ты рассказал мне о мороженных яйцах, я была уверена, что ты закусишь после завтрака холодным железом! — заявила она.

Она взяла его под руку, и они вместе отправились в большую комнату. Слегка приподняв головку, она прижалась к плечу Кейта, и его губы поневоле зарылись в шелковистую нежную ткань ее волос. Она начала строить всевозможные планы, причем каждый план в отдельности она отмечала, загибая пальцы.

Если у него имеются какие-нибудь дела в городе, она отправится вместе с ним. Она готова сопровождать его повсюду, куда только он ни пойдет, — в этом отношении он может быть совершенно спокоен и уверен!

Тут она вскользь упомянула о своем сундуке, прибывшем в то время, когда он еще спал, и уверила, что она будет готова к тому моменту, когда он покончит со своим замком.

У нее имеется очень миленькое синее платье, так что ему не придется краснеть за нее. А как быть с волосами, можно их оставить в таком виде? Удобно ли будет в присутствии его приятелей? Ведь она причесалась на скорую руку, а если того...

— У тебя прекрасная, очаровательная прическа! — воскликнул он.

Она зарделась под его пристальным взглядом, но тотчас же поднесла палец к кончику его носа и рассмеялась.

— Ну, знаешь, Дэрри, если бы я не знала, что ты мой брат, я подумала бы, что ты влюблен в меня! Ты сказал это с таким выражением... Тебе действительно нравится моя прическа?

Он вдруг почувствовал острую боль.

— Да, мне действительно нравится твоя прическа. Она прелестна, как все в тебе, Мэри-Джозефина... как каждая мелочь в тебе.

Она поднялась на цыпочки и теплым, сладким поцелуем коснулась его губ. А затем убежала от него, вся сверкая весельем и смехом. На пороге она остановилась, крикнула:

— Торопись, торопись, или я здорово поколочу тебя! — И исчезла.

Очувтившись в своей комнате, закрыв за собой дверь и заперев ее на ключ, Кейт снова почувствовал странную тупую боль, от которой у него защемило сердце и тяжело стало дышать. «Если бы я не знала, что ты мой брат...»

Эти слова горели в его мозгу, горели и колотились и рвали на части его сердце, смеялись, издевались и торжествовали мрачную победу точно так же, как в последние годы над ним издевались и измывались дьявольские неумные ветры, которые доводили его до такого кошмарного состояния, что он выбегал из хижины и бросался в ледяные объятия непроглядно-черной ночи и свирепой бури.

Ее брат!

Он так стиснул кулаки, что ногти впились в тело. Нет, об этой стороне борьбы он никогда не помышлял! С этого фланга он был совершенно беззащитен, а между тем главный удар готовился отсюда. Если он проиграет в первой фазе боя, который еще только-только начинается, он заплатит жизнью. Закон неумолим, и его повесят! Если же он выиграет, она будет его сестрой, и только сестрой, на всю жизнь! Ничего другого он не может ждать от нее.

Его сестра!

Нет, желая оставаться правдивым и честным хотя бы с самим собой, он должен был признать, что не как брат он восторгается золотым мерцанием ее волос, сиянием ее глаз и лица и чудесной мягкостью, разлитой во всем ее маленьком, прекрасном теле, — не как брат, а как влюбленный! Безжалостная судьба снова обратилась против него и смешала все карты. Он был Дервент Коннистон, а Мэри-Джозефина — его сестра!

Кейт внезапно почувствовал бессмысленную ярость к тому, что принято называть судьбой. Он понимал, сознавал, чувствовал, что все происходящее с ним нечестно и неправильно, что игра ведется не так, как надо, что жизнь мошенничает и разрешает себе самые гнусные вольности, и, стиснув зубы и сжав кулаки, он гневно воззвал к Богу, требуя правильного и честного боя. Он ничего другого не требует — только честного боя! Он — мужчина и хочет бороться за свою жизнь, за свое счастье, как полагается мужчине! Если бы была хоть маленькая надежда впереди, хоть просвет такой надежды!

Но в такие моменты возмущения и надежда казалась ему чудовищной ложью. Горечь его была так сильна и остра, что он опьянился ею и стал кощунствовать... Какой бы путь он ни избрал, как бы честно и упрямо он ни боролся, все равно у него не оставалось никаких шансов на выигрыш. Начиная со дня убийства Киркстона судьба посылала ему плохие карты — одну хуже другой. Такие же она посылает ему теперь и будет посылать до конца его существования на земле.

Когда-то он верил в этическое начало вещей и явлений на свете и не сомневался, что безличное нечто, более могучее, чем самый могучий человек, принимает незаметное, но благотворное участие в его борьбе за жизнь.

Теперь же от этой веры ничего не осталось! Вместо нее он чувствовал только импульс разъяренного, взбесившегося зверя, дико топчущего все то, что попадает ему на пути. Теперь пришла ложь, пришло презрение ко всему тому, что некогда казалось прекрасным и высоким.

Нет, он никоим образом не мог выиграть! Как бы он ни играл, какой бы путь борьбы ни избрал, он должен проиграть! Ибо он был Коннистоном, а она была Мэри-Джозефиной Коннистон, его родной сестрой... И так должно было продолжаться до конца дней его...

Сквозь закрытую дверь к нему слабо донесся голос поющей девушки, и тогда со стремительностью туго натянутой и отпущенной пружины к нему вернулось осознание своего

собственного «я». Его кулаки разжались, напряженные мускулы лица приняли свой обычный вид, и так как Господь Бог, к которому он только что дерзко взывал, наградил его непоколебимым чувством юмора, он несколько иначе посмотрел на вещи, казавшиеся ему дьявольски страшными несколько минут тому назад.

Он даже усмехнулся и вспомнил улыбающееся лицо Дервента Коннистона, одержавшего в последнюю минуту свою лучшую победу над жизнью. Смерть уже занесла над ним руку, а он усмехнулся и нашел в себе силы сказать следующее: «Это странно, дружище, дьявольски странно, и вместе с тем забавно».

Да, конечно, все это очень забавно! Человек, имеющий возможность прямо и здраво взглянуть на создавшееся положение вещей, может позабавиться. Как-то незаметно Кейт вернулся к своей исходной точке зрения. Это была самая грубая и ужасная шутка, которую когда-либо сыграла с ним жизнь!

Его сестра!

Вдруг послышался стук в дверь. Стучала Мэри.

— Дервент Коннистон! — холодно доложила она. — Там какая-то особа женского пола спрашивает вас по телефону. Что прикажете ответить ей?

— Гм... гм... Скажи ей, что... ты моя сестра, что ты Мэри-Джозефина... Это, вероятно, мисс Киркстон. Будь любезна передать ей, что я никак не могу подойти к телефону, что ты хочешь познакомиться с ней... и что вообще на днях увидимся.

— Ах вот как!

— Послушай, Мэри... видишь ли, эта мисс Киркстон...

Но Мэри-Джозефина уже хлопнула дверью и убежала.

Кейт усмехнулся.

К нему вернулся его обычный безграничный и неукротимый оптимизм. Так или иначе, он был страшно рад тому, что девушка находится здесь, рядом с ним, что она любит его, принадлежит ему, что ее дальнейшая судьба во многом зависит только от него. Кто знает, что еще может случиться?

Вооружившись долотом и молотком, он направился к сундучку. Работа была настолько нелегкая, что у него буквально онемели руки, когда он сбил наконец третий замок. После этого он придвинул сундук поближе к свету и открыл его.

В первую минуту он был страшно разочарован. Он даже не мог понять, почему Коннистон так тщательно запер эту рухлядь. Сундук был почти пуст, настолько пуст, что Кейт видел его дно. Первая вещь, бросившаяся ему в глаза, была явно и определенно оскорбительна для его ожиданий: это был старый чулок с огромной дырой на пятке. Под чулком лежала небольшая меховая шапка того типа, что носят к северу от Монрила. Тут же находились собачий ошейник с цепью, старого образца револьвер, огромный кольт и по меньшей мере сто пуль самого разнообразного калибра. На дне притаились старые брюки для верховой езды, а под брюками пара сапог на резиновой подошве.

Ясно было, что все содержимое сундука подбиралось без плана и определенной цели. Какая-то глупая, никому не нужная коллекция! Даже большой кольт никуда не годился. «В крайнем случае, — подумал Кейт, — им можно было бы только оглушить муху на далеком расстоянии».

Он сердито перемешал долотом вещи и только в последнюю минуту увидел нечто, что раньше не бросилось ему в глаза: зарывшись во что-то похожее на спортивную рубашу, спряталась картонная коробка для сапог. Кейт нервно открыл коробку и увидел, что она доверху полна бумаг.

Он преисполнился надежд. Перенес коробку на стол Брэди и основательно уселся на стуле.

Прежде всего он занялся исследованием больших бумаг. Здесь было несколько заявок на золотоносные участки в Манитобе, с полдюжины топографических карт, набросанных от руки карандашом и имеющих отношение преимущественно к области Пис-Ривер, большое количество официальных писем из управления «Boards of Trade» с самыми подробными и красноречивыми проспектами и затем ряд вырезок из газет, наклеенных на один лист бумаги.

Пачку писем Кейт оставил под конец, решив раньше просмотреть газетные вырезки. Но едва только он прочел первый абзац из первой вырезки, как задрожал всем телом: до того был поражен и заинтригован.

Всего имелось шесть вырезок, и все они были сделаны из английских газет, причем носили сухой официальный характер. Все вырезки он прочел в три минуты.

Сущность их сводилась к тому, что Дервент Коннистон, принадлежавший к роду Коннистонов из Дарлингтона, обвинялся не больше и не меньше как в грабеже, причем к моменту печатания последнего донесения не был еще арестован и находился на свободе.

Кейт издал невольный крик недоверия. Он снова взглянул на вырезки, словно желая убедиться в том, что глаза не обманывают его. Нет, все было правильно: холодные, бесстрастные буквы говорили, что сообщения вполне соответствуют действительности.

Дервент Коннистон, этот исключительный человек, по которому Джон Кейт измерял качества и достоинства всех остальных, этот высший образец спокойствия, твердости, решительности и отваги, — простой грабитель! Это было до того абсурдно, что казалось глупым, даже не смешным фарсом! Если бы его обвиняли в убийстве, в выдающейся измене, в необыкновенном нарушении того или иного закона, в великом преступлении, на которое его толкнула столь же великая страсть или идея, он мог бы еще понять то, что произошло. Но самый обыкновенный, самый банальный грабеж, который не имеет ничего общего с настоящей авантюрой, — как странно!

Это было просто невозможно!

Кейт в третий раз прочел одну из вырезок, прочел вслух. И все-таки ничего не понял. Ясно было, что печатные строки лгут. Иначе быть не может! Дервент Коннистон был способен на то, чтобы убить дюжину человек, но никогда не пошел бы на взлом несгораемого шкафа. Сама мысль об этом была кошмарна...

Он принялся за письма.

Все они были помечены: Дарлингтон, Англия. Его пальцы дрожали, когда он открыл первое письмо. Это было именно то, на что он надеялся, чего он ждал. Письма были от Мэри-Джозефины. Он расположил их — всего девять писем! — по числам и отметил про себя, что девушка написала их на протяжении восьми лет таким образом, что каждый промежуток равнялся одиннадцати месяцам. Они были написаны таким четким почерком, что моментами казалось, что они напечатаны.

Когда он стал читать второе письмо вслед за первым, третье — вслед за вторым и так далее, он совершенно потерял представление о месте и времени и позабыл о том, что его ждет Мэри-Джозефина.

Вырезки из газет сообщили ему основное, а отдельные отрывки из писем — одна строка здесь, несколько строк там, то предложение, бросающее новый свет на все дело, то фраза, снова ввергающая в прежний хаос, — мало-помалу разрывали перед его мысленным взором пелену тайны, сомнения, неуверенности. Из отдельных кусочков, из почти незаметных, незначительных сегментиков, склеенных воедино, составлялось нечто целое, реальное, живое и до того понятное, что внезапно по всем жилам Кейта пронеслась могучая волна восторга и возбуждения.

Наконец он взял в руки последнее, девятое письмо. Оно было написано как будто другим

почерком, отличалось кратким содержанием, и снова кровь застыла в жилах Кейта, когда он читал его.

Не выпуская этого письма из рук, он встал из-за стола, и совершенно невольно, быть может даже бессознательно, с его уст сорвались слова Коннистона:

— «Это странно, дружище, дьявольски странно и вместе с тем забавно!»

Но ничего забавного не было в тоне, каким он произнес эти слова. Глаза его затуманились, а голос звучал резко и жестко. Он глядел назад, глядел в невыразимый, дьявольский мрак полярной пустыни, и ему казалось, что перед ним как живой стоит Дервент Коннистон.

И вдруг под влиянием властного импульса он схватил газетные вырезки, чиркнул спичкой и с угрюмой усмешкой следил за тем, как подоженная бумага свернулась, завилась и, наконец, превратилась в пепел.

Какая ложь — вся жизнь!

Какая уродливая вещь — человеческая «справедливость!»

Какое чудовищное изобретение — та ересь, которую люди сами выдумали, сами изготовили и назвали законом!

И снова и снова Кейт ловил себя на том, что он повторяет слова покойного англичанина.

«Это странно, дружище, дьявольски странно и вместе с тем забавно».

Ровно через четверть часа с Мэри-Джозефиной по правую руку он спускался по зеленому откосу, направляясь к Саскачевану. Там был безграничный лес, там лежала сверкающая на солнце долина, и широкая дорожка приглашала как можно дальше и глубже забраться в прерии.

Город оставался в стороне от них, и Кейт искренне радовался этому: быть как можно дальше от Смита, Мак-Довеля и Мириам Киркстон. Ему необходимо было сориентироваться в орбите новой мысли, к которой он еще не привык, которую еще не вполне усвоил себе.

Больше чем когда бы то ни было он хотел остаться наедине с Мэри-Джозефиной, почувствовать еще большую уверенность в ней и окончательно убедиться в том, что ради него она готова на все...

Он отчетливо сознавал всю близость и всю значительность надвигающейся драмы. Знал, что сегодня во что бы то ни стало должен повидаться со Смитом, снова подвергнуться обстрелу со стороны Мак-Довеля и что ему придется, как рыбе, попавшей в предательские воды, тщательно, старательно и умело обойти расставленные сети, готовые поймать и задушить...

Сегодня был настоящий день! Сцена была готова, занавес с минуты на минуту мог взвиться в воздух и пьеса должна была начаться.

Но пьесе предшествовал пролог, и этим прологом являлась Мэри-Джозефина.

На полпути к подножию холма они остановились, и во время этой краткой паузы Кейт стоял на расстоянии шага позади девушки; таким образом, она не видела его, и он мог свободно наблюдать за ней. Она стояла с непокрытой головой, и Кейт снова подумал о том, до чего прекрасны женские волосы, насколько прекраснее они всех остальных женских прелестей... Искусно закрученными, манящими жгутами лежали они на голове Мэри, а солнце, играя, превращало их то в темную медь, то в свежее золото. Ему хотелось протянуть вперед руки, погрузить пальцы в это дивное богатство и снова почувствовать, как кровь теплым, стремительным, бурливым потоком разливается по всему его телу.

А затем, подавшись немного вперед и наклонившись, он заглянул под ее ресницы и увидел, какая неизбывная трогательная радость теплится в ее глазах, жадно впитывающих изумительную панораму, раскинувшуюся там внизу, в западном направлении...

Дождь, выпавший ночью, освежил все вокруг. Солнце низвергало свои пламенные лучи, и аромат земли явно свидетельствовал, что в недрах ее пробудились тысячи жизней, которые неудержимо рвутся на поверхность. Даже Кейту казалось, что река никогда не выглядела столь прекрасной, как сейчас, и никогда до сих пор он не испытывал такого властного порыва спуститься к реке и идти вдоль ее берегов все дальше и дальше, до того места, где горы поднимаются так высоко, что встречаются с небом, до того места, где река берет свое начало.

Он слышал, как Мэри-Джозефина, радостно подавленная всем тем, что открылось ее взору, тихо и нежно произнесла:

— О, Дерри!

Его сердце до краев переполнилось радостью. Он понял, что она видит то же самое, что видят его собственные глаза. Она чувствует эту волшебную страну. Ее рука, ища его руку, коснулась ладонью ладони, и ее пальцы нежно прильнули к его пальцам. И он всем существом почувствовал дрожь чудесного откровения, которое пробежало по его телу. Во всей своей властной и пленительной красоте раскрылись пред ней безмерные пространства: леса, волнообразно убегающие до пурпурной мглы, объяввшей горизонт, золотой Саскачеван, в дремотном мерцании мирно и тихо катящий свои воды в ту великую таинственную страну, в которой скрывается на ночь солнце.

Мэри-Джозефина глядела на него широко раскрытыми глазами, а он говорил ей об этом волшебном крае, и говорил еще, что здесь только начинается красота стран, уходящих на запад и на север. Там дальше, за этим низким горизонтом, где кроны трех деревьев касаются неба, лежат поля, не те утомительные, монотонные поля, что она видела из окна вагона, но широкая, величественная, Богом благословенная северо-западная область с тысячами озер и речек и с десятками тысяч квадратных миль леса. А за всем этим еще дальше и еще глубже залегают холмы и плоскогорья, а за ними — горы, те самые горы, в лоне которых рождалась река.

Она быстро подняла голову, и глаза ее заполнились растопленными солнечными лучами.

— Но это чудесно! — воскликнула она. — И там находится город?

— Да, да... А за этим городом находятся и другие города... Это благословенная страна! — произнес он.

Мэри-Джозефина глубоко вздохнула.

— И в городах этих живут люди! — в наивной доверчивости снова вскричала она. — Я часто мечтала о подобных заповедных странах, но никогда не представляла их такими. И ты столько лет мечтаешь об этих местах, в то время как я... О, Дерри!

И снова эти последние два слова до краев переполнили радостью его сердце. Это были слова любовного упрека, перевитые дыханием и шепотом великого желания. Она неотрывно глядела теперь на запад, и в глазах ее, в сердце ее и душе был только запад, и вдруг Кейту показалось, что путь его осветился пламенем сильнейшего факела.

Он был близок к тому, чтобы совершенно забыть, что он — Коннистон. Он говорил ей о своей мечте, о своем желании и признался, что вчера вечером, незадолго до ее появления, окончательно решил уйти. Она пришла к нему как раз вовремя. Еще немного — и он ушел бы из этого мира и зарылся бы на всю жизнь один в неведомой горной стране.

А теперь они уйдут вместе! Уйдут именно так, как он наметил и распланировал, совершенно тихо и спокойно. Они просто исчезнут из города. Есть причина, по которой никто — даже Мак-Довель! — не должен догадаться об их проекте. Это их личная тайна. Когда-нибудь он подробно объяснит ей все. Его сердце восторженно забило, когда он с чисто мальчишеским увлечением стал развивать свои планы и рассказывать о том чудесном дне, когда они двинутся в путь. Он догадался о ее возбуждении по краске, выступившей на ее щеках, и по трепетному взору, который она не отрывала от него.

План свой они во что бы то ни стало должны привести в исполнение. Это может случиться завтра, послезавтра, несколько попозже, но случится обязательно! Более замечательного приключения и придумать нельзя! Они будут жить там, в этом горном раю, одни. вдали от всех...

— Мы будем хорошими товарищами! — воскликнул Кейт. — Нас будет только двое: я и Мэри-Джозефина. Мы нагоним все то, что упустили до сих пор.

Это была его первая попытка. Это был первый намек, первое заимствование из писем, которые он нашел и прочел сегодня утром. И при последних словах его глаза Мэри с молниеносной быстротой повернулись в его сторону.

Он кивнул головой и улыбнулся. Он мигом понял немой вопрос, застывший в ее глазах, но сразу ничего не ответил и только крепче сжал ее руку, когда они снова стали спускаться к подножию холма.

— Ночью, и сегодня утром в особенности, я вспомнил очень, очень много! — объяснил он. — Иногда удивительно, какие чудеса могут творить самые малые и незначительные вещи, не правда ли? Иногда малейшая песчинка может остановить ход огромных часов. Это тоже одна из малых вещей и причин! — И он с той же улыбкой коснулся шрама на лбу.

Он помолчал и добавил:

— А другой причиной, другим чудом была ты, Мэри-Джозефина! Теперь я начинаю все, все припоминать! Мне кажется, что все произошло не семь-восемь лет тому назад, а только вчера... Только вчера какая-то подлая песчинка остановила ход моей мозговой машины. Но, кроме того, мне думается, что тут действовала еще одна причина. Ты поймешь меня, когда я все подробно расскажу тебе.

Если бы он был настоящим Коннистоном, он не мог бы держаться более естественно и искренне. Он творил великую ложь. Но для него лично она уже не была ложью. Казалось бы, что стыд и совесть должны были вызвать известное колебание, но он нисколько не колебался. Он боролся теперь за то, чтобы из хаоса отчаяния вырвать нечто прекрасное, что имело все права на жизнь. Он боролся за то, чтобы жизнь победила смерть, чтобы свет рассек мрак. Он пытался спасти то, что все остальные люди хотели смести с лица земли. Вот почему великая ложь казалась ему уже не ложью, но безопасной безвестной вещью, мало того — спасительным средством, единственной возможностью спасти радость, счастье и все то, что способствует радости и счастью.

Эта ложь была теперь его единственным оружием. Без нее он был бы поражен, а поражение было равносильно полному отчаянию и смерти. Вот почему он говорил теперь так убедительно и горячо, ибо слова шли из глубины сердца, хотя и рождались во мраке обмана. Он внутренне поражался только тому, как абсолютно верит ему девушка, верит настолько, что сомнение ни на минуту не засветилось в ее глазах, не сорвалось с ее губ.

Он говорил ей о том, что сразу припомнил «чуть ли не все». А на самом деле все сведения он заимствовал из писем и газетных вырезок, найденных в сундучке Дервента Коннистона. Собственно говоря, вся эта история не казалась ему ни слишком необыкновенной, ни излишне драматической. За последние четыре года он видел столько трагических происшествий и случаев, что привык относиться к подобным вещам очень критически.

Это был просто несчастный случай, начавшийся с недоразумения и сопровождавшийся целым рядом неизбежных ударов и операций.

Да, в одном отношении поведение Дервента Коннистона было постыдно и не находило себе никакого оправдания. Он должен был сознаться, что девять-десять лет тому назад он не был на должной высоте как брат по отношению к сестренке, которая всегда обожала его... Когда-то, в дни совсем ранней молодости, он вел себя гораздо лучше. Коннистоны из Дарлингтона приходились ему родными дядей и тетей, и дядя был довольно заметной фигурой в кораблестроительных кругах. С этими родственниками они трое — Дервент, Мэри-Джозефина и их брат Эгберт — жили дружно, чего нельзя было сказать о препротивной, сварливой другой паре родственников, которые воспользовались своим правом старшинства в роде и нелепыми английскими законами и забрали у детей чуть ли не все их имущество. Вот чем объяснялись непрерывные недоразумения и ссоры между родственниками.

Когда Дервент подрос настолько, что разрешил себе зависеть только от самого себя, он порвал с родственниками. Все это Кейт узнал из писем, которые, однако, известную и значительную часть дела оставляли в полной тьме. Ясно было, что не совсем благополучно обстояло с Эгбертом, который был больным или калекой и лет на семь-восемь моложе Дервента. В письмах Мэри-Джозефина все время называла его «бедным Эгбертом», жалея его, вместо того чтобы осудить по заслугам. У Кейта не оставалось никакого сомнения, что причиной всех несчастий и вынужденной разлуки Дервента с Мэри был именно этот «бедный, несчастный брат». Однажды ночью «бедняжка» взломал сейф старого Коннистона, бежал, скрывался, а тем временем всю вину свалили на Дервента. Очевидно, Эгберт сознался во всем старшему брату, который счел тогда нужным бежать в Америку и тем спасти калеку. Перед отъездом он дал Мэри-Джозефине торжественное обещание, что рано или поздно возьмет ее к

себе. Дядя вдогонку послал ему клятву, что при первой же попытке вернуться на родину он засадит его в тюрьму. Вскоре после этого «бедный Эгберт» был найден мертвым в постели, причем перед смертью его скрючило самым жестоким образом. Кейт никак не мог установить, был ли Эгберт болен душевно или физически.

— Я только хотел было послать за тобой, — сказал он, когда они спустились вниз. — Мой план был вполне разработан и готов, как вдруг пришло это...

Он остановился, и в продолжение нескольких напряженных минут Мэри-Джозефина читала девятое и последнее письмо, которое он нашел в сундуке англичанина.

Это было письмо от дяди. В дюжине строк он сообщал о том, что Мэри умерла, и повторял свою угрозу предать племянника суду, как только тот посмеет вернуться в Англию.

Страшный крик сорвался с уст девушки.

— Вот что! Вот, значит, в чем дело!

— Да, это... Да еще мой шрам! — воскликнул Кейт, вспомнив про свою роль. — Эти две вещи случились почти что одновременно, и это они-то и забросили песчинку в механизм моего мозга!

Ему было невыносимо тяжело лгать, когда он глядел в ее внезапно побелевшее лицо и видел ее изумительные глаза, пронизывающие его душу до дна.

Казалось, что на одно короткое мгновение она потеряла способность слышать его голос и понимать смысл его слов.

— Теперь-то я понимаю, — произнесла она, скомкав письмо. — Понимаешь, Дерри, в продолжение почти целого года я была больна. Они думали, что я непременно умру. Вот, очевидно, тогда-то дядя и написал тебе, а все мои письма порвал. Когда же мне стало лучше, они заявили, что ты умер и что мне незачем больше писать тебе. Если бы ты только знал, как я в то время хотела умереть! А затем, так год спустя, ко мне явился полковник Реппингтон и дрожащим от волнения голосом высказал свое предположение о том, что ты жив. Какой-то друг его как раз явился из Британской Колумбии и рассказал ему, что года три назад во время облавы на медведя он повстречался с англичанином, которого звали Дервентом Коннистоном. Мы разослали около сотни писем и нашли этого человека, Джека Отто, который снова подтвердил, что встретился с тобой в горах, и тогда-то я окончательно поверила, что ты жив! Но так как мы все же не могли определить, где ты находишься, то я решила приехать сюда, что я и сделала, как ты видишь, и...

Он готов был поклясться, что она сейчас разрыдается, но она преодолела приступ слез и с улыбкой закончила:

— ...и нашла тебя!

Последние слова ее звучали торжественно и победно.

Она снова прильнула к нему, он крепко обнял ее, и они двинулись дальше.

Мэри-Джозефина стала рассказывать ему про то, как она прибыла в Галифакс, как полковник Реппингтон снабдил ее множеством рекомендательных писем к очень влиятельным лицам в Монреале и Виннипеге, как однажды она нашла его имя в «синих книгах» верховой полиции и после того стремительно понеслась в пост Принца Альберта, где и встретила с ним.

Когда она дошла до этого места, Кейт еще раз указал на запад и сказал:

— Вот где лежит наш новый мир! Нам надо как можно скорее позабыть старое! Удается нам это, Мэри-Джозефина?

— Да, удастся! — прошептала она, и рука ее, теплая и доверчивая, нашла его руку и крепко пожала ее.

Они шли в сиянии золотого утра, чувствуя влажную землю под своими ногами и вдыхая сладкий, бальзамический фимиам, источаемый многочисленными рошицами кедровых деревьев, — шли до тех пор, пока не спустились к реке и не увидели ее желтых песчаных берегов, залитых растопленным солнцем.

Город остался далеко за ними, скрытый от глаз. Ни единого звука городской жизни не доносилось сюда. И глядя на великий Саскачеван, на эту реку, подернутую дымкой таинственности, славных преданий и легендарных чар, они смотрели далеко вперед, видели за стенами леса, слившегося с рекой, широко раскрытую дверь, через которую могли пройти в заповедную страну.

Кейт протянул руку и указал Мэри на желтые песчаные «животы», выступившие из-под воды, на сверкающие вдали песчаные берега и рассказал ей, как часто люди, находившиеся на тысячу миль вниз по реке, находили несметные сокровища, снесенные вечно движущимися песками с тех горных вершин, куда они теперь рвались. Но ни единому человеку на свете не удалось до сей поры добраться до главной жилы, глубоко зарывшейся возле тех мест, где берет начало древний Саскачеван.

Кейт признался, что, подобно Энди Дюггану, он лелеет мечту когда-нибудь найти эту материнскую жилу. Отныне они станут искать ее вместе.

Они медленно продвигались вперед, пока не дошли до небольшой лесной лужайки, где когда-то стоял дом Кейтов. По мере того как они все ближе подходили к этому месту, сердце Кейта колотилось все чаще и возбужденнее. Он с трудом дошел.

Но лужайка уже не была так «чиста», как когда-то.

За истекшие четыре года народилась новая жизнь, новое поколение буйно пробилось сквозь землю на вольный воздух, и старые деревья были теперь окружены молодой ратью кустов и побегов. Мэри увидела дом за несколько ярдов, вдруг остановилась и издала невольный короткий крик.

То, что она увидела, не носило следов ни невнимания, ни пренебрежения. Настоящая и глубокая трагедия открылась ее взору. В единый миг ей стало ясно, что жизнь ушла из этого дома, который, тем не менее, производил еще некоторое впечатление жилого помещения. Это было большое деревянное здание с высокой красной трубой на одном конце. Портьеры и занавески все еще висели на окнах. На широкой веранде, выходящей на реку, стояло три кресла. Но два окна были окончательно сломаны, а кресла находились в самом ужасном состоянии.

Жизнь давно покинула эти места...

Быстрый взгляд, брошенный на Кейта, объяснил девушке все. Он плотно сжал губы. Странное выражение застыло в его глазах. Держась за руки, они подошли совсем близко к дому, причем по мере приближения пальцы Мэри все крепче обвивали пальцы ее мнимого брата.,

— Что это такое? — наконец спросила она.

— Это — дом Джона Кейта, оставленный им ровно четыре года назад! — ответил он.

Подозрительный хрип в его горле заставил девушку перевести взор с дома на спутника. Она ясно видела, что он отчаянно борется с самим собой. Хрип в его горле повторился несколько раз. Он так крепко стиснул ее руку, что ей стало больно.

— Дом Джона Кейта? — пролепетала она.

— Да, дом Джона Кейта...

Она опустила головку и слегка и нежно коснулась ею его плеча.

— Ты, вероятно, очень много думаешь о нем, Дерри!

— Да, Мэри, это правда...

Он выпустил ее руку, и кулаки его конвульсивно сжались. Она видела, как побледнело его лицо.

— За несколько минут до его смерти я обещал прийти сюда и бросить прощальный взгляд на все, — медленно произнес он. — Он очень любил свой дом. Хочешь ли ты пройти внутрь вместе со мной?

Она глубоко вздохнула.

— Да, хочу.

Он порылся в кармане и вынул ключ, которым отпер дверь, выходящую на веранду. Когда дверь подалась назад, взвизгнув на заржавевших петлях, они почувствовали, как на них дохнул холодный, сырой, безжизненный воздух.

Кейт сделал несколько шагов вперед.

Беглый взгляд сообщил ему, что тут ничто не изменилось и что все, все, даже ничтожнейшие мелочи, осталось на месте в этой комнате с большим камином. Все хранило такой же вид, как и в памятный вечер, когда он отправился к судье Киркстону.

Одна вещь более всего поразила его. На занесенном пылью столе он заметил чашку и ложку и живо вспомнил, что в последний вечер он поужинал молоком с хлебом. Это была самая малая, самая простая деталь, но именно простота-то ее и поразила ею. Прошло четыре года, а чашка и ложка оставались на своем месте. Он как-то не подумал о том, что все остальные вещи и предметы в доме не подверглись никаким изменениям и перемещениям, но ему казалось каким-то чудом, что именно чашка и ложка оставались на месте, словно он их положил на стол только вчера.

Самые обыкновенные вещи потрясли его так, что был один момент, когда он не мог бы поручиться за свои нервы.

— Джон Кейт говорил мне и о чашке и о ложке, — сказал он, кивнув в их сторону головой. — Он указал мне, где именно я найду их, и все верно до точки. Если бы ты, Мэри, знала, как он любил свой дом и все, что в нем находилось! Ты понимаешь, даже в смертный час свой он помнил про чашку и ложку... Смешно, не правда ли?

Ему сразу стало как-то легче.

Старый отчий дом нашептывал ему сказки, столь дорогие памяти, и, по мере того как они медленно переходили из одной комнаты в другую, он рассказывал Мэри, рассказывал так долго, так убедительно, что перед ее мысленным взором как живой встал Джон Кейт, насмерть загнанный Дервентом Коннистоном. Его слова глубоко потрясли ее, так потрясли, что мысли ее не сразу нашли словесное выражение.

— Но не ты лично явился причиной его смерти? — в тоске спросила она. — Скажи, Дерри... Не ты?

— Нет, не я лично. Его убил закон! Как я тебе говорил уже, он умер после того, как отморозил себе легкое. Говорю тебе: если бы это зависело только от меня, я готов был бы отдать ему половину своей собственной жизни. Мак-Довель не должен ничего знать об этом! Ты никогда не должна говорить в его присутствии о Джоне Кейте! Понимаешь?

— Да, Дерри, я понимаю!

— И точно так же он не должен знать, что мы побывали с тобой здесь. По его мнению, Джон Кейт был и остался разбойником, которого следовало бы повесить!

Она странно посмотрела на него. Такого взгляда он еще никогда не замечал в ее глазах.

— Дерри... — прошептала она.

— Да, Мэри... В чем дело?

— Дерри, скажи мне... Скажи мне: Джон Кейт жив?

Он задрожал, и лицо его тотчас же выразило волнение, вызванное неожиданным вопросом. Он постарался овладеть собой, но было слишком поздно. В следующий миг рука девушки уже прижалась к его рту, и Мэри взволнованно, почти грубо закричала:

— Нет, нет, нет... Не надо, Дерри... Я не хочу, чтобы ты ответил мне на этот вопрос. Не надо! Я знаю, я понимаю, и я рада, рада, рада. Он жив — и жив, благодаря только тебе, моему дорогому, славному брату, которым я горжусь! Я понимаю, что все остальные уверены в его смерти! Не надо отвечать мне, Дерри... не надо... Не говори ничего!

Она дрожа прильнула к нему. А он обнял ее и прижимал к своему сердцу ближе и сильнее и дольше, чем делал это до сих пор. Он поцеловал ее несколько раз, много раз, целовал и губы ее, а она обхватила его шею руками, и мягкий, ликующий свет зажегся в ее глазах.

— Я понимаю! — снова зашептала она. — Я все понимаю!

— Я должен сказать тебе всю правду, открыть всю истину, — ответил он. — Я должен сделать это, потому что я люблю тебя и потому, что тебе следует все знать... Да, Джон Кейт жив!

Через час Джон Кейт, вполне готовый к решительной схватке, направился в канцелярию Мак-Довеля. В голове его неведомые голоса торжественно пели победу, одержанную им сегодня утром. С тех пор, как он открыл сундук Коннистона, случилось множество вещей, из коих главная заключалась в том, что он не упирался уже лбом в черную непроницаемую стену тайны. Другой не менее важной причиной его возбуждения была Мэри-Джозефина.

Она выразила определенное желание отправиться вместе с ним. В любой час, в любое место по его усмотрению! Когда она узнала, что сравнительно скоро кончится срок его отпуска, после чего он вступит в должность и надолго будет оторван от нее, она заявила энергичный протест против возобновления его прежней работы. Она не задала ни единого вопроса, когда он сказал ей, что, возможно, им очень скоро и вдруг придется сняться с места, не предупредив об этом ни единую душу, даже Валли. Часто инстинктивно она понимала, что в деле замешан Джон Кейт, потому что брат намекнул на то, что Мак-Довель может узнать истину, обвинить Дервента Коннистона в преступлении по службе, наказать его по всей тяжести закона и засадить на несколько лет в тюрьму. Боязнь всего этого заставила ее пуще прежнего гореть желанием как можно скорее привести в исполнение задуманный план.

И была еще одна вещь, которая очень радовала Джона Кейта. Теперь уж он не был таким абсолютным лугом, как вчера вечером. Счастливый случай помог ему сообщить Мэри, что Джон Кейт жив. Это открытие — одно из самых важных для него! — вызвало в девушке наилучшее отношение и сделало ее таким горячим соучастником его тайны, что она тут же на месте вызвалась бежать куда угодно. Ни на минуту у нее не явилось сомнения в правильности действий брата, который подарил Кейту полную свободу. Это обстоятельство, это отношение было ему всего приятнее: ясно, что она искренне радуется тому, что Джон Кейт жив.

А теперь, после того как она узнала историю старого дома, приютившегося на лесной поляне, а также одиссею человека, жившего в нем, она пожелала в ближайший срок встретиться с Мириам Киркстон, дочерью убитого судьи.

Кейт обещал ей устроить это свидание после обеда. В душе он сознавал, что вряд ли удастся привести в исполнение свое обещание. Ему предстояло так много работы в ближайшие часы! Кто знает, что могло случиться за это время! В конце концов, встреча с мисс Киркстон была не так важна.

Сегодня был решительный день. Ничего определенного нельзя было сказать и знать до встречи со Смитом, но финальную схватку можно было ожидать в любую минуту.

Крюз медленно расхаживал взад и вперед по холлу, когда Джон Кейт вошел в помещение, занимаемое канцелярией Мак-Довеля.

По лицу молодого секретаря можно было судить, что он чем-то крайне смущен и озадачен. Он засунул руки глубоко в карманы штанов и все время попыхивал сигаретой. При виде Кейта он несколько оживился.

— Черт побери, не могу понять, что происходит сегодня с нашим начальником! — воскликнул он и кивнул головой в сторону закрытой двери. — Он отдал мне строжайшее приказание никого, кроме вас, не допускать к нему. Можете пройти!

— А в чем дело? — осторожно спросил Кейт.

Крюз повел своими тощими плечами, сбросил пепел с сигареты и сказал с выразительной гримасой:

— Смит!

— Смит?

Кейт свистящим шепотом произнес это имя. В нем задрожал каждый нерв в отдельности, и ему показалось, что он сам себя выдал с головой. Значит, Смит уже был здесь сегодня, был раньше него. И теперь Мак-Довель отдал распоряжение никого не принимать в ожидании его, Кейта. Но, если допустить мысль, что Смит рассказал инспектору всю правду, почему Мак-Довель не послал его арестовать до того, как он явился сюда?

Вот какой первый вопрос возник в голове Кейта. Но на вопрос этот последовал немедленный ответ: Мак-Довель не приказал арестовать его только потому, что, ненавидя Смита, не поверил рассказу. Но теперь он ждет с нетерпением, желая учинить личный допрос. Дрожь пробежала по телу Кейта. Крюз посмотрел на него очень пытливо.

— Я не сомневаюсь, что во всем виноват Смит! — произнес он. — Никто иной не действует так на нервы старика... А старик-то ждет вас с нетерпением, мистер Коннистон. Я раз пять-шесть звонил вам по телефону.

Он бросил сигарету, живо повернулся и направился к инспекторской двери.

Дверь открылась; Кейт слышал, как Крюз доложил о его приходе, и ему показалось, что слова секретаря не успели еще сорваться с его уст, как Мак-Довель уже появился на пороге.

— Пожалуйста, пожалуйста, Коннистон! — спокойно молвил он. — Входите, я жду вас.

Это не был обычный мак-довельский тон. Он до ужаса изменился. Это был голос человека, говорящего страшно спокойно, для того чтобы скрыть пожирающий его внутренний огонь. Кейт решил, что все копчено. Вот почему так безгранично было его изумление, когда Мак-Довель, закрыв дверь, так порывисто схватил его руку, что причинил ему боль, и пожал с видимой радостью и облегчением.

— Я, конечно, нисколько не обвиняю вас, друг мой! — вскричал он. — Напротив, я нахожу, что это с моей стороны возмутительно было беспокоить вашу сестрицу до того, как вы проснулись сегодня утром. Она решительно отказалась будить вас, и мне пришлось войти, так сказать, с вами в соприкосновение через посредство Крюза. Садитесь, Коннистон! Предупреждаю, что я собираюсь взорвать мину под вами!

Он уселся в свое вертящееся кресло, жестко закрутил один из своих усов и устремил горящий взор на Кейта. Тот ждал, чувствуя, что его собеседник, точно тигр, готов каждую минуту прыгнуть на него и только ждет подходящего повода и момента.

— Что случилось сегодня ночью? — спросил наконец Мак-Довель.

Мысль Кейта всегда работала чрезвычайно быстро и четко. Вопрос инспектора дал ему возможность сделать первую вылазку против Смита.

— Случилось нечто, что заставляет меня искать немедленной встречи со Смитом! — ответил он.

Он обратил внимание на то, как пальцы Мак-Довеля крепко зажали ручки кресла и тотчас же выпустили их.

— Значит, я был прав?

— Да, я имею основание, почти полное основание думать, что вы были совершенно правы! Я хочу только теперь же выяснить, когда и как я могу встретиться со Смитом.

Он угрюмо усмехнулся.

Взор Мак-Довеля по жестокости нисколько не уступал его собственному. Железный человек глубоко вздохнул и поерзал в своем кресле.

— Если что-нибудь случится, — начал он, глядя как-то мимо Кейта и словно не придавая большого значения собственным же словам, — если он нападет на вас...

— ...то я в состоянии самозащиты убью его на месте! — закончил гость его фразу.

Мак-Довель ровно ничем не выразил того, что он слышал последние слова, но Кейт был уверен, что они попали в цель.

Он стал излагать все события, которые имели место накануне в доме Киркстонов. Лицо Мак-Довеля побагровело, когда он услышал все подробности пребывания Смита в обществе Мириам Киркстон, но сильным напряжением воли он подавил свое волнение.

— Так и есть! Так и есть! — воскликнул он, преодолевая клокотавшую в нем ярость. — Я так и знал, что он был у нее! И сегодня утром оба с одинаковым усердием лгали мне, оба!

Вы понимаете: оба! Она лгала, глядя мне прямо в глаза! И он лгал, причем впервые в жизни я услышал его смех! Пусть я лопну на месте, если это не так! Смех его был похож на бульканье масла. Я никогда не думал, что человек может так смеяться! И в заключение всего он сообщил мне такую неожиданную вещь, что — клянусь Всевышним! — я не поверил ему!

Он вскочил на ноги и начал измерять огромными шагами комнату, причем закинул за спину сжатые кулаки.

Вдруг он повернулся к Кейту.

— Вы тоже хороши, черт побери! — вскричал он. — Одно из двух: либо вы Должны были доставить сюда Джона Кейта живым, либо в крайнем случае его исповедь, им же самим подписанную. Почему вы этого не сделали?

Это был, что называется, удар в спину.

— Позвольте... позвольте... а какое же отношение ко всему этому делу имеет Кейт?

— Больше, чем я смею сказать вам, Коннистон! Я спрашиваю вас: почему вы не принесли его исповедь? Умиравший преступник всегда сознается в последние минуты!

— Если он виновен! — согласился Кейт. — Но этот человек составляет исключение. Если даже он убил судью Киркстона, то нисколько не жалел об этом. Он абсолютно не смотрел на себя как на преступника. Он все время считал, что, со своей точки зрения, он совершенно прав и поступил именно так, как надо было! Вот почему в последние минуты жизни он не чувствовал потребности в такой исповеди.

Мак-Довель упал в кресло.

— Черт побери, хуже всего, что я ничего не могу поделать с китайцем! — завопил он. — Ровно ничего! Точно так же и Мириам Киркстон вполне самостоятельный человек, который может поступить так, как ему заблагорассудится! А Смит, с точки зрения закона, так же чист и невиновен, как я сам! Если ей лично угодно стать жертвой этого дьявола... это ее дело... формально она вправе располагать собой, но морально...

Он остановился, и его дико горящие глаза, казалось, хотели пронзить Кейта до самого мозга.

— Он ненавидит вас так, что я... и передать не могу! При первой только возможности он способен...

Он опять остановился и весь скрючился в ожидании того, что Кейт уловит смысл слов, которых он не произнес. А Кейт решил двояко имитировать Дервента Коннистона. Он характерно повел плечом, столь же характерным жестом закрутил усы и поднялся на ноги.

Он с холодной усмешкой посмотрел на железного человека.

— Эту возможность я сегодня же дам ему! — выразительно произнес он. — А теперь, дружище, я думаю, что мне лучше уйти. Уж очень мне хочется повидаться со Смитом до обеда!

Мак-Довель проводил его до дверей. Его лицо совершенно прояснилось. В нем читалась страстная, напряженная надежда и вместе с тем возбуждение. Он снова схватил руку Кейта, так же крепко сжал ее и до того, как дверь закрылась, произнес:

— Послушайте, Коннистон, если должно что-нибудь случиться, пусть оно случится на виду у всех, но не в усадьбе Смита! Таково мое мнение!

Когда Кейт вышел наружу, он тут же задался вопросом: что это за мина, которую Мак-Довель обещал взорвать да так и не взорвал?

Желая опередить Смита, Кейт не терял золотого времени. Он напоминал сейчас человека, играющего в шахматы. Ходы были так быстры и запутанны, что его мозг не отдыхал ни минуты. Каждый час приносил новые неожиданности и столь же новые альтернативы. Только что Мак-Довель дал ему последний совет, совет, быть может, наиболее верный и безопасный. Следуя ему, он мог, пожалуй, более всего рассчитывать на выигрыш. Железный человек, верный адепт безжалостного закона, который требовал око за око и зуб за зуб, ясно и определенно намекнул ему, что без Смита дело сложилось бы гораздо удачнее для всех действующих лиц. Человек, который за всю свою долголетнюю практику не находил оправдания для убийцы, теперь негласно подталкивал своего друга на убийство.

Кейт находился в состоянии крайнего изумления.

«Если должно что-нибудь случиться, пусть оно случится на виду у всех, но не в усадьбе Смита!»

Такого было предупреждение Мак-Довеля. Мозг инспектора разработал холодную и точную стратегию, согласно которой Кейт должен был в целях самозащиты убить китайца. Вся кровь забурлила в нем, когда он вполне уразумел, на что подстрекал его Мак-Довель. Он не только понял личные причины его интереса к Мириам Киркстон, но и получил сильнейшее оружие в руки, оружие, которое, быть может, предстояло пустить в ход через несколько часов. Он был загнан в угол и, не имея никакой надежды на спасение, должен был прибегнуть к последнему средству — убить Смита в полной надежде на то, что Мак-Довель отстоит его.

Он направился прямо в кафе Смита. За последние четыре года тут произошли весьма существенные перемены. Кейт всего лишь минуту оставался в затемненном вестибюле и тем не менее сразу почувствовал восточный дух его, который выражался в каком-то исключительном и таинственном спокойствии, царящем вокруг. Он прошел дальше.

Кафе было устроено и убрано так роскошно, что не затерялось бы среди лучших кафе самого большого города. Пышное убранство говорило о громадных суммах, потраченных на оборудование помещения, а между тем ничто вокруг не бросалось резко в глаза и не оскорбляло хорошего вкуса.

До завтрака оставалось еще немало времени, но Кейт услышал несколько приглушенных голосов и, понял, что за ширмами находятся посетители.

Двое людей, такие же чистые и лоснящиеся, как столовое белье и серебро, двигались бесшумно и бархатисто, как рыси. Третий лакей на заднем плане стоял так же неподвижно, как соседний стол. Он курил папироску и время от времени озирался по сторонам с напряженным вниманием хорька.

Это был Мидлэнд, правая рука хозяина.

Кейт направился к нему и, когда он подошел достаточно близко, Мидлэнд едва-едва заметно кивнул головой и вынул папиросу изо рта.

Не двинув больше ни единым мускулом лица и не задав никакого вопроса, он тем не менее всем существом своим спрашивал: в чем дело, что угодно господину?

Кейт знал эту повадку. Он ни минуты не сомневался в том, что Мидлэнд получил от своего хозяина самые точные инструкции, знал об его, Кейта, возможном приходе и даже ждал его. Убежденный в этом, он протянул одну из визитных карточек Коннистона и сказал:

— Отнесите это мистеру Смигу. Он ждет меня.

Мидлэнд взглянул на карточку, на секунду замер в явной нерешительности и, наконец, покачал головой:

— Мистера Смита нет дома.

И это было все.

Куда он ушел, когда вернется, на эти вопросы он не счел нужным ответить. Управляющий всеми делами Смита, казалось, знал только одну вещь: его господин ушел. Ничего больше он не знал и не желал знать. У Кейта было огромное желание схватить этого лгуна за горло и вытрясти из него всю правду, но он прекрасно понимал, что тот следит за каждым его шагом, внимательно изучает любое движение и выражение его лица, вот почему он с деланным спокойствием взглянул на часы, закурил сигару, очень любезно поклонился и сказал, что вернется еще в самом непродолжительном времени.

Десять минут спустя он отважился на отчаянный шаг. У него не было времени, чтобы долго оставаться в нерешительности. Он должен был во что бы то ни стало найти Смита и найти его быстро! Он был уверен, что в данном случае Мириам Киркстон может дать ему самые точные указания, и немедленно отправился к ее дому на холме, мысленно готовя те вопросы, которые должен будет задать ей. Но и здесь его ждало разочарование: мисс Киркстон не было дома. Может быть, она и была дома, но, во всяком случае, не отзывалась ни на его звонки, ни на стук в дверь.

Кейт пошел на вокзал. Ни один человек из всех тех, кого он спрашивал, не видел Смита, садящегося в западный поезд — единственный поезд, который до сих пор был отправлен. То же самое подтвердил и кассир: он знает Смита и ему сегодня билета не продавал. Ясно было, что Смит находится где-нибудь в городе. В голове Кейта зародились подозрения, и на минуту он представил себе Смита в обществе Мириам Киркстон. Ему стало противно за обоих.

В таком настроении он явился в канцелярию инспектора. Пройдя внутрь, он облокотился на письменный стол и воззрился на Мак-Довеля. Видно было по всему, что на сей раз он играл роль следователя.

— Собственно говоря, — начал он, — если между ними и существует какая-нибудь связь, то это их частное дело, которое нас абсолютно не касается. Неважно то, что она — белая, а он — желтый. Но это между прочим! А важно следующее: мне очень интересно знать, где находится теперь ее жирный братец?

Мак-Довель медлил с ответом.

— Нет, это нельзя назвать связью, — произнес он наконец. — Тут готовится какое-то преступление, план которого они вместе разрабатывают...

— Где сейчас находится ее жирный братец? — снова повторил Кейт и для большей выразительности каждое слово сопровождал ударом кулака по столу. — Где он?

Мак-Довель был глубоко смущен. Кейт обратил на это внимание и ждал.

После минуты молчания инспектор поднялся со своего вертящегося кресла, подошел к окну, некоторое время глядел наружу и снова побрел на свое место, с таким ожесточенным видом крутя свой длинный седой ус, что явно выдавал свое волнение.

— Черт побери, Коннистон! — воскликнул он. — У вас какая-то странная манера задавать маленькие нелепые вопросы, на которые, однако, часто трудно ответить.

— Но эти маленькие вопросы имеют иногда очень большое значение, — добавил Кейт. — Вот, например, мне кажется страшно важным, где находится Питер Киркстон и почему он ничего не делает, чтобы спасти сестру? Где он?

— Не знаю. Он исчез из города около месяца тому назад. Мириам заявляет, что он будто бы пропадает в Британской Колумбии, где хлопочет насчет старых золотых приисков. Она сама точно не знает, где его можно сейчас найти.

— И вы верите ей?

Их глаза встретились. Тут не было больше места различным уверткам. Они поняли друг

друга.

Мак-Довель улыбнулся, как бы признавая несомненный факт.

— Нет, Коннистон, не верю. Должен вам сказать, что Мириам Киркстон самая очаровательная лгунья на свете. Но я должен отметить еще одну замечательную вещь: она лжет с определенной целью. Нет, вы представьте себе это ничтожество, Питера Киркстона, который якобы отправился по каким-то приисковым делам. Ведь это курам на смех. Что он понимает вообще в таких делах? Но как ни печально, надо признать самую глупую вещь во всей этой глупой кутерьме: Мириам обожает своего жирного и абсолютно ничтожного брата. Вы не думайте: я сделал попытку отыскать Питера Киркстона в Британской Колумбии. Конечно, из этого ровно ничего не вышло. Еще одно доказательство тому, что «связь» между девушкой и Смитом ей лично навязана силой обстоятельств. И она лжет! Лжет все время, ходит по дороге, вымощенной ложью. Если даже она говорит правду...

— Есть такого рода правда, которую ни единый человек на свете не расскажет про себя, — перебил его Кейт. — Но мы должны узнать все, что только в наших силах. И у меня имеется на примете такой фортель. Надеюсь, что еще до вечера я сумею сообщить вам нечто весьма интересное.

Десять минут спустя, направляясь домой, он усиленно раздумывал над *modus operandi* своего «фортеля».

Его внезапно осенила блестящая мысль. Он решил после обеда обязательно повстречаться с Мириам Киркстон и задать ей несколько вопросов касательно ее брата. После этого он вернется к Мак-Довелю, сообщит ему некоторые подробности этого разговора, изложит вкратце новый план действий и в конце концов объявит о своей кратковременной поездке в Британскую Колумбию. Он возьмет с собой Мэри-Джозефину, останется там до конца служебного отпуска, а затем письменно сообщит Мак-Довелю, что его план не выгорел, что он вообще не желает больше служить в полиции и уезжает с Мэри-Джозефиной попытать счастья в Австралию. Еще до того, как письмо дойдет до инспектора, они далеко уйдут в горы. «Фортель» давал возможность убежать под весьма благовидным предлогом, и на Мириам Киркстон и на все ее дела Кейт смотрел только с точки зрения пользы для него лично. Он снова был Джон Кейт, снова боролся за жизнь Джона Кейта и за счастье сестры Дервента Коннистона.

Мэри-Джозефине было суждено сделать первой выстрел. Она, очевидно, ждала его с огромным нетерпением, потому что он встретил ее на середине ската. Прежде всего она выругала его за то, что он так надолго оставил ее в полном одиночестве, затем взяла его руку, обвила ею свой тоненький девичий стан, буквально вцепилась в нее своими ручками и не выпускала все время, пока они подымались по извилистой тропке. Он тотчас же обратил внимание на крохотные морщинки на ее очаровательном лбу.

— Скажи, пожалуйста, Дерри... Это что, так принято, чтобы молодые девушки звали к себе в гости посторонних мужчин? — вдруг спросила она.

— Почему, собственно... — запинаясь начал Кейт, — видишь ли, Мэри-Джозефина, все это зависит... Ты имеешь в виду?..

— Да, да, Дервент Коннистон, я имею в виду кого надо. Она очень хорошенькая... и я вообще не ругаю и не хочу ругать ее, но в то же время не скрываю, что мне это не нравится!

Он так крепко стиснул ее руку, что она вскрикнула. Прикосновение к ее мягкой нежной ручке доставляло ему огромное наслаждение.

— Дерри! — закричала девушка. — Если ты еще раз сожмешь мне так руку, я останусь калекой!

— Но я ничего не могу поделать с собой, — пылко ответил он. — Ничего, дорогая моя девочка, ничего не могу поделать! Ты только что так сказала эти несколько слов, что я почти

бессознательно... причинил тебе боль. Я страшно рад, что тебе это не нравится. Я могу любить только одного человека зараз, и я люблю тебя и буду любить до конца моей жизни. Вот и все.

— Я вовсе не ревнива, — заявила она, покраснев. — Но она дважды звонила по телефону и затем сама пожаловала к нам. Она очень и очень хорошенькая.

— Постой!.. Ты говоришь о мисс Киркстон?

— Ну да, о ней! Она страшно хочет видеть тебя...

— Какое впечатление она произвела на тебя?

Она бросила на Кейта быстрый, беглый взгляд.

— Она мне очень нравится... Она хорошенькая и нежная с виду, а в волосы ее я просто влюбилась. Но она была сегодня утром слишком взволнована. Я уверена в этом, хотя она всячески хотела скрыть это.

— Ты хочешь сказать, что она нервничала, была бледна и что в глазах ее читался определенный испуг? Так ли я понял тебя?

— Ты угадал, Дерри! Мне кажется, что все было именно так, как ты только что сказал.

Он кивнул головой.

Ему показалось, что небо сразу порозовело над его головой и что фортуна наконец стала улыбаться ему. Казалось, все складывалось в его пользу, даже неожиданный визит мисс Киркстон. Он вовсе не желал ломать голову над вопросом: почему именно она пожаловала к нему? Сейчас его волновал и интересовал вопрос только о собственном благополучии, только о собственной удаче и о том, чтобы поскорей выбраться отсюда и половчее сделать последний мастерской ход. Все его мысли были сосредоточены в одном направлении.

Приспело время, когда он должен был рассказать обо всем Мэри-Джозефине. Ее необходимо было подготовить к событиям, которые могли разыгаться с минуты на минуту.

На плоской вершине холма, приютившего бунгало Брэди, там и здесь были разбросаны отдельные небольшие березовые рощицы. В тени ближайших деревьев находилась скамья, к которой Кейт повел теперь девушку. Там он посвятил ее во все свои планы, и по мере того как он говорил, щеки Мэри все розовели и розовели. Ее глаза загорались возбуждением и нетерпением. Она жадно и напряженно слушала все то, что имело столь близкое отношение к заповедным горам, таким богатым и таинственным. Там они будут одни... Там никто не посмеет и не сумеет омрачить их радость...

Кейт добавил, что пока им еще необходимо держать все в строжайшей тайне, что от этого зависит благополучие и безопасность их обоих — единственных конспираторов — и что, возможно, им еще сегодня ночью придется двинуться на запад. Поэтому она должна быть готова в любую минуту.

Он вдруг замолчал, словно в нерешительности: продолжать ему или нет? Но его рука все еще находилась в обеих руках Мэри, и девушка все еще не спускала с него своих прекрасных глаз, которые теперь больше чем когда-либо походили на мерцающие звезды. Тогда он почувствовал новый прилив веры и желаний и откровенно рассказал про все счастливые обстоятельства, которые так удачно способствуют их плану бегства. Он по-прежнему не испытывал ни малейшего угрызения совести при мысли о делах Мириам Киркстон. Как он уже сказал Мак-Довелю, девушка совершенно свободна в своем выборе и способе устройства собственной судьбы. К тому же тут остается Мак-Довель, который будет до самого конца бороться за нее. И еще ее жирный братец...

Вот почему Джон Кейт, не испытывая никакого смущения, поведал Мэри-Джозефине о таинственных отношениях, связывающих Мириам Киркстон со Смитом, о подозрениях Мак-Довеля и о том, как вся эта «история» выгодна им лично.

Он говорил до тех пор, пока не заметил какой-то странной перемены в ее глазах. Он

остановился, обратив вдруг внимание на то, что радость исчезла с милого личика девушки, которая смотрела на него так пытливо и возбужденно, как ни разу до сих пор.

Он понял, что в ней произошла перемена. Она уже не смотрела на вещи его собственными глазами. Он хотел использовать трагическое положение другой женщины, на нем базировать собственное благополучие, и на это Мэри-Джозефина реагировала, как реагирует женщина с тех пор, как наш мир стал миром.

Им сразу овладел стыд, который он все время старательно подавлял в себе. Он должен играть честно, ибо вся его дальнейшая жизнь зависит от того, как он поведет себя сегодня. Мэри-Джозефина может не понимать потайных пружин его действий, но он не смеет ни на минуту пасть в ее глазах.

Ее пальцы все еще сжимали его руку, но она глядела как-то мимо него. Он заметил, как она побледнела. Но новый, неведомый ему огонь загорелся в ее глазах.

— Так вот почему «она нервничала, была бледна, и в глазах ее был определенный испуг»! — тихо повторила она его собственные слова. — Значит, во всем виновато это чудовище Смит, который имеет какое-то таинственное влияние на нее, потому что...

Она так неожиданно и сильно вырвала свою руку, что Кейт вздрогнул. Ее глаза, за несколько минут до того такие мягкие и лучистые, теперь горели страстным огнем...

— Дерри! — воскликнула она. — Если ты не уберешь этого дьявола, то я сама займусь этим!

Она стояла перед ним, выпрямившись во весь рост, и тяжело и часто дышала. Это не было уже то полубожество, каким он считал ее двадцать минут назад, нет, он увидел перед собой решительную женщину, готовую отважно бороться до конца за свою идею. Но новая Мэри-Джозефина нисколько не испугала его. Напротив, ему показалось, что какой-то невиданный доселе нимб украсил ее головку.

Поистине она была сестрой Дервента Коннистона, Мэри-Джозефина Коннистон!

Если бы даже он знал, что разрушает собственные планы, он сделал бы то же самое, что сделал сейчас, а именно протянул руки и взглядом позвал ее к себе. А она с той стремительностью, которую родит только любовь, подбежала к нему, подняла к его лицу обе свои руки и держала их так до тех пор, пока он прижимал ее к себе и целовал в губы.

— До того, как мы уйдем отсюда, ты расправишься в этом дьяволом! — сказала она. — Слышишь, голубчик, что я говорю тебе!

Валли страдал так, как может страдать только художник-повар, который видит, как напрасно стынут все изготовленные им шедевры. Не в силах больше совладать со своим волнением, он вышел из кухни и нашел Кейта и Мэри-Джозефину на скамье в роце серебристых берез.

Это был совершенно исключительный обед — кулинарное чудо. Мэри пила свой послеобеденный кофе, а Кейт курил сигару, и в это время они заканчивали (или начинали) страстный спор о последних приготовлениях к отъезду.

Кейт недолго думая дал торжественное обещание, что расправится со Смитом в кратчайший срок, может быть, даже до вечера. Глядя в сверкающие гордостью глаза Мэри, он думал, что нет такой вещи на свете, которую он не мог бы выполнить для этой прелестной девушки. Но к тому времени, как он выкурил полсигары, Мэри подошла ближе, присела на ручке его кресла и начала пробегать пальцами по его волосам. В таком состоянии он бы мог оставаться всю жизнь.

Наконец Мэри встала, поднялась на цыпочки, положила руки на его плечи и протянула губы для поцелуя: этим она ясно дала понять, что ему пора отправиться по делам.

Самая могучая армия на свете не могла бы добиться от Кейта того, что сделал этот последний поцелуй. Он положил конец всяким сомнениям и колебаниям. Кейт понял, что действительно пора приняться за работу, и немедленно отправился в дом Киркстонов.

На этот раз ему даже не пришлось дойти до самых дверей этого дома. Он еще издали заметил в кустах Мириам Киркстон. Она стояла без шляпы, и волосы ее ярко пылали на солнце.

Она заметила его почти в тот же самый момент, что и он ее, и быстро направилась навстречу. Ее лицо запылало от возбуждения и ясно говорило, что своим неожиданным появлением Кейт избавил ее от больших сомнений и колебаний.

— Мне очень неприятно, мисс Киркстон, — начал он, — что вы не застали меня дома.

Он задержал на мгновение руку, которую она протянула ему, и продолжал:

— Я полагаю, что вы пожаловали ко мне по делу Смита? Не так ли?

Он поставил вопрос ребром. В его тоне не слышалось никакого извинения. Он обратил внимание на то, что она сразу остыла и устремила на него пристальный взгляд, точно хотела не только слышать его слова, но и знать, что происходит у него в уме.

— Разве я ошибся, мисс Киркстон?

Она утвердительно кивнула головой, но губы ее не дрогнули.

— Я говорю о Смите, — повторил он, — и, правду сказать, не знаю, что все это значит. В чем дело? Что тут происходит? Почему бы вам не открыться во всем кому-нибудь, например Мак-Довелю, мне или же...

Он чуть было не сказал «вашему родному брату», но девушка так порывисто схватила его за руку, что он замолчал.

— Смит должен был встретиться с Мак-Довелем, да? — возбужденно спросила она. — Он был у него сегодня? И он рассказал ему..?

Она замолчала, тяжело дыша и судорожно сжимая руку Кейта.

— Я не знаю, что между ними произошло, — ответил он. — Знаю только, что вы причиняете Мак-Довелю много волнений и огорчений... То же самое я мог бы сказать о себе лично. Знаете, мисс Киркстон, я очень хотел бы, чтобы мы поговорили с вами вполне откровенно, начистоту. Вы прошлой ночью и очень поздно встретились со Смитом. Он был у вас тогда, когда я впервые пришел к вам. И я скажу вам больше того: он сейчас тоже находится в

вашем доме!

Она резко подалась назад, точно он занес руку над ней.

— Нет, нет, нет! — закричала она. — Его нет здесь! Говорю вам, его нет здесь!

— А как я могу верить вам?! — возразил Кейт. — Вы не сказали правды Мак-Довелю, и вы делаете всевозможные усилия для того, чтобы скрыть эту правду от меня! И мы оба знаем, что вы делаете это по указке Смита. Почему? Я здесь и готов помочь вам всем, чем могу, готов до последней капли крови бороться за вас. И Мак-Довель тоже. Но мы должны знать, в чем дело, где правда! Мисс Киркстон, скажите прямо: вы любите этого китайца?

Он знал, что его слова тяжелое оскорбление и заранее предвидел их эффект. На ее бледных щеках проступили два ярких пятна. Она стремительно отступила от него на шаг. Медленно, не отрывая от Кейта своего пылающего взора, она указала ему на край кустарника, находившегося на расстоянии нескольких шагов от них. Он взглянул туда и увидел извивающуюся в последних судорогах насмерть раненную маленькую травяную змею.

— Я ненавижу его... вот как ее! — воскликнула она.

Кейт снова пристально посмотрел на нее.

— Тогда, значит, по каким-то причинам, ведомым только вам лично, вы продались Смиуту или намереваетесь в самом скором времени сделать это! — воскликнул он.

Это был не вопрос. Это было определенное обвинение.

Он заметил, как краска гнева мигом сбежала с ее щек. Ее тело как-то сразу опустилось, обмякло, голова склонилась, и она всем своим видом подтвердила обвинение Кейта.

— Да, вы правы, — медленно произнесла она, — я на пути к тому, чтобы отдаться в полное распоряжение Смита.

Это неожиданное признание подействовало на него так, что в продолжение минуты он не мог произнести ни слова. А девушка воспользовалась этим кратким промежутком и снова овладела собой.

Следующие ее слова еще больше поразили его.

— Я сделала вам такое страшное признание только из уверенности, что вы не выдадите меня. Я была у вас дома с единственной целью — вместе с вами выдумать что-нибудь такое, что могло бы восстановить доверие Мак-Довеля ко мне. Вы сказали, что готовы помочь мне. Вы действительно хотите сделать это?

Он все еще молчал, и она продолжала:

— Я очень хотела бы заручиться вашей помощью. Мак-Довель потерял ко мне всякое доверие, но я никоим образом не могу посвятить его в мою тайну. Помочь мне можете только вы один. Я прошу вашей помощи на две-три недели. По истечении этого срока должно случиться нечто важное. Необходимо, чтобы Мак-Довель вернул мне свое доверие! Вы понимаете меня?

— Только отчасти, — ответил Кейт. — Вы заставляете меня помогать вам, что называется, вслепую. Вы не желаете объяснить мне, почему и зачем вы хотите продать Смиту. Мало того, вы желаете еще, чтобы я прикрыл это просто чудовищное дело и помог вам обмануть человека, который полон самых мрачных и мучительных подозрений! Если бы у меня самого не было подозрений в том, что вы в настоящую минуту не совсем нормальны, я сказал бы, что ваша затея настолько же нелепа, насколько и невозможна. Скажу вам правду: это предположение ставит меня прямо в трагическое положение! А поэтому я ровно ничего не могу сделать для вас. Если вы нуждаетесь в моей помощи и действительно желаете ее, то прежде всего вы должны объяснить мне: почему вы продаетесь Смиуту?

Она снова побледнела, но по-прежнему продолжала хранить внешнее спокойствие. Тем не менее ее руки дрожали. Он видел, как она старалась скрыть это, и ему стало от души жаль ее.

— В таком случае, раз по-вашему это невозможно, я не стану больше беспокоить вас, — тихо сказала она. — Но вы можете обещать мне держать в полной тайне все то, что я только что рассказала вам? Я сама не знаю, быть может, мое доверие к вам было излишне велико. Это, конечно, нелепо, но все же я должна вам сказать, что искренность моя объясняется только тем, что вы были так близко знакомы с Джоном Кейтом в последние минуты его жизни. Джон Кейт был единственным человеком, который мог бы по-настоящему помочь мне.

— Но при чем тут Джон Кейт? Каким образом он мог бы помочь вам?

Она покачала головой.

— Объясняя вам это, я должна ответить на все ваши предыдущие вопросы, а это невозможно!

Кейт понял, что отчасти попал в тупик. Понял он также и то, что ни убеждения, ни угрозы в данном случае не помогут. И вдруг им овладела новая, требующая немедленного действия мысль. В конце концов, цель оправдывает средства. Он сжал кулаки. Глаза его как-то сразу потемнели и приняли жестокое выражение. Он повернулся и в упор посмотрел на девушку.

— Выслушайте меня внимательно! — крикнул он. — Вы затеяли большую игру, и то же самое я могу сказать про себя лично. Возможно, что каждый из нас поступает самым эгоистическим образом, совершенно не заботясь и не думая о другом, но тем не менее мы можем помочь друг другу. Хотите вы помочь мне, если я в свою очередь помогу вам?

Он снова искренне пожалел ее, увидев, как живо она бросилась на его приманку.

— Да! — вскричала она, с трудом переводя дыхание. — Да, я самым искренним образом хочу помочь вам!

Его лицо приняло землистый оттенок. Он поднял сжатые кулаки так, что она увидела их, и подошел к ней на шаг ближе.

— Тогда скажите мне следующее... Вы будете очень огорчены, если что-нибудь случится со Смитом? Если он будет убит, если он вообще умрет... если..?

Она дышала все чаще и тяжелее. Снова яркие пятна окрасили ее скулы.

— Вы будете очень огорчены? — снова повторил он.

— Нет, я несколько не буду огорчена. Он вполне заслуживает смерти.

— В таком случае вы должны мне сказать, где он в данное время находится. Вам надо знать, что вся моя игра имеет непосредственное отношение к нему лично. И я думаю, что моя игра гораздо серьезнее и важнее вашей, потому что тут идет речь о жизни и смерти. Вот почему я так заинтересован вашей игрой. Я эгоист и, зная, что вы можете помочь мне, обращаюсь к вам за содействием. Обещаю вам свято хранить вашу тайну и, что называется, обработать Мак-Довеля при условии, что вы будете хранить мою тайну и станете помогать мне! Так вот, первым делом ответьте мне на вопрос: где сейчас находится Смит?

Она колебалась только одну секунду и ответила:

— Он уехал из города. Уехал, по его словам, дней на десять.

— Но он не купил билета! Никто не видел, как он сел в поезд!

— Совершенно верно. Он ушел из города, держась вначале берега реки. Несколько пониже его ждал автомобиль. Из автомобиля он намеревался пересест в поезд, который должен был доставить его в Виннипег.

— Угодно вам сообщить мне, почему он поехал в Виннипег?

— Нет, я не могу сказать вам!

Он пожал плечами.

— Но мне необходимо знать это. Я, пожалуй, догадываюсь. Дело идет о вашем брате!

Он снова ошеломил ее, но все же она нашла в себе силы ответить:

— Нет, он не имел в виду встретиться с моим братом.

Он протянул ей руку.

— Мисс Киркстон, я всячески готов помочь вам. От всей души хочу сдержать свое обещание. Надеюсь, что в деле с Мак-Довелем я устрою все, что надо. Но, конечно, я требую, чтобы в ответ вы сделали то же самое по отношению ко мне. Можете вы мне поклясться или просто дать слово, что вы немедленно по возвращении Смита сообщите мне об этом?

— Я немедленно дам вам знать об этом! Вы имеете мое слово!

Их руки слились в крепком пожатии. И, глядя в ее глаза, Кейт понял, что его душевное бремя отнюдь не самое тяжелое. Мириам Киркстон тоже боролась за свою жизнь. Собираясь уходить, он повернулся к ней с порога и сказал:

— Пока мы живем, мы обязаны надеяться. Я почти уверен, что, регулируя мои отношения со Смитом, я одновременно урегулирую и ваши отношения с ним. Это — очень трудное и большое дело, мисс Киркстон, и я приложу все силы к тому, чтобы одержать победу. Я живу теперь только этим. Через десять дней Смит вернется, и тогда...

Он с улыбкой на устах расстался с ней. Мириам, не отрываясь, следила за ним взглядом, она прижала свои тонкие ручки к груди, и в глазах ее загорелась новая мысль, новая надежда. Калитка еще не успела закрыться за ним, как он услышал тяжкий вздох, вырвавшийся из ее груди. Она протянула было руку, чтобы позвать его назад, ибо что-то подсказывало ей, что именно этот человек принесет ей избавление от мук и спасение.

Губы ее едва-едва разжались, и с них сорвался тихий стон:

— Десять дней... десять дней... А что же будет дальше?

Кейт делал все от него зависящее для того, чтобы исполнить обещание, данное мисс Киркстон. Ему было нетрудно убедить Мак-Довеля, что его подозрения относительно Мириам неосновательны, потому что инспектор всей душой готов был верить этому. Он объяснил крайне нервное состояние девушки тем, что Смит причинил много неприятностей ее брату, и прибавил при этом, что все будет урегулировано, как только китаец вернется домой из Виннипега. Услышав это, Мак-Довель взволнованно схватил его руки и со вздохом искреннего облегчения и великой благодарности сказал:

— Но, ради Бога, объясните: почему она мне лично не призналась во всем этом? Почему, Коннистон, она так не доверяет мне?

Кейт был готов ко всему.

— Потому что... — начал он, словно собираясь с мыслями. — Видите ли, Мак-Довель, я сейчас нахожусь в весьма щекотливом положении. Вы должны понять меня и не заставлять говорить больше, чем я могу и смею. Менее всего мисс Киркстон хотела бы посвящать вас во все свои неприятности. Она признается во всем, как только выяснятся первые результаты ее победы. Может быть, тут сказывается ее деликатность, — трудно сказать. Женщина всегда остается женщиной. Она не может рассказать о том, что смущает ее, что заставляет ее стыдиться, человеку, которого она уважает больше, чем всех остальных людей. Она должна сама во всем убедиться, все выяснить и лишь после этого поделится с вами своими переживаниями и рассеет все ваши подозрения. Скажу вам прямо, Мак-Довель, будь я на вашем месте, я определенно гордился бы таким отношением.

Мак-Довель на минуту отвернулся, и Кейт видел, как напряглись мускулы на его шее.

— Может быть, Дервент, вы догадались, а может быть, и просто поняли, в чем дело, — сказал он, все еще стоя лицом к окну. — Надеюсь, конечно, что она этого никогда не узнает... Я слишком стар, стар настолько, что гожусь ей в отцы. Тем не менее я взял себе право следить за ней и не допускать, чтобы кто-либо обидел ее.

Он снова сжал кулаки, а Кейт, стоя позади него, произнес самым сладким голосом:

— У меня такое впечатление, что вы в состоянии поступить точно так же, как когда-то поступил Джон Кейт, который мстил за своего обиженного и замученного отца. И ввиду того, что закон вовсе не всегда знает все, возможен такой случай, что Смит найдет оправдательные для себя аргументы. Но до тех пор, пока она по собственной воле не придет к вам — я говорю о мисс Киркстон, — пока она не придет к вам с сияющими от радости глазами и не поведает вам своей тайны, вы морально обязаны вести себя с ней так, как будто бы вы ничего не видели, ничего не слышали и ни о чем не догадываетесь. Сделайте так, Мак-Довель, а все остальное предоставьте мне!

Кейт удалился, оставив инспектора по-прежнему лицом к окну. Он был убежден, что если ему понадобится ждать Смита целую вечность, то он будет терпеливо ждать до последней минуты и, чувствуя занесенный над головой дамоклов меч, не откажется от намеченного плана, какими бы осложнениями это ему ни угрожало. Правда, он надеялся, что отказ Мириам Киркстон посвятить его в свою тайну и сообщить хотя бы самые незначительные факты превратит симпатию Мэри к ней в полное равнодушие, если не в неприязнь. В этом отношении он должен был разочароваться. Мэри-Джозефина настояла на том, чтобы они пригласили мисс Киркстон на обед в один из ближайших дней. Приглашение было сделано, было принято, и после этого Кейт проникся убеждением, что между обеими девушками произошло нечто такое, чего он не мог ни отгадать, ни изменить. Сознвая это, он покорился неизбежности. Ему

оставалось только ждать Смита.

— Знаешь, что я скажу тебе, — сообщила ему однажды Мэри-Джозефина, — если бы не твое торжественное обещание никогда ни в кого не влюбляться, я признаться, испугалась бы. — Это было поздно вечером, и девушка присела на ручку кресла, в котором сидел «брат». — Это чувство ужаса, признаться, несколько раз овладевало мной, Дерри. Ведь она очаровательна. Кроме того, ты страшно любишь красивые волосы, а у нее просто удивительные волосы. Понимаешь теперь, что...

— Собственно говоря, — спокойно начал Кейт, — я никак не могу припомнить, когда это я дал тебе торжественное обещание не влюбляться. Я заявляю тебе сейчас самым категорическим образом, что я безумно влюблен, влюблен в тебя, Мэри-Джозефина. А что касается волос мисс Мириам Киркстон, то я не променяю единого твоего волосочка на всю ее голову.

Услышав это, Мэри издала коротенький смешок, распустила свои пышные волосы, склонила головку и прижалась ею к плечу Кейта.

— У меня частенько бывают довольно смешные моменты, когда мне кажется, что ты вовсе не брат мне, а... нечто совсем другое... Как странно, не правда ли?

Кейт усмехнулся и был очень рад тому, что волосы девушки скрыли выражение его лица.

В продолжение этих первых, изумительных весенних дней они почти не расставались, если не считать тех случаев, когда Кейт должен был отправиться в город по неотложным делам. В это же время он успел приготовиться ко всем случайностям, которые могли произойти помимо его воли. Прежде всего он занялся материальными делами. По его приблизительному подсчету имущество Кейтов в посту Принца Альберта стоило по крайней мере сто тысяч долларов. Мак-Довель сообщил ему, что до того, как земли перейдут к счастливым наследникам, предстоит довольно сложный судебный процесс. Кейт прекрасно знал, что еще до процесса его личная судьба так или иначе выяснится. Не желая подвергать случайности и опасности Мэри-Джозефину, которая отныне могла рассчитывать только на него, он написал завещание, согласно коему все имущество переходило в полную собственность девушки. Это завещание он подписал: Джон Кейт, вложил его в конверт и неизменно носил при себе, под рубахой. Как Дервент Коннистон, он получил по возвращении в пост Принца Альберта тысячу двести шестьдесят долларов — жалованье за то время, что он находился в отсутствии по делам службы. Двести шестьдесят долларов он положил в карман, а остальную сумму в виде десяти стодолларовых бумажек на глазах Мэри-Джозефины поместил в конверт и вручил ей.

— При тебе они будут в большей безопасности, нежели при мне! — объяснил он свой поступок.

Мэри-Джозефина приняла деньги с видом человека, на плечи которого возложена огромная ответственность.

Эти дни были одновременно полны великой радости и тяжелой горечи. Даже в моменты величайшей радости он чувствовал, как что-то гложет его сердце, гложет с каждым разом все сильнее и мучительнее, и нередко ему казалось, что все его существо сгорает на медленном, испепеляющем огне.

Однажды ему приснился странный сон. Он увидел Коннистона, который подошел к его кровати и разбудил его, а после этого, ехидно смеясь и издеваясь, сообщил ему, что, наградив его сестрой, он чем самым навлек на него проклятие дочерей Акелосуа. Он когда-то слышал об этом проклятии, смутно знал, что оно представляет собой, и, проснувшись в столь поздний час ночи, подумал; что Коннистон был совершенно прав. Он вполне ясно сознавал свое положение. Что бы ни случилось, как бы удачно ни сложились для него в дальнейшем обстоятельства, какую бы победу он ни одержал, все равно Мэри-Джозефина останется для него только сестрой и абсолютно недостижимой. Его сестра! А он любит ее самой настоящей мужской любовью!

На следующий день после этого неприятного сна он вместе с Мэри снова отправился в рошу, в тени которой приютился старый кейтовский дом. Снова они вошли в заброшенное жилище и медленно обошли холодные, мрачные, пустынные комнаты. В одной из них он долго рылся и искал что-то на запыленных книжных полках. Наконец он нашел то, что ему было нужно, и торопливо раскрыл книгу. В книге он скоро отыскал ответ на вопрос, который засел в его голове в первый же момент, как он проснулся и увидел солнце, вселившее в него бодрость и веру в то, что надо и дальше идти вперед. В конце концов дочери Акелоуса проиграли! Улисс сыграл с ними злую шутку и выиграл! А теперь такую же игру должен был играть он, Джон Кейт, играть и обязательно выиграть! Он должен на время стать современным Улиссом!

Выйдя с Мэри-Джозефиной на свежий воздух, он почувствовал твердую, всесокрушающую уверенность. Идя рядом с девушкой, держа ее руку в своей, ощущая ее присутствие всем своим существом, он говорил себе, что вся жизнь есть страшная возмутительная ложь и что нет матери-земли, нет солнца, нет разума во всем окружающем, если в этом мире нет надежды для него, Джона Кейта.

Но он знал, он был уверен, что эта надежда есть! Она была совсем близко, подле него. Она была здесь и дальше, за пределами леса. Она была за границей этих желтых равнин, за самым далеким деревом самого далекого леса, за горами и долами, и главный источник ее находился в сердце гор, которые с прежней силой продолжали манить его. Точно так же, как он мечтал в дни детства и юности, он мечтал о них и теперь, и мечты его были тем прекраснее и жизненнее, что вместе с ним и о том же мечтала Мэри-Джозефина. Он рисовал ей картины будущей жизни, говорил о том, как они будут пробираться вдоль беспредельного Саскачевана, как войдут в новый, их собственный мир, как будут жить в нем, работать, радоваться, искать, побеждать и наслаждаться существованием вдвоем. И Мэри-Джозефина, слушая его с затаенным дыханием, мечтала и строила планы вместе с ним.

В течение одной недели они пережили столько, сколько иной человек мог бы пережить за целый год. По крайней мере, так казалось Кейту, который еще никогда не оставался так долго наедине с женщиной. Отношение ко всему этому Мэри-Джозефины было несколько иное. Она была надолго разлучена с братом, и разлука оказала на нее такое воздействие, что следы его должны были сохраниться на всю жизнь. Но за это время несколько не ослабела ее духовная связь с тем, кто всегда казался ей самым близким существом на свете. Теперь же ей казалось, что ее дружба с братом, что их взаимная любовь сильнее, чем когда-либо, сильнее даже, чем в далекие дни навсегда ушедшей юности. Это объяснялось тем, что они жили теперь в стране, где она никого не знала, где все было чуждо ей и где каждый из них воплощал для другого весь остальной мир и всю его радость.

Джон Кейт все это прекрасно понимал и испытывал двойственное чувство радости и печали. И все чаще и чаще стали повторяться часы, когда им овладевало самое жестокое отчаяние. Тогда он уходил к старому отчому дому, причем Мэри-Джозефина неизменно сопровождала его. Никто из посторонних не имел представления об этих визитах. Там, очутившись наедине, они без конца беседовали о Джоне Кейте, и он неоднократно замечал, какой мягкий и ласковый огонь светился в ее глазах, когда он начинал разговор о «покойном». Она любила память этого человека, потому что ее брат преклонялся перед ним.

Эти часы сменялись ночами, когда правда, скинув маску со своего лица и дерзко улыбаясь, страшным призраком вставала перед ним во весь рост и указывала ему всю глубину его падения и всю шаткость его положения. Его радовало только одно: что Мэри-Джозефина имеет должное представление о нем. Что бы в дальнейшем ни случилось, она знает уже и всегда будет знать, кто такой был Джон Кейт. Ибо он сам, Джон Кейт, рассказал ей обо всем, раскрыл всю правду, насколько это было возможно.

Дни сменялись днями, и ему приходилось все сильнее бороться с новым чувством, которое медленно, но верно росло в нем. Он часто следил за неведомым ему до сих пор выражением в глазах Мириам Киркстон. Часто ему казалось, что в глазах ее горит нечто большее чем надежда. Это была почти уверенность. Она верила ему, верила в его обещание, в его силу и старание во что бы то ни стало помочь ей. И эта вера еще больше усилилась с тех пор, как девушка подружилась с Мэри-Джозефиной, которая, вероятно, убедила ее, что на свете вообще нет ничего такого, с чем не мог бы справиться ее брат. Даже Мак-Довель, которого Кейт раньше считал своим опасным противником, Мак-Довель, обычно очень осторожный и рассчитывающий каждый шаг свой, теперь в свою очередь преисполнился к нему полного доверия и терпеливо ждал возвращения Смита. И эта слепая вера в него мучила и терзала его больше чего-либо другого, ибо он прекрасно сознавал, что какова бы ни была его победа, она все равно будет базироваться на обмане.

На девятый день, к концу ужина, послышался телефонный звонок. Кейт поднялся и немедленно подошел к телефону. Звонила Мириам Киркстон.

— Он вернулся! — коротко объявила она.

И это было все. Она произнесла эти два слова дрожащим голосом. Он ответил и тотчас же повесил трубку, причем знал, что в его лице произошла резкая перемена, когда он повернулся к Мэри. Он сделал над собой невероятное усилие, настолько мучительное, что в глазах девушки немедленно засветился немой вопрос. Он мягко и любовно погладил ее волосы, объяснил, что Смит вернулся и что он сейчас же идет к нему. Войдя в свою комнату, он первым делом вооружился своим автоматическим револьвером, который сунул под пальто.

На пороге, готовый к уходу, он повернулся. Мэри-Джозефина подбежала к нему и положила руки на его плечи. Странное волнение было в ее глазах; в них был вопрос, который она не решалась задать.

Что-то таинственное нашептывало ему, что сейчас наступает самый решительный момент. Что бы ни случилось, к вечеру положение вещей должно было окончательно выясниться! Он обнял девушку, крепко прижал ее к себе, на минуту замер в таком положении, а затем заглянул глубоко в ее глаза.

— Ты любишь меня? — ласково спросил он.

— Больше всего на свете! — прошептала она.

— Поцелуй меня, Мэри-Джозефина!

Ее губки прижались к его губам. Он медленно, неохотно разжал свои объятия. Девушка еще долго стояла на пороге и напряженно следила за ним до тех пор, пока его не скрыл туман, стелившийся у подножья холма. Она еще раз пожелала ему всего хорошего, и он ответил ей. Дверь закрылась. А Кейт продолжал свой путь в город, и ему казалось, что чья-то злая рука вцепилась в его сердце и безжалостно рвет его...

Казалось, все краски сбежали с лица Мириам Киркстон и злые призраки всего света вселились в ее глаза, когда она стояла перед Джоном Кейтом в большой гостиной своего дома на холме.

— Он был здесь десять минут назад, — сказала она, и голос ее звучал так, точно она делала невероятные усилия. — Он успел рассказать мне, что... Если вас постигнет неудача...

— Если меня постигнет неудача?.. — медленно повторил он ее слова.

— Если вас постигнет неудача, то для меня останется только один выход, — сказала она. — Надеюсь, вы понимаете меня?

— Да, я понимаю! И вот почему я постараюсь сделать так, чтобы неудачи не было!

Он отступил от нее на шаг по направлению к двери и повторил:

— Я постараюсь сделать так, чтобы неудачи не было! И когда раздастся телефонный звонок, я надеюсь, что вы будете на месте и немедленно ответите мне.

— Да, я буду здесь! — хрипло сказала она.

Он вышел из комнаты, из дома. Небо над ним было сплошь заткано звездами. Это была белая ночь, одна из тех бесподобных золотисто-белых ночей, которые бывают так прекрасны только в области Саскачевана. Под небом, пламенеющим всеми голубыми огнями, залег живой мир — город, купающийся в золотистом сиянии ночных огней, бросающий в небо тихий рокот, струящиеся волны звуков, голос своей жизни, смягченный расстоянием...

Кейт направился в этот город. На пути своем он встречал мужчин и женщин, смеющихся, беседующих, веселых и возбужденных... До его слуха донеслась музыка. Главная улица представляла собой живую, неустанно движущуюся реку, катившую волны человеческих голов. На каком-то углу примостился небольшой отряд «Армии спасения», состоявший из молодой женщины, пожилого человека, мальчика-калеки, двух юных девушек и старика, которые пели свой гимн: «Ближе к тебе, о Господи!» Напротив биржи, чуть ли не у самой реки, устроился странствующий факир, собравший вокруг себя довольно густую толпу. Со звуками тамбурина «Армии спасения» сливался плач негритянского банджо.

С минуты на минуту должна была решиться его судьба, рок должен был произнести свое вещее слово, и Кейт ни на миг не упускал этого из виду. Город со всех сторон кричал ему о своей радости и триумфе, и эти звуки наполнили его сердце холодным, каким-то беспредметным гневом. Он чувствовал, как на него надвигается что-то неотвратимое, и вместе с тем он не испытывал никакого страха. Его уже не сковывали никакие сны и грезы, и он всецело владел собой. Перед его глазами все еще стояло это белое, нежное горло Мириам Киркстон, в котором безостановочно колотилось измученное сердце.

Он подошел к кафе Смита. За спущенными шторами мягко переливался желтый свет. Он вошел внутрь, и к нему навстречу устремилась бурная волна жизни: ропот голосов, смех, звон граненых стаканов, аромат папирос и нежнейший запах чего-то похожего на ладан. И только в последнюю минуту он увидел все того же, похожего на сфинкса, Мидлэнда, который, казалось, за истекшие девять дней ни разу не сдвинулся с места, стоял на обычном посту, с обычной же папиросой в зубах.

Кейт прямо направился к нему. На этот раз Мидлэнд при виде его выразил на своем лице приветливую улыбку, уронил на черепичный пол свою папиросу и отвесил очень вежливый поклон.

— Я хотел бы повидать мистера Смита! — заявил Кейт.

Он был почти готов к тому, чтобы получить решительный отказ, и в таком случае решил

про себя воспользоваться своими правами официального лица. Но Мидлэнд, казалось, нисколько не удивился ни его приходу, ни заявлению. Напротив, он немедленно проявил расторопность, которая убедила Кейта, что Смит ждет его.

Они прошли за какую-то ширму, затем — за вторую, третью, и у Кейта в конце концов создалось впечатление, что этим ширмам нет предела. Наконец они остановились перед какой-то панелью, и Мидлэнд нажал на черное горло длинноногой птицы с лебединой шеей и огромными крыльями. Невидимая дверь тотчас же подалась в сторону, и они вошли в темную комнату. Мидлэнд повернул такую же невидимую кнопку и открыл свет. Вдоль узкого коридора, шириной в десять футов, они дошли до следующей двери, которую Мидлэнд немедленно открыл. После чего с улыбкой на устах он предложил Кейту пройти вперед.

— Пожалуйста наверх! — сказал он.

Кейт увидел небольшую лестницу, которая вела наверх, и едва только он поднялся на первую ступеньку, как услышал мягкий шум закрывшейся за ним двери. Мидлэнд, очевидно, не считал нужным дальше провожать его.

Кейт медленно и осторожно продолжал подниматься по лестнице, в конце которой он разглядел еще одну дверь. Открыв ее, он услышал, как Мидлэнд захлопнул за собой нижнюю дверь. Он снова очутился в лабиринте ширм, который прошел, по-прежнему не торопясь и внимательно оглядываясь по сторонам. Войдя за последнюю ширму, он увидел картину, которая привела его в немалое изумление. Он очутился в большой комнате, которая имела по меньшей мере пятьдесят футов в длину и тридцать в ширину и была обставлена с исключительной роскошью. Ноги Кейта утопали в диковинных бархатных коврах. На стенах висели такие же богатые шелковые ковры, расшитые золотыми, коричневыми и малиновыми нитками. Вся комната была заполнена резными столами, глубокими плюшевыми диванами и роскошными восточными креслами и софами.

Пожалуй, и двух минут не прошло с тех пор, как Кейт явился сюда непрошеным гостем, как какая-то фигура с быстротой и ловкостью кошки вскочила со своего места, повернулась лицом вперед, приветливо улыбнулась, поклонилась и даже протянула руку.

— Добрый вечер, Джон Кейт! — произнесла она, и Джон Кейт сразу же признал Смита. — Добрый вечер, Джон Кейт!

Он уже подошел совсем близко, протянул руки, улыбаясь и выражая дружеское внимание каждым своим движением. И при всем том в его голосе чувствовались нотки хищного зверя, терпеливо поджидающего свою добычу, а в глубине глаз читалось явное торжество победителя.

Кейт не пожал протянутой руки. Он сделал вид, что не замечает ее, и все время напряженно смотрел в сияющие, доверчивые глаза Смита.

Смит грациозно махнул рукой в сторону стола, по обеим сторонам которого стояли кресла, затем сел за стол, не дожидаясь Кейта, который тотчас же последовал его примеру. Очевидно, он догадался, что Кейт явился сюда с определенным намерением убить его.

— Джон Кейт, вы будете отчаянным глупцом, если выполните то намерение, с каким явились сюда! — сказал он выразительно. — Давайте лучше работать как настоящие друзья! Будем друзьями. Уверю вас, что так гораздо лучше для обеих сторон. Будем друзьями.

Создалось такое впечатление, точно Смит с совершенно непостижимой быстротой сорвал маску со своего лица. Кейт, приготовившись к борьбе и решив про себя обязательно выполнить то, что он считал нужным при сложившихся обстоятельствах, несколько оторопел.

Лицо Смита сразу приняло серьезное выражение. Мало того, Кейту даже показалось, что он прочел в его взоре определенную тоску, в которой теплилась надежда. Кейт не был уверен в этом, но лицо Смита его поразило.

Смит не протягивал ему больше руку. Он чувствовал презрение гостя и вполне ясно сознавал, что происходит у того в душе.

— Подождите минуту! — произнес он и отошел к резному столику, стоявшему совсем близко.

Он тотчас же вернулся назад со свернутым пергаментом в руках, снова сел против Кейта и прямо посмотрел в его глаза. Несколько секунд длилось полное молчание. Наконец Смит сказал:

— Мы с вами, Джон Кейт, люди! Помните это!

Его голос звучал спокойно и мягко. Конусообразные пальцы с безупречно наманикюренными ногтями развернули пергамент.

Это был университетский диплом. Кейт внимательно посмотрел на него.

— Вы видите мой университетский диплом, — произнес Смит. — У меня имеется ученая степень.

Старания Кейта сказать что-нибудь не привели ни к каким положительным результатам. Он просто не находил слов. А Смит, снова свернув пергамент, облокотился на стол, и голос его звучал спокойно и бесстрастно:

— Я сразу же, как только вошел в контору Мак-Довеля, узнал в вас Джона Кейта. Я ни на миг не обманывался насчет того, что вы — не Дервент Коннистон. Меня вам не удалось обмануть. Я подумал, что, быть может, вы убили Дервента Коннистона, но я вас ни о чем не расспрашивал, потому что всегда ненавидел этого человека. Несомненно, если бы он вернулся сюда, я рано или поздно убил бы его. Вне всякого сомнения! Джон Кейт, с первого же дня нашей встречи вы были обреченным человеком. А теперь разрешите задать вам несколько вопросов. Почему я тотчас же на раскрыл обман? Зачем я веду себя так все время? Почему я дорожу вашей жизнью, которую стараюсь все время спасти? Вы можете догадаться?

— Отчасти, — ответил Кейт. — Продолжайте, прошу вас!

Он ни минуты не думал о том, чтобы отрицать заявление Смита. Тем самым он признал, что он — Джон Кейт. Отрицать это было бы сущим безумием, напрасной тратой времени, а именно теперь он ничем на свете не дорожил так, как временем.

Быстрый, изменнический и проворный ум Смита тотчас же учел создавшееся положение. Он одобрительно покачал головой в ответ на слова Кейта.

— Очень хорошо, Джон Кейт! — заметил он. — Повинуюсь вам и продолжаю. Я полагаю, что вы понимаете меня, и рад этому. Ваша жизнь всецело находится в моем распоряжении. Я могу спасти вас, но могу точно так же и погубить. И, наоборот, то же самое можете вы сделать со мной. Вы можете оказать мне жизненно важную услугу. Помогите мне, и я в ответ сделаю все возможное для вас. Я полагаю, что эта взаимная помощь будет одинаково выгодна нам обоим. Мы оба будем счастливы, ибо у вас останется сестра Дервента Коннистона, а я... получу мою золотоволосую богиню Мириам Киркстон!

— Это именно то, что я предполагал! — воскликнул Кейт. — Продолжайте вашу речь.

На один только момент Смит, казалось, задумался и оставался в нерешительности. Он напряженно вглядывался в холодное, суровое и непроницаемое лицо своего гостя.

— Вы любите сестру Дервента Коннистона, — продолжал он голосом, который с каждым словом становился все тише и мягче. — А я... искренне люблю мою золотоволосую богиню. Вот видите! На этой стене я укрепил ее портрет и прядь ее чудесных волос и поклоняюсь равно одному и другому.

Лицо Кейта становилось все холоднее и суровее по мере того, как он вглядывался в глаза Смита, горевшие мрачным и вместе с тем страстным огнем. Моментами ему становилось определенно противно. Это была не любовь, а нечто ужасное. Это было сущее безумие, но человек, сосредоточивший в себе это безумие, владел своим разумом. Он был чудовищем. Чем сильнее горели его дьявольские глаза, тем тише и мягче становился его голос.

Кровь Кейта была как огонь, но голос его был холоден как лед.

— Продолжайте!

Теперь уже не было места никакой ошибке. Смит совершенно правильно учел холодное, абсолютно бесстрастное выражение лица врага. Глаза его еще больше сузились.

— Я говорил с вами так искренне только в надежде на то, что мы станем работать вместе, как добрые друзья! — закричал он. — Но я вижу, что на этот раз я ошибся! Это не так! Вы, по примеру моей золотоволосой богини, ненавидите меня! И она ненавидит меня, но все же она моя и будет моя!

Он вдруг вскочил на ноги и начал размахивать руками.

— Вы только взгляните на то, что я приготовил для нее. Она придет сюда и здесь будет жить. Здесь она отдаст мне свою душу и свое божественное тело. И вы ничего не можете сделать против этого, и она сама ничего не может сделать, и весь мир не может помочь вам. Это так. Еще сегодня вечером она придет ко мне!

— Сегодня?! — вскричал Кейт.

Он в свою очередь вскочил на ноги. Лицо и глаза его горели мрачным огнем. А Смит продолжал кружиться вокруг него.

— Вы видите: все свечи зажжены в честь ее. Здесь все ждет ее прихода. И сегодня ночью, когда весь город будет покоиться в мирном сне, она пожалует ко мне. И важнее всего то, что именно вы, Джон Кейт, заставите ее прийти ко мне!

Глядя в дьявольские глаза существа, которое было уже не человеком, а сущим чудовищем, Кейт удивлялся тому сравнительному спокойствию, что владело им.

— Да, да, — повторил Смит, — именно вы принудите ее отдаться мне телом и душой. Следуйте за мной! Я покажу вам, как и почему вы сделаете это!

Он скользнул к стене. Его рука коснулась панели. Он открыл незаметную до сих пор дверь и повернулся к Кейту.

— Идем! — приказал он.

Кейт, затаив дыхание, готовый душой к самому страшному открытию, а телом — к самым решительным действиям, последовал за хозяином дома.

Они прошли узкий коридор, а затем через дверь, которая, казалось, была сделана из плотно укатанной шерсти, проникли в едва-едва освещенную комнату. Кейт покорно следовал за Смитом. Другого выхода из этой комнаты не имелось. Это было почти квадратное помещение с низким потолком и теряющимися во мраке стенами. Но здесь находилось человеческое существо, о присутствии которого Кейт мог только догадаться по тяжелому табачному запаху. В первую минуту глаза его никак не могли уловить физического присутствия этого человека, и лишь после того как он несколько освоился с окружающей темнотой, он разглядел слабый желтый свет, а вслед затем и лицо.

Это было призрачное, страшное лицо, одутловатое, со свисающей кожей и глубоко впавшими, больными глазами, которые горели как живые угли и производили чрезвычайно тяжелое, неприятное впечатление. Кейт не сразу увидел человеческое тело, огромное, жирное, неповоротливое, выпирающее за пределы стула, на котором оно находилось.

Смит подошел совсем близко к тому, что казалось человеком, поклонился и обратился к Кейту:

— Джон Кейт, разрешите мне представить вам Питера Киркстона!

В первую секунду сильнейшее изумление Кейта выразилось резким криком, который он никак не мог сдержать. Он сделал шаг вперед. Да, в этой жалкой человеческой развалине он признал Питера Киркстона — брата Мириам Киркстон!

В то время, как он стоял так, совершенно безмолвно, Смит сказал:

— Питер Киркстон, вам, должно быть, известно, с какой целью я привел сюда этого человека! Вы знаете также, что это — не Дервент Коннистон, а Джон Кейт, убийца вашего отца! Так ли я говорю?

Жирные губы зашевелились. Хриплый голос произнес:

— Да, Так!

— Он не желает верить моим словам. Вот почему я привел его сюда. Я хочу, чтобы он услышал это от вас. Питер Киркстон, вы определенно желаете, чтобы ваша сестра, Мириам Киркстон, стала сегодня моей женой?

Снова зашевелились жирные губы. На этот раз Кейт разглядел, каких усилий стоило это молодому человеку, и он задрожал от ужаса и отвращения. Он нисколько не сомневался, что и вопросы и ответы были заранее составлены и проштудированы. Перед ним находился обреченный человек, от которого можно было добиться всего.

Тот же хриплый голос произнес:

— Да, желаю!

— Почему вы желаете этого?

Страшное лицо Питера Киркстона искривилось. Он взглянул на Смита, глаза которого горели в этой темной комнате, как у змеи.

— Желаю, потому что от этого зависит моя жизнь.

— А почему от этого зависит ваша жизнь?

Наступила короткая пауза, после которой брат Мириам с видимым усилием произнес:

— Потому что... я убил человека!

Смит снова поклонился и решительно повернулся к двери.

— Это все, Питер Киркстон, что мы желали узнать от вас лично! Спокойной ночи! Джон Кейт, угодно ли вам последовать за мной? Здесь нам больше нечего делать!

Не произнеся ни слова, Кейт немедленно отозвался на предложение и по узкому коридору

прошел в ту же большую, пышную комнату, в которой горели многочисленные свечи, и уселся за тот же стол, накрытый к чаю. Ему казалось, что все его тело покрылось холодным липким потом. Он занял свое прежнее место, и напротив него сел Смит.

— Теперь, Джон Кейт, вам известно, на каком основании я действую. Питер Киркстон — убийца, причем убийство свое он совершил самым спокойным, заранее обдуманном образом. Только Мириам Киркстон и ваш покорный слуга знают эту тайну. Для того, чтобы купить тайну и тем спасти жизнь обожаемого брата, золотоволосая богиня, мисс Мириам Киркстон, согласилась стать моей. Я хочу сказать, что она почти согласилась. Окончательное решение она примет сегодня, после того, как вы, расставшись со мной, побываете у нее. Надеюсь, что вы повлияете на нее, и она придет! Она должна прийти сегодня ночью. Я несколько не сомневаюсь, что все случится именно так, как я наметил. Как вы изволите видеть, я приготовил для нее освещение «а гюгпо» и свадебный ужин. О, она придет! Если же она не сделает этого, если она не подчинится моему желанию, завтра рано утром Питер Киркстон и Джон Кейт будут преданы в руки правосудия, то есть палача!

Кейт, несмотря на овладевший им ужас, вполне сохранил внешнее спокойствие. Он отдавал себе ясный отчет в создавшемся положении и прекрасно понимал, что никакие убеждения и слова в данном случае не помогут, как не помогут и всевозможные увертки. Смит держал в руке, козырную карту и этой рукой, казалось, припер его к самой стенке. Перед Кейтом стояла альтернатива, с которой он не мог не считаться. Во-первых, он обязан бежать немедленно, бросив на произвол судьбы Мэри-Джозефину. Во-вторых, он должен изменить мисс Мириам Киркстон, с которой заключил определенное соглашение чисто морального характера. Конечно, это были не его собственные заключения! Так за него решил Смит, который, очевидно, полагал, что никакого другого выхода у его противника нет. Ход мыслей Смита в этом направлении был еще не совсем ясен Кейту.

И голос его, и лицо были холодны и спокойны, когда он стал отвечать Смицу. Казалось, он подавил в себе все, что имело малейшее касательство к душевным эмоциям, и слова его, как мертвые, падали в воздух. И только он сам, прислушиваясь к собственному голосу, понимал их истинный смысл. Внутри он был холоден, холоден как лед, и не отрывал взора от брачного ложа, на которое в самом непродолжительном времени должна была взойти жертва. Действительно, Смит приготовил все вплоть до зажженных свечей, и недоставало только одного — невесты...

— Я все вижу и понимаю, — начал Кейт. — Это просто-напросто торговая сделка! Я говорю, что вы предлагаете мне заключить с вами торговую сделку. Вы предлагаете мне мою собственную жизнь в обмен на мисс Мириам Киркстон! Ведь так я вас понял?

— Даже больше того, Джон Кейт! Я нахожу, что приобретаю сравнительно мало, и все же награда эта очень велика, потому что я получаю в полную мою собственность золотоволосую богиню. Она для меня значит больше, чем для вас — сестра Дервента Коннистона! Вы подумайте о том, что я даю вам эту девушку, дарю вам вашу собственную жизнь, а также жизнь Питеру Киркстону, и все это только за одну мисс Мириам Киркстон! Кто же из нас больше выгадывает!

— Только за нее одну! — повторил Джон Кейт.

— Только за нее одну! — в таком же тоне ответил Смит.

— И я, Джон Кейт, по какой-то причине, которая до сих пор неведома мне, должен лично вручить вам эту несчастную жертву?

— Совершенно правильно!

— Скажите, пожалуйста, а что будет, если я убью вас на том же самом месте, где вы сейчас находитесь?

Смит пожал своими худыми плечами, и Кейт услышал тот самый, тихий, булькающий смешок, который напоминал Мак-Довелю переливающееся масло.

— Я предвидел такой поворот дела. Все, что надо, изложено на бумаге. Если что-нибудь такое приключится со мной, то мои послы немедленно отнесут бумажку по принадлежности. Причинив мне неприятность, вы тем самым подпишете себе самому смертный приговор. А кроме этого, вы не выйдете живым из моего дома. Итак, я несколько не боюсь вас.

— А как я должен передать вам мисс Мириам Киркстон?

Смит подался несколько вперед, и пальцы его перевились.

— А, Джон Кейт, теперь вы задаете уже вопрос: как! Это очень хорошо! Мы будем с вами друзьями, мы будем работать с вами, как настоящие друзья, потому что вы, несомненно, мудрый человек. Все настолько легко, что вы сами, в конце концов, удивитесь, насколько это просто. Десять дней назад мисс Мириам была вполне готова принять мои условия. Вдруг явились вы. С того самого момента, как она увидела вас в конторе Мак-Довеля, все круто перевернулось. Почему? Я не знаю и ничего по этому поводу не могу сказать. Может быть, тут действовала та причина, которую вы называете интуицией. Может быть, вы были единственным человеком, который погнался за убийцей ее отца. Ничего не знаю и не могу вам сказать. Я видел ее в тот вечер, когда она ждала вас. Я был у нее незадолго до вашего прихода и сразу же обратил внимание на новую искру в ее глазах. То были искры надежды, дикой, нелепой надежды. Я понял это и сознательно дал вам знать о себе, оставив кой-какие следы моего пребывания. После этого я удалился из города, зная, что за время моего отсутствия все ее надежды сконцентрируются только на вас, что всю свою жизнь и смерть она поставит только в зависимость от вас и что в конце концов... ваше слово приведет ее ко мне! И это самое слово вы должны будете произнести сегодня вечером. Все ваши надежды разбиты, и вам остается одно: пойти к ней и сделать то, что я вам предлагаю. Вы должны сказать ей, что нет уже такой силы на свете, которая могла бы спасти ее, и что Смит хочет сделать ее принцессой, и что завтра уже будет слишком поздно, и что сегодня ночью сделка должна быть окончательно заключена. И тогда она придет ко мне! Тем самым она спасет от виселицы своего брата, а вы, приведя ее сюда, спасете от той же виселицы некоего Джона Кейта, который получит полную возможность жениться на сестрице Дервента Коннистона. Так вот, в конце концов, я спрашиваю вас, не находите ли вы, что я слишком мало требую за такую великую услугу?

Теперь наступила очередь Кейта смеяться, глядя Смиту в глаза, но смех этот несколько не смягчил решительного и твердого, как камень, выражения его лица.

— Смит! — сказал он. — Вы — дьявол! Я думаю, что для ваших подлых ушей это звучит почти как комплимент. Вы прогнали до самой глубины той скверной штуки, которая бьется у вас вместо сердца. Вы — змея, начиная с цвета кожи и кончая мельчайшим фибром вашего существа. Я пришел к вам в надежде на то, что как-нибудь удастся мирным путем положить конец всей этой отвратительной кутерьме, которую вы затеяли. Признаюсь, про себя я решил, если надо будет, не останавливаться перед убийством. Но теперь я решительно отказываюсь от этого плана. Я нашел лучший путь. Ровно через полчаса я буду у Мак-Довеля и побью вашу карту тем, что чистосердечно признаюсь инспектору во всем, заявив прежде всего, что я — Джон Кейт. И, не медля ни минуты, расскажу ему еще историю Мириам Киркстон от первой до последней страницы. Я расскажу ему все, и завтра же все население Принца Альберта встанет как один человек, выкурит вас из этой норы и убьет, как суслика. Вот вам мой ответ! Вы слышите, дьявол! Я умру, умрет и Питер Киркстон, но мисс Мириам Киркстон не попадет в ваши лапы. Будьте уверены!

Смит был поражен. Он увидел человека, определенно посягающего на его жизнь. Такого мастерского хода в финале игры он не предвидел. За минуту до того победитель, он выглядел

теперь как человек, который потерпел самое ужасное поражение. Ему вдруг показалось, что вокруг него с адским грохотом рушится весь мир, что ушла вся мощь его и жизнь повисла на волоске.

В лице Кейта он нашел подтверждение всех его слов. Такой человек не шутит! Он действительно может пойти к Мак-Довелю и рассказать тому всю правду! Человек, который так много пережил и так много сделал во имя спасения собственной жизни, не остановится ни перед чем, решив спасти жизнь другого! Это было непонятно ему, но тем не менее он не сомневался, что Кейт поступит согласно своим словам. Для этого достаточно было посмотреть в его глаза и на его бесстрастное, серое, холодное лицо, хранившее такое же неумолимое выражение, как и любой китайский каменный бог...

Произнося эти слова, которые окончательно сводили на нет все планы врага, Кейт скорее чувствовал, чем видел, как от его заявления резко изменилось лицо Смита. На одну секунду дьявольские глаза расширились, выразив все удивление и всю растерянность, вызванные сопротивлением Кейта, но тотчас же ресницы начали медленно соединяться до тех пор, — пока между ними не остался узенький, мрачный и грозный просвет, сосредоточивший в себе всю силу змеиного яда. Смит стремительно вскочил на ноги и напружившейся рукой выхватил револьвер из кармана. И в тот момент он издал резкий крик.

Кейт немедленно отскочил назад. Ядовитая угроза в глазах Смита заставила его все время держаться начеку, и поэтому он почти параллельно со Смитом выхватил из кобуры свой автоматический кольт. Ответ на призыв хозяина последовал немедленно. Панель отскочила в сторону, ширмы зашевелились, ковры заколыхались, точно волны под ветром, и слуги Смита, как стая расшвирипевших волков, набросились со всех сторон на Кейта. У него не было времени подсчитать число врагов, ибо все его внимание сосредоточилось на револьвере главного противника. Он увидел, как в сиянии свечей сверкнула серебряная насечка рукоятки, а вслед затем дуло изрыгнуло огонь и дым. Однако шум выстрела потерялся в грохоте автоматического кольта, который выбросил целую волну свинца и пламени. Он увидел еще, как маленький револьвер упал на пол, а за ним, сложившись как перочинный ножик, скатился Смит. Не теряя ни секунды, чувствуя, что его мозг объят огнем безумия, он повернулся к остальным врагам, снова выстрелил и стремительно подался к дверям. Вдруг что-то схватило его сзади за шею, почти свернуло набок голову, чуть-чуть не вырвало ее из плеч и бросило на пол.

Он выронил свой кольт. Тяжесть насевших тел окончательно пригнула его к земле. Чьи-то руки вцепились в его горло. Он чувствовал горячее дыхание и слышал крики. С потрясающей силой им овладело безумие ужаса, того самого ужаса, который охватил Лаокоона и его сыновей, когда они очутились в могучих кольцах гигантской змеи. Он уже не видел борющихся, в смертельной схватке сцепившихся людей. У самого горла своего он наткнулся на чью-то руку и сломал ее, как палку. Он вдруг почувствовал прилив совершенно невероятной мощи и такой же ярости и проявил столь удивительную энергию, что в конце концов сбросил с себя всех противников, облитый кровью, вскочил на ноги и снова ринулся к дверям. Открыв двери и выскочив за порог, он на сотую часть секунды оглянулся назад, и у него осталось впечатление, что только два человека вслед за ним поднялись с пола.

Очутившись в узеньком коридоре, он оставался в нерешительности не больше одной секунды. Внизу, у подножья лестницы, он заметил огни — там были люди. Он знал, что весь залит кровью и что платье на нем разорвано почти в клочья. Поэтому о бегстве в этом направлении не могло быть и речи. На противоположном конце коридора он заметил портьеру и почему-то решил, что за ней должно быть окно. Стремительным движением он сорвал портьеру и убедился в своем предположении. В следующую секунду он вышиб плечом окно и почувствовал, как ночная прохлада ударила ему в лицо.

Дверь за ним все еще оставалась закрытой, когда он выскочил через подоконник на небольшую площадку, с которой спускалась вниз узенькая лестница. Он помедлил, желая удостовериться в том, что враги не делают никаких попыток к преследованию, затем стал спускаться по ступенькам, причем в это время поймал себя на том, что он угрюмо посмеивается. Они получили по заслугам!

Выйдя в одну из аллей сада, он снова остановился. Холодный ветерок овеивал его лицо, и благодаря этому ощущению он совершенно освободился от чувства ужаса, которое не оставляло его ни на секунду во время борьбы. Снова им овладело то же спокойствие, с которым он беседовал полчаса назад со Смитом. Смит был убит. Он был абсолютно уверен в этом. И вот почему он дорожил каждой минутой.

В конце концов, такова была воля судьбы! Он играл по всем правилам, вполне честно, и не его вина, если в результате он проиграл.

Еще одна вещь не была доведена до конца, и Кейт не сомневался, что будь здесь Дервент Коннистон, он закончил бы ее. И он решил сделать то же самое. Теперь, собственно говоря, нет необходимости в том, чтобы пойти к Мак-Довелю и признаться ему во всем. Ведь Смит умер, а Мириам Киркстон избавлена от своего преследователя! Теперь он имеет полное право заботиться о собственном спасении и благополучии. Но при одном условии: Мэри-Джозефина должна знать все! И он лично обязан ей признаться! В этом заключается последний ход его честной игры!

Никто не заметил его в то время, как он пробирался по закоулкам, направляясь к своему дому. Через четверть часа он уже подошел к склону холма, посмотрел вверх и увидел, что «хата» освещена и что шторы подняты для того, чтобы облегчить ему подъем в гору. Видно было по всему, что Мэри-Джозефина ждет его.

Снова он констатировал в себе странное спокойствие, которое было так характерно для всей этой трагической ночи. Он сделал было попытку стереть кровь с лица, но это не вполне удалось ему; окровавленный, он вошел в дом, и Мэри-Джозефина тотчас же обратила внимание на его раны. Он был без шляпы. Волосы его в беспорядке рассыпались во все стороны. Горло и часть груди были открыты, почти все платье разорвано в клочья. Девушка смертельно побледнела, бросилась к нему, протянула вперед руки, но он решительным жестом отстранил ее от себя и неторопливо сказал:

— Очень прошу тебя, Мэри-Джозефина... подожди немного...

Она замерла на месте, и сама не могла бы в точности ответить, что именно остановило ее: странный ли тон его голоса, суровое ли выражение серого, окровавленного лица или же что-то повелительное во всем его существе. Он быстро прошел мимо нее и направился к телефону. Ее губы дрогнули, она хотела что-то сказать и одну руку судорожно поднесла к горлу.

Он произнес номер телефона Мириам Киркстон. И только в эту минуту она заметила кровь на его руках. Послышались неясные звуки: кто-то отозвался в квартире Киркстонов, и после этого раздался почти спокойный голос Кейта:

— Смит умер!

И это было все. Он повесил трубку и повернулся в ее сторону. С коротким криком она бросилась к нему:

— Дерри... Дерри!

Он слегка подался назад и указал ей на большое кресло, которое стояло у камина.

— Сядь, Мэри-Джозефина!

Она медленно повиновалась. Она была так бледна, что, глядя на нее, Кейт не верил, что у живых людей могут быть такие бледные лица. Не торопясь, он рассказал ей все, буквально все, от начала до конца. Мэри-Джозефина не проронила ни слова, ни звука, и, казалось, сидя в

кресле, делалась все меньше и меньше по мере того, как он продолжал свой страшный рассказ про ложь, которая началась с тех пор, как Джон Кейт и Дервент Коннистон поменялись именами в маленькой хижине в Баррене. Он не скрывал ничего, понимая, что видит девушку в последний раз. Он так и говорил ей, а она сидела все такая же смертельно-бледная, с громадными, шире, чем всегда, раскрытыми глазами, с беззвучно вздрагивающими губами и крепко прижатыми к груди руками. Она сидела так и слушала рассказ про великую ложь и про столь же великую любовь.

Даже после того, как он кончил свою печальную повесть, она не сделала ни малейшего движения, не произнесла ни единого слова. А он еще раз пристально посмотрел на нее, повернулся, пошел в свою комнату, тщательно запер дверь и открыл огонь. Он быстро собрал и уложил все необходимое и, когда все было готово, на клочке бумаги написал следующее:

«В тысячу первый раз я повторяю, что люблю вас. Простите меня, если можете. Если же не можете и не желаете простить, дайте немедленно знать Мак-Довелю, и закон найдет меня в стране наших грез, там где начинается река.

Джон Кейт».

Это последнее послание он оставил на столе для Мэри-Джозефины. На одну минуту он замер на месте, прислушиваясь к тому, что происходит за дверью. Но по ту сторону не было слышно ни малейшего звука. Тогда он спокойно поднял окно, через которое к нему проник Смит.

Через минуту он стоял снаружи, под мерцающим светом бриллиантовых звезд. Едва-едва доносился до него слабый гул городских улиц — отзвуки жизни, радости, смеха и счастья...

Он повернулся лицом к северу. Внизу, у подножья холма и дальше, по другую сторону полей, залегли леса. И медленно, в том же мерцании далеких звезд, он побрел туда, где всегда находили и временный и вечный приют все отверженные и гонимые.

Ориентируясь на звезды, он упорно и планомерно подвигался на северо-запад. Довольно долго он пробирался вдоль дремучего леса, населенного могучими деревьями, ветви которых неустанно стегали его по лицу, время от времени выходил на лесные прогалины, шел запущенными дорогами, иногда наталкивался на одинокие хижинки, совершенно мертвые в полуночном мраке, и снова углублялся в лес. Два раза подряд какой-то холостой, одинокий пес, почуяв посторонний запах в воздухе, завыл на звезды. Однажды Кейт услышал мужской голос, который поднялся до крика и мгновенно замер, оборвавшись в вышине. Дорога становилась все тяжелее и утомительнее. Он дошел до глубокого и широкого болота, которое сразу признал, так как когда-то неоднократно бывал здесь. До того, как погрузиться в это болото, он вынул часы и компас и поднял их над своей головой. Потребовалось около двух часов для того, чтобы перебраться на другую сторону. Из болота он вышел в первобытный густо заросший лес и здесь сразу почувствовал глубокое облегчение. Снова лес оставался его единственным другом на свете.

Он не давал себе отдыха. И мозг и тело требовали действия, причем страх уже перестал играть роль главного импульса. Он вообще уже не чувствовал страха, который непонятно когда умер в нем. Нет, какой-то другой импульс вселял в него неустанную, крепкую энергию, и импульс этот был его собственная жизнь! Он почти бессознательно подчинялся какому-то велению, а веление это говорило ему, что он должен до поры до времени проявлять максимум старания и усилий.

Он избегал ослепления, отдавал себе вполне точный отчет в том, что он сделал, как и в том, что его ждет впереди. Он был дважды убийцей, и каждое его убийство избавляло мир от подлой змеи. Последнее его деяние было еще лучше первого. Даже Мак-Довель признал бы его полную правоту! А что касается мисс Мириам Киркстон, то на коленях, с воздетыми к небу руками она должна благодарить его за то, что он сделал для нее. Но канадские законы совершенно иначе смотрят на вещи и в этом отношении радикально отличаются от законов, выработанных более южными провинциями. В конце концов, если бы власть простила ему убийство Смита, она тяжко покарала бы его за судью Киркстона.

Он подумал о том, что, в конце концов, никто, даже Мэри-Джозефина, не поймет, не учтет вполне той жертвы, которую он принес ради спасения Мириам Киркстон, дочери человека, убитого им же. И та же Мэри-Джозефина никогда не узнает, как глубоко он любит ее...

Он удивился, поймав себя на том, что снова, как и в прежнее время, беседует сам с собой, как с совершенно посторонним человеком. Удивило его еще собственное спокойствие, с каким он принял тот факт, что его возвращение в мир носило характер самой кратковременной интерлюдии в его бродяжнической жизни. Он вначале не совсем ясно понимал свое душевное состояние, не знал, что его спокойствие — это спокойствие отчаяния, более страшного, чем непосредственная угроза палача.

«Они не поймают меня! — успокаивал он самого себя. — Она никогда не расскажет им, куда я бежал. Нет, нет, она никогда не сделает этого. Не такой она человек!»

Он обратил внимание на то, что без конца повторял про себя эту фразу: «Мэри-Джозефина не предаст меня!» И он сам понимал, что повторяет эти слова вовсе не потому, что твердо убежден в них, а только потому, что хочет подавить, погасить, затоптать другую мысль, которая мучительно ворошится в его мозгу. И мысль эта твердила ему: «Она ненавидит тебя, и вот почему она воспользуется первой возможностью для того, чтобы указать, куда ты бежал!»

Кейта больше всего мучила не боязнь того, что девушка выдаст его, и, следовательно, он

будет наказан по всей строгости закона, а мотив, по которому Мэри-Джозефина поступит именно так, а не наоборот. Она будет руководствоваться ненавистью! Ненависть заставит ее выдать его. Он делал над собой невероятные усилия для того, чтобы не видеть ее такой, какой она представилась его взору в последние минуты их свидания: в кресле, согбенной, оскорбленной, разъяренной, видящей уже в нем не возлюбленного брата, а втирушу, мошенника, преступника, от которого можно было ждать, что он убил Дервента Коннистона с целью использовать его имя, место и привилегии. В конце концов, это предположение ничего противоестественного в себе не заключало. Это было так просто, так возможно.

«Но она никогда не сделает этого! — говорил он себе. — Никогда, она не способна на это!»

Вот с чем он боролся теперь, и победа в этой борьбе значила для него гораздо больше, чем свобода. Он жаждал, чтобы Мэри-Джозефина отныне жила с ним, а не с Коннистоном! Он готов был отдать все, чем владел, вплоть до жизни, за то, чтобы с ним был здесь дух ее, чтобы он слышал ее прелестный голос в шорохах ночи, видел ее лицо в огнях его одинокого сиротского костра. Ему нужна была Мэри-Джозефина, та самая Мэри-Джозефина, которую он знал до сих пор...

Вот почему он так яростно душил возмутительный голос, копошившийся в нем, вот почему он так сжимал кулаки и в эти томительные ночные часы боролся так, как только может бороться человек за нечто большее, чем сама жизнь.

Мало-помалу стали блекнуть звезды в небе; занималась заря. Кейт всегда отличался выносливостью, и теперь больше чем когда-либо проявилась его неутомимость. Он не чувствовал ни малейшей усталости, продолжал свой путь в слабых, утренних сумерках, предшествовавших дневному свету, и первые солнечные лучи были свидетелями того, как он той же твердой, решительной походкой прокладывает дальше дорогу к северу. Пост Принца Альберта к утру находился на расстоянии тридцати миль к югу и востоку.

Он остановился наконец на берегу небольшого озера и впервые за все время снял с плеч поклажу. Он был искренне рад, что, предвидя такое неожиданное бегство, вчера утром приготовил в нужном количестве съестные припасы.

— Мы ничем не рискуем, если на всякий случай запасемся провизией в дорогу! — сказал он полушутя Мэри-Джозефине, и девушка сделала все, что было нужно, ибо она искренне и глубоко любила того, кого считала своим братом.

Ему было очень трудно проглотить сало, которое вдруг комком стало в его горле. Любовь и сало! Как смешно и глупо! Он хотел рассмеяться, в то же время хотел закричать, и странный, полузадушенный крик сорвался с его губ.

Тем не менее он хорошо позавтракал, отдохнул пару часов и пошел дальше. Размеренным, спокойным шагом он шел в продолжение всего дня, а ночью сделал следующий привал.

За десять дней, протекших с тех пор, как он убил Смита, он совершенно пропал из виду. Он старался избегать случайных трапперов и индейцев. Он остриг бороду и каждый день брился. Мэри-Джозефина не выносила его бороды, которая страшно щекотала. Она всегда говорила, что предпочитает видеть его бритым, и вот наконец он выполнил ее желание. Он выглядел теперь гораздо лучше и интереснее, хотя и лишился того, что больше всего делало его похожим на Дервента Коннистона. В конце десятого дня он подошел к озеру Тэртл, которое находилось на расстоянии пятидесяти миль от форта Питт, и решил, что теперь ему нечего хорониться. Вот почему он приблизился к индейцам, которые встретились на его пути, и купил у них свежих продуктов. От форта Питт он отправился на юг и между Блэкфут-Хиллс и Вермилион-Райвер прошел в Буффало-Кули. Здесь перед ним раскрылась плоская равнина, на которой местами рассыпались отдельные ранчо. В одном из них он купил вьючную лошадь. Близ озера Буффало он приобрел съестных припасов, кроме того, пятьдесят силков, пересек крайний перевал

Канадских гор и на следующее утро увидел на далеком расстоянии Скалистые горы, купавшиеся в пурпурном тумане.

Со дня его бегства прошло шесть недель, и тут он снова пересек Саскачеван несколько выше Бразо. Теперь ему нечего было торопиться. Перед ним маячили горы. Он совсем близко подошел к тому месту, о котором мечтал так много и так давно, но не чувствовал теперь бывшего настроения. Как будто горы утеряли всю прелесть, которой были полны мечты о них. Подобно тому, как безостановочные воды мало-помалу размывали скалы, вдоль которых они протекали, так день за днем уносил частицу очарования, которым были окутаны некогда эти горы. В течение нескольких недель он медленно и с зияющей пустотой в душе пробирался по зеленой долине, залегшей под белоснежными вершинами величественных горных кряжей. Он так страдал от невыразимого, неопишуемого одиночества, что временами ему казалось, будто он серьезно болен. Его угнетало состояние, которое было гораздо горше, чем простая тоска по товарищу. В конце концов, он легко мог найти попутчика, стоило только захотеть! Дважды он совсем близко подходил к довольно многолюдным стоянкам. Неоднократно наталкивался на одиночек, но сознательно избегал всяких встреч, так как горел одним желанием: не входить в общение с людьми, не вступать в беседу с ними. День и ночь, день и ночь его тело — равно как и душа — рвалось к Мэри-Джозефине, и в глубоком, безысходном отчаянии своем он жестоко проклинал тех, кто оторвал его от девушки. Его одолевал мучительный и очень опасный кризис, с которым бороться было тем труднее, что он был совершенно одинок и никто не мог оказать ему ни малейшей помощи. Тем не менее он продолжал бороться и боролся до тех пор, пока морщины страдания не избороздили в равной мере его лицо и душу. Он никак не мог отделаться от впечатления, что сгорело, пропало, умерло все то, чему он так недавно поклонялся, но то, что случилось в действительности, было еще хуже смерти. Мертвая Мэри-Джозефина могла бы еще вдохновить его на дальнейшую борьбу. Так или иначе духовная связь между ними продолжалась бы. Но девушка жила, страдала, ненавидела его, и вот почему он находил, что его упорные мысли о ней близки к кощунству.

В конце концов он уподобился человеку, который одержал великую победу над страшной болезнью, оставившей все же свои следы. В начале пятой недели он уже понял, что победил самого себя точно так же, как в недавние годы, находясь на севере, побеждал смерть и отчаяние. Кризис миновал, и снова его повело вперед желание забраться как можно глубже в горы. Планы его не претерпели никакого изменения. Там, в горах, он построит себе хижину, и, если закону угодно будет протянуть туда свою длинную лапу, он заберется еще дальше, ибо так велит инстинкт самосохранения.

На второй день седьмой недели он неожиданно заметил одинокого всадника. Незнакомец был на расстоянии какой-нибудь мили, когда Кейт увидел его и отметил про себя, что тот подвигается в одном направлении с ним. Странно было то, что всадника не сопровождала вьючная лошадь. Кейт подумал, что видит одинокого золотоискателя, который воспользовался несколькими свободными днями для того, чтобы возобновить запас провизии. Но кто бы ни был этот человек, Кейт не имел ни малейшего желания встречаться с ним, и вот почему он медленно снялся с места, оставил берег реки и стал взбираться по откосу, который лежал справа от него. Определенное направление он избрал лишь тогда, когда заметил, что незнакомец сильнее погнался вперед лошадь, желая перерезать ему путь.

Это разозлило Кейта. Выбравшись на узкую, довольно крутую тропку, он стремительно понесся вперед по склону, желая как можно скорее добраться до вершины. Достигнув ее, он моментально свернул в сторону и скрылся из виду. Здесь он прождал минут десять, а затем самым спокойным образом стал спускаться в долину, из которой только что ушел.

Он усмехнулся, когда убедился в том, что его хитрый замысел удался на славу. Незнакомец поднялся уже на четверть мили в гору и продолжал взбираться.

— А теперь интересно было бы узнать, какого черта он пожаловал сюда? — спросил самого себя Кейт.

Но через пару минут всадник снова заметил его. Он помедлил немного, и Кейт решил снова проделать свой фортель, но теперь это было не так легко, как прежде, потому что незнакомец круто повернул, тронул лошадь в галоп и так быстро понесся вниз, что расстояние между ними стало стремительно сокращаться. Кейт отстегнул пуговицу кобуры и занял такую позицию, что неведомый преследователь, проехав мимо, мог бы и не заметить его. Настойчивость этого человека вселила в Кейта уверенность, что Мэри-Джозефина, не теряя ни единой минуты, рассказала все Мак-Довелю, который распорядился послать погоню по определенно известному направлению.

Глянув поверх своего тюка на приближающегося всадника, Кейт тотчас же увидел, что на том нет никаких внешних отличий полицейского офицера. Лошадь продолжала нестись в том же стремительном галопе. Одна нога преследователя болталась в воздухе, точно он потерял стремя; человек яростно размахивал руками, а шляпа его плавно покачивалась взад и вперед.

— Стой! — крикнул Кейт.

Казалось, что на незначительную долю секунды его сердце совершенно прекратило свои функции. Он вдруг обратил внимание на огромную рыжую бороду и всклокоченные волосы всадника, который остановил лошадь, свалился с седла и закачался из стороны в сторону, точно в припадке морской болезни.

— Ладно, я...

— Дюгган!

— Джонни! Джонни Кейт!

В продолжение десяти секунд никто из них не сделал ни единого движения. Кейт был потрясен. Глаза Энди Дюггана грозили ежесекундно выскочить из-под тяжело нависших бровей.

И вдруг Кейт уловил несомненный запах сала, который повсюду следовал за его закадычным приятелем былых дней.

— Энди... Энди Дюгган! — закричал он. — Вы... ты знаешь меня. Ты знаешь Джонни Кейта... значит, ты знаешь и меня!

Дюгган ответил каким-то нечленораздельным мычанием и мигом подбежал к Кейту. Он обнял его и прорычал:

— И подумать только, что ты прошел тогда мимо меня и я не узнал тебя! Вот так подлая штука вышла на самом деле! Это я-то не узнал тебя! Я был уверен, что ты и есть Дервент Коннистон!

Он отступил на шаг назад и снова вскричал:

— Да, Джонни Кейт! Джонни Кейт собственной персоной!

— Энди, старый дьявол! Как я рад тебя видеть!

Энди Дюгган вдруг нахмурился и понюхал воздух:

— Черт меня возьми, если здесь не пахнет салом! Уж в этом отношении я никогда не ошибусь!

— Верно, Энди! У меня в мешке есть сало. Но умоляю тебя не обращать внимания на сало до тех пор, пока ты толком не расскажешь мне, какими такими судьбами ты попал сюда! Ради Бога!

— А очень просто! — ухмыляясь, ответил тот. — Я поджидал тебя в этих краях. Так я и знал, что ты рано или поздно спустишься в долину Литл-Форк. Как видишь, я не ошибся, хоть и пришлось маленько подождать тебя. Чуть ли не целых шесть недель жду, вот что!

Кейт схватил руку приятеля.

— Но каким образом ты мог знать это? — спросил он. — Кто мог тебе сказать?

— Пришлось покопаться во всей этой грязной истории, Джонни. Путаница получилась отчаянная! Смит был убит. Джонни Кейт, он же Дервент Коннистон, живший в одном доме с прелестной сестренкой Мэри-Джозефиной, вдруг бежал неведомо куда. Никто ничего не знал и не мог сказать мне. Пришлось строить догадки. Я так и понял, что больше, чем кто-нибудь другой, должна знать о тебе Мэри-Джозефина, вот я и подался к ней, сказал ей все толком, разъяснил, что когда-то мы были с тобой самыми большими приятелями на свете, и от нее узнал, что ты, вероятно, двинулся в ту сторону, где берет начало наша река. В тот же вечер я попрощался с моей «Бетти М». Что же касается девушки, то я сказал ей, что она — большая дура, если думает, что ты укрылся здесь, в этих местах. Я должен был так сказать, потому что она рвала и метала.

— Так я и знал! — горестно и безнадежно воскликнул Кейт. — Так я и знал!

— Конечно, Джонни, это можно было предполагать. Но если бы ты только видел, как она бесилась! Если бы ты видел, как искривился этот прелестный ротик, с какой яростью она говорила, что готова перерезать тебе горло, и какие молнии бросали ее чудесные глазки! Ты понимаешь, что при таких условиях мне оставалось только лгать ей, что я и сделал. В конце концов я заверил ее, что если она ничего не скажет полиции, то я приведу тебя к ней живым или мертвым. Так принято было говорить в старые времена, так я сказал и теперь. И она уступила мне. Она, сэр, сказала мне следующее: «Если вы исполните ваше обещание, то я ни слова не

скажу полиции!» Как видишь, Джонни, я здесь! И если бы я пожелал исполнить обещание, данное этому маленькому очаровательному тигру, то я должен был бы тут же на месте застрелить тебя. Ты слышишь, что я говорю тебе?

Кейт медленно отвернул от него голову.

А Энди Дюгган сделал огромные глаза и воскликнул:

— Джонни! Джонни, да что с тобой такое?

— Ах, Энди, ты никак не поймешь меня! — ответил Кейт. — Ну вот, если ты хочешь знать, я прямо говорю тебе: я страшно огорчен, что она так относится ко мне, что она в таком состоянии...

На одну минуту Дюгган замер и не произнес ни слова. И вдруг разразился отчаянным ругательством.

— Ты огорчен! — вскричал он. — А какого черта ты огорчаешься? В чем дело? Что такое случилось? Ты поступил с ней как самый настоящий порядочный человек и оставил ей все деньги Коннистона. Ей совершенно нечего артачиться и быть в «таком состоянии», как ты выражаешься. Знаю одно: по-моему, ты должен отправить ее ко всем чертям. Она очаровательна и прелестна и все такое, но, если она хочет перерезать своими чудесными ручками твое горло, то ты — большой дурак, что огорчаешься. Правда, ты лгал ей, но что же из этого следует? Уверяю тебя, что иные люди лгут гораздо больше тебя, Джонни, несравненно больше, и вовсе не тужат. Подумаешь, какая важная штука! Брось чепуху молоть! Надо тебе знать, что за эти шесть недель, что я поджидал тебя здесь, я много думал и много разных планов понастроил... Строил я не только планы и могу довести до твоего сведения, что у нас с тобой будет самая расчудесная хижина на всей Литл-Форк. Пока что хорошо уж то, что мы с тобой здесь вместе! Так радуйся же, черт тебя возьми! Радуйся!

Он засмеялся в угрюмое, скучное лицо Кейта.

— Говорю же тебе, сынок мой, что тебе следует радоваться!

Джон Кейт выдавил улыбку на своих губах. Конечно, Энди никоим образом не мог догадаться об истинном положении вещей. Этот человек понятия не имел о том, что значит для него, Кейта, «маленький очаровательный тигр», который хотел добраться до его горла. Крепкоголовый старый герой, честный и откровенный до глубины души, рассуждал по-своему, не понимая подлинных чувств своего друга. И Кейт подумал, что никогда в жизни он не сумеет открыть ему своей великой тайны, которую похоронит на самом дне своего сердца. Насколько возможно, он постарается «радоваться», но не знает, удастся ли ему это усилие над собой.

Сияющее от радости, полускрытое в бороде лицо Дюггана отчасти напоминало солнце, встающее среди скучившихся облаков.

«Хорошо уж то, что я теперь не один!» — подумал про себя Кейт. Дюгган, старый Дюгган, тот самый, с которым он строил такие замечательные и восхитительные планы много лет назад, его преданный и испытанный друг был теперь с ним рядом, бок о бок... В конце концов, дела обстояли вовсе уж не так плохо, настолько неплохо, что улыбка имела полное право проступить на его лице в то время, как он глядел на горы...

Вот там, сравнительно недалеко, на расстоянии нескольких миль лежал Литл-Форк, спрятавшийся в горах, имеющий выход в многочисленные долины и спускающийся в непроходимые ущелья, полные самых таинственных легенд. Впереди была жизнь, со всеми ее неожиданностями, падениями, взлетами, приключениями, увлечениями, страстями, а рядом стоял верный, славный друг... В чем же дело?

Он протянул вперед руку.

— Да благословит тебя Бог, Энди! — воскликнул он. — Ты — самый замечательный товарищ на свете! Люблю тебя!

Через минуту Дюгган указал на кучу строевого леса, которая лежала на расстоянии мили впереди.

— Время сейчас послеобеденное! — произнес он серьезно. — Лес у нас есть. Если бы теперь раздобыть немного ветчинки да закусить, то после этого можно и за дело приняться.

В самом непродолжительном времени Энди Дюгган доказал, что его прожорливость осталась такой же, что и несколько лет назад. Прежде чем рассказать о своих собственных приключениях, он настоял на том, чтобы Джон Кейт самым подробным образом изложил ему все события, начиная с той ночи, как он убил «старого пса», судью Киркстона.

Ровно в два часа они поднялись с места и продолжили свой трудовой день. Час спустя они достигли Литл-Форк и к семи часам вечера подошли к реке. Они далеко забрались в горы, когда решили наконец остановиться на ночлег. Поужинав и закулив трубку, Энди Дюгган весьма комфортабельно устроился у ствола большого дерева.

— Слава Богу, что ты вовремя появился на моем горизонте, — сказал он. — Я на этом месте проваландался ровно десять дней, и припасы мои подходили к концу. Я уже подумывал о том, чтобы сделать новые запасы, и занялся бы этим не позже чем завтра. Но вдруг ты явился! Видишь, дорогой мой, как все шикарно устраивается! А ты еще жалуешься и гримасничаешь! Брось эти штуки и подумай о том, что теперь нам надо как можно энергичнее приняться за золото и найти его во что бы то ни стало.

— Это верно! — ответил Кейт. — Жизни не пожалеем, а своего добьемся!

Дюгган выпустил огромный клуб дыма, хрюкнул и усмехнулся:

— Ну и огонь же эта сестренка Коннистона! — воскликнул он. — Знаешь, Джонни, что я скажу тебе: я готов заложить последнее и поклясться, что при неожиданной встрече с тобой она задушила бы тебя собственными ручками. Конечно, злится она всего больше потому, что ты прежде всего подумал о спасении своей собственной жизни. Я понимаю, что тебе пришлось адски врать, но без этого никак нельзя было, — это я верно говорю. Я лично ничего страшного в твоей лжи не вижу. Мне пришлось куда больше врать, но ни один человек на свете не вздумал убивать меня за это!

Он помолчал и снова начал:

— И насчет Мак-Довеля скажу тебе, что я нисколько не боюсь его. И он и все остальные скажут, что Смит вполне заслужил такую кончину. И ты думаешь, что девчонка не понимает этого! Ого! Еще как понимает! Но при все том она всю жизнь будет вспоминать тебя и не успокоится до тех пор, пока не «поймает» тебя. Она не вполне уверена, что ей удастся это. Ну, а мы должны сделать так, чтобы она совсем выбросила эту дурацкую мысль из своей головки. Надо держать ухо остро и ее оставить в дураках! Вот что я говорю!

— Знаешь что, дорогой мой, — отозвался Кейт, — давай лучше поговорим о более веселых вещах. Имей в виду, что у меня в мешке имеется пятьдесят силков. Ты помнишь те времена, когда мы всю зиму охотились на зверей, а все лето — на... золото, если так можно выразиться?

Дюгган так долго тер руки, что они хрустнули, и заговорил о следах рыси, которые он видел где-то поблизости. Он сделал намек на лисицу и на какую-то особую дикую курицу. Заодно он коснулся и золота, которое успел намыть в двенадцати разных местах и которое, по его утверждению, было «ближайшим родственником» того самого золота, что он несколько лет подряд намывал в Мак-Коффине.

— Если мы тут ничего путного не найдем, — прибавил он, — то придется нам отложить это дело до ближайшего лета и нащупать материнскую жилу.

И с этого момента вплоть до сна он говорил только о «желтом богатстве», о котором мечтал всю свою жизнь. Завернувшись уже в свои одеяла, он вдруг слегка приподнялся на локте, поглядел несколько секунд на приятеля и сказал следующее:

— Вот что, Джонни, ты все-таки не горюй из-за этой девчонки. Лучше иди спать и постарайся выкинуть из головы эту маленькую змейку! Верно я говорю тебе — выкинь!

— Ладно, выкинул! — отозвался Кейт.

Минут через пятнадцать он услышал, как его друг захрапел. Тогда он осторожно откинул в сторону свои одеяла и встал. Тихо и мирно догорал костер, на дне которого притаился засыпающий пепел. Ночь, как и та первая ночь, в которую он оставил пост Принца Альберта, была заткана звездами, и далеко на горизонте вставала луна. Их пристанище находилось на небольшой лужайке, в центре которой мечтательно раскинулось озеро, настолько маленькое, что Кейт совершенно свободно мог перебросить через него камень. На противоположной стороне высоко в небо убегала отвесная гора, вершину которой, находящуюся на расстоянии тысячи футов от земли, уже лизнул робкий лунный свет.

Боясь разбудить товарища, Джон Кейт бесшумно побрел к озеру. Он долго с набежавшей грустью следил за тем, как золотой шлейф луны все ниже и ниже спускался на горы, и ему чудился чудесный, огромный мост, перекинутый с неба на землю. В лунном, трепетном сиянии молитвенно застыли деревья, кусты и горы. Озеро превратилось в грандиозный диск из растопленного серебра, и, куда бы ни падал взор, он повсюду видел серебряные потоки, плавно играющие на скатах гор.

В воздухе мягко, едва слышно колыхались звуки, словно где-то играла потихоньку музыка. Время от времени издалека доносился рокот осыпающихся гор.

Вдруг на один момент Кейту показалось, что рядом с ним, тесно прижавшись, стоит Мэри-Джозефина и что вместе с ней он пьет сладкое блаженство, которое принесла воплотившаяся мечта. Но этот момент миновал, и застывший воздух прорвал острый, мучительный крик — мужское рыдание.

Мир вокруг был прекрасен и ласков, но такой горестной ночи он еще никогда не переживал. Он думал, все время думал о Мэри-Джозефине и никак не мог представить себе, что все сказанное о ней Дюгганом — правда. Да, это верно, что он оставил ее и что она имела полное право презирать его за это, но с представлением о ней никак не вязалась мысль, что в ненависти своей она может дойти до личной мести. Что это значит? Ведь это просто дико! Уж не ошибся ли Энди? И, с другой стороны, не ошибался ли он все время в Мэри-Джозефине, которая на деле оказалась гораздо хуже, ниже?..

Его лицо приняло суровое, жесткое выражение, и безрадостный смех сорвался с губ. Он прекрасно понимал, что в этой борьбе ему не суждено победить. Что бы ни случилось в будущем, он никогда не перестанет любить девушку...

Он не спал почти всю ночь. Несколько раз — пять-шесть — он заворачивался в свои одеяла, но уснуть ему никак не удавалось. А в четыре часа утра он развел огонь, а в пять разбудил Энди.

С места в карьер Дюгган побежал к озеру, и когда вернулся, с головы его и бороды обильно текла вода. Вряд ли соседние горы видели у себя в гостях более веселого парня!

В шесть часов утра они вышли на дорогу. С каждым часом она становилась все тяжелее и круче. Энди довольно часто останавливался, желая проверить, идут ли они по правильному пути. В одну из таких остановок он сказал Кейту:

— Последняя ночь доказала мне, что тебе нечего уже опасаться мести девушки. Мне кое-что снилось, а я убедился, что в жизни всегда случается как раз наоборот тому, что снится. Сны никогда не осуществляются. А снилось мне следующее: ты будто бы спал, вдруг откуда ни возьмись появляется «маленький тигр», выхватывает из-за пазухи большой складной нож, вроде бритвы, и начисто срезает тебе голову. Понимаешь, друг мой, ужасно неприятная штука видеть такие сны! Она срезала твою голову, подняла ее в воздух, несколько раз покачала ею, а кровь медленно капала на землю. Бррр! И всего ужаснее было то, что Мэри все время хохотала...

— Брось рассказывать глупости! — проревел Кейт, которому с трудом давалось каждое слово. — Брось, довольно!

Его глаза сверкали, лицо смертельно побледнело. Дюгган недовольно пожал плечами и что-то проворчал.

Час спустя дорога превратилась в узкое ущелье, которое через несколько минут, и к великому удивлению Кейта, вывело путников в очаровательную долину, похожую на прелестный оазис, заблудившийся между двумя горными кряжами. Едва только они вышли из ущелья, как Энди Дюгган огласил долину множеством выстрелов в воздух.

— Вот мы и пришли домой! — воскликнул он, успокоившись. — Вон видишь, на том холмике приютилась наша хижина. Минут через десять мы будем на месте.

Кейт увидел домик меньше чем через десять минут. В уютной роце из сосен и елей пряталось небольшое здание, построенное из тех же деревьев. Оно было гораздо больше, чем Кейт предполагал.

— Но каким образом тебе удалось самому, без посторонней помощи, срубить хижину! — воскликнул он. — Это прямо чудо, Энди! По-моему, тут может поместиться целая семья.

— Тут случайно оказалось с полдюжины бродячих индейцев, я нанял их, хорошо уплатил им — и вот и все! Имея таких помощников, я мог, конечно, построить хижину любых размеров. А это необходимо, принимая во внимание, что я иногда люблю похрапеть сильнее, чем это полагается в великосветском обществе.

— Но, по-моему, там подымается дымок в воздух! — вскричал Кейт.

— Одного из индейцев... виноват, индеанку... я оставил, — объяснил Дюгган. — Она прекрасно готовит и очень недурно выглядит... Смазливая бабенка, Джонни. Вот сам увидишь! Муж ее умер прошлой зимой, и она с удовольствием осталась у меня за харчи и кое-какую мелочь. Вообще, надо тебе знать, что дядя Энди умеет устраивать дела! Поживешь со мной, сам увидишь!

Близко к хижине протекала речка. Дюгган остановился, желая напоить лошадь.

— Тебе нечего ждать меня, Джонни! — сказал он. — Я тут повожусь с лошадьми, а ты пойди вперед и погляди на хижину. Правду сказать, я не совсем равнодушен к ней.

Кейт передал Энди вожжи и немедленно принял его предложение. Дверь в хижину была открыта, и он вошел внутрь. Первый взгляд, брошенный на внутренность комнаты, убедил его в том, что Энди имеет все основания «быть несколько неравнодушным» к своему дому. Первая большая комната напоминала «гостиную» Брэди. За ней шла вторая комната, из которой доносились звуки шагов и треск огня в печи. Снаружи насвистывал Дюгган. Вдруг свист его превратился в пение, и Кейт ясно услышал слова песни, которую его приятель чуть ли не двадцать лет подряд изо дня в день напевал в Мак-Коффине за работой. Одновременно он услышал веселый женский голос на кухне. «Очевидно, она хорошо и счастливо чувствует себя!» — подумал он, открыл дверь и тогда... тогда...

Она появилась на пороге. Она протягивала ему руки и с невыразимой любовью, нежностью и радостью бросилась навстречу.

Она — Мэри-Джозефина!

Он закачался, подался сначала назад, затем стремительно вперед. Что-то ослепило его — горячие, жгучие, чудесные слезы, которые защекотали горло и брызнули из глаз.

В следующее мгновение она уже была в его объятиях. Она прижалась к нему вся, целиком, смеясь, рыдая, вздыхая и крича:

— Но почему, почему ты не зашел ко мне в тот вечер? Почему ты... ты убежал через окно? Ведь я так ждала тебя... Я была уверена, что уйду сюда вместе с тобой... Почему ты сделал так? Ну, скажи!

А снаружи уже слышался насмешливый и веселый голос Энди, который явно торжествовал победу. Золотоискатель тотчас же появился в комнате, и его первые слова были:

— Ну что, приятель дорогой, не говорил ли я тебе, что на свете имеются лгуны почище тебя? А? Что скажешь теперь? Что? Что?

Прошло несколько минут, в продолжение которых Кейт не отпускал от себя Мэри-Джозефину. Наконец он отпустил ее, несколько отступил назад и впервые посмотрел на нее. Еще никогда ее глаза не сияли так, как теперь, а лицо ее горело таким пышным румянцем, какого он до сих пор не замечал на нем. Было что-то новое в этом румянце, но Кейт не мог еще разобраться в оттенках. Он не успел еще оторвать от нее изголодавшегося взора, как она издала легкий крик, снова припала к его груди и спрятала на ней свое лицо.

А он продолжал шептать одно и то же слово, одно и то же, точно никак не мог найти других...

— Мэри... Мэри... Мэри...

Дюгган постоял, постоял на пороге и наконец понял, что им сейчас не до него. Они не обращали на него ни малейшего внимания, и он вышел, расседлал кобылу Кейта, стреножил обеих лошадей и привесил им на шею колокольцы, причем все время не переставая что-то бормотал себе под нос. Лишь спустя полчаса, когда он справился со всеми своими делами, он снова подошел к хижине, позвякал упряжью, желая дать знать о своем присутствии, и увидел появившуюся на пороге Мэри-Джозефину. Она сияла как солнце. Чудесные волосы рассыпались по ее плечам и частью покрыли Джона Кейта, который выступал вслед за ней. Когда она заговорила с Дюгганом, тому показалось, что где-то близко щебечет птичка. Она подошла к нему, пригладила его вихрастую красную бороду, откинула со лба рыжие волосы и поцеловала его в скулу — единственное местечко, на котором не было волос.

— Ах ты... — начал он, не в силах найти более подходящее слово, — ах ты милая девочка...

Кейт схватил его руку и крепко пожал ее.

— Энди, старый лгун! — воскликнул он. — Твое счастье, что ты так стар, что чуть ли не в отцы мне годишься. В противном случае я здорово отдубасил бы тебя! — Он смотрел на него блестящими от счастья глазами и радостно продолжал: — Отдубасил бы я тебя только потому, что страшно люблю... тебя. Ведь это ты вернул мне счастье, тебе я обязан таким прекрасным днем... днем, который...

— ...который останется мне памятным на всю жизнь! — закончила за него Мэри. — Ведь ты это хотел сказать... Джон?

Она произнесла его имя очень робко, почти стыдливо, ибо оно впервые за все время сорвалось с ее уст. Она сказала это и прижалась щечкой к его плечу. И в присутствии Энди Дюггана, несколько не стыдясь его, Кейт поцеловал девушку.

Через несколько часов, когда весь мир озарился светом звезд и блистательной луны, Кейт и Мэри сидели вдвоем на небольшой лужайке. Кейту казалось, что он видит продолжение вчерашней ночи, но измененной настолько, насколько могла желать того самая пламенная фантазия. Снова в воздухе мягко, едва слышно колыхались звуки, словно где-то играла потихоньку музыка. Снова доносился рокот и журчание текущих вод и слышался таинственный шепот переговаривающихся между собой гор. Над ними немymi стражами застыли белоснежные пики горной цепи, а под их ногами простирался необозримый ковер, сотканный из нежнейших трав и сладко пахнущих полевых цветов.

— «Долина грез»! — так назвала это место Мэри, и голос ее дрожал от счастья. — Мы впредь только так и будем ее называть. Ведь мы всегда только о ней и мечтали. Теперь наша мечта осуществилась!

— Значит, в ту ночь ты хотела бежать вместе со мной? — с удивлением спросил Кейт. —

Ты хотела сопутствовать мне? Как странно!

— Конечно хотела! — ответила Мэри. — И ничего странного в этом нет. Я не слышала, как ты ушел. Мне надоело ждать, я подошла к твоей двери и начала прислушиваться. Затем я постучала, назвала тебя по имени и только тогда, когда ты не отозвался на мой зов, я вошла в твою комнату.

— Господи, Боже мой! — вскричал Кейт. — После всего того, что я сделал, после того, как я прибежал к тебе весь окровавленный, ты готова была... бежать с человеком, который был определенно обречен на травлю?!

— Послушай, Джон, дорогой мой! — она взяла его руку и крепко пожала. — Джон, мальчик мой, я должна кое-что рассказать тебе.

Он молчал и в ожидании пристально смотрел на нее.

— Я просила Дюггана ничего не говорить тебе, если ему удастся набрести на твой след. Этот секрет я хотела лично поведать тебе, и вот почему я взяла с него слово. Правду сказать, я удивляюсь, как

у него хватило сил молчать. Но не в этом дело.

Она еще теснее прижалась к нему и крепче прежнего сжала его Руку:

— Видишь ли, Джон, вскоре после того, как ты убил Смита, случилось несколько весьма неприятных и вместе с тем важных вещей. Во-первых, весь пост озарился пламенем, и оказалось, что горит дом Смита. Я была до того потрясена всем случившимся, и у меня так болело сердце за тебя, что я все время сидела у окна, не в состоянии двинуться с места. Сколько времени я так сидела, не могу тебе в точности сказать, но вдруг дверь распахнулась, и ко мне вбежала Мириам Киркстон, за которой спешил Мак-Довель. Господи, Боже мой, я никогда в жизни не слышала, чтобы так ругались, как ругался Мак-Довель, когда узнал, что ты бежал. Мириам Киркстон бросилась к моим ногам и зарылась лицом в мои колени. Инспектор долго бегал из угла в угол, наконец повернулся с таким видом, точно хотел слопать меня на месте, и выпалил следующее: «А известно ли вам, мисс, что этот дурак Джон Кейт вовсе не убивал судью Киркстона?»

Наступила пауза, во время которой Кейту показалось, что он окончательно лишился рассудка. А Мэри продолжала свой рассказ так, точно речь шла о сегодняшнем закате солнца:

— Конечно, с твоих слов я давно составила себе достаточно ясное представление о Джоне Кейте и во всяком случае не считала его типичным разбойником-душегубом. Видишь ли, Джон, благодаря твоему воздействию, я мало-помалу полюбила Джона Кейта. Но я уклонилась в сторону. Словом, случилось следующее. Во время ночной схватки с Киркстоном ты не убил старика, а только тяжело оглушил его. После твоего бегства отец с сыном поругались, что с ними случалось очень часто. Питер яростно требовал денег, а судья ни за что не хотел давать их. Дело дошло до драки, и случилось нечто такое, что может показаться совершенно невероятным и чудовищным. Но, к сожалению, это правда! После того, как ты исчез из комнаты, Питер Киркстон убил родного отца с целью воспользоваться его состоянием. А затем всю вину свалил на тебя!

— Господи, неужели же это правда?! — вскричал Кейт. — Мэри... Мэри... каким образом ты узнала это?

— Во время пожара Питер Киркстон жестоко обгорел. Он скончался в ту же ночь, но до смерти успел признаться во всем. Вот в чем заключалась страшная власть Смита над Мириам Киркстон! Он знал все! И Мириам готова была уплатить страшную цену за то, чтобы спасти своего отвратительного и несчастного брата от виселицы.

— И вот почему, — тихо начал Кейт, словно говоря самому себе, — вот почему она питала такой болезненный интерес к Джону Кейту!

Он отвернул голову, стал пристально вглядываться в мерцающую ночь, и так, совершенно молча, они сидели очень долго... Она нашла свое счастье, а его душа вынырнула из глубокого мрака и впервые за долгое время узрела свет...

notes

Человек, объявленный вне закона.